

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Минский государственный лингвистический университет

ЯЗЫК–СЕМИОТИКА–КУЛЬТУРА

Сборник научных статей
по итогам международной научной конференции

Минск, 20–21 ноября 2023

В двух частях

Часть вторая

Минск
МГЛУ
2024

УДК 81+81'22+81:378(063)

ББК 81я43+95.4

Я 41

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2/72 от 05.07.2024 г.

Рецензенты: доцент кафедры немецкого и романских языков УО БГЭУ, кандидат филологических наук, доцент Л. И. Копань; зав. кафедрой теории и практики перевода МГЛУ, кандидат филологических наук, доцент Е. Г. Карапетова.

Редакционная коллегия: А. М. Дудина (отв. редактор), Л. Г. Бондарчук (зам. отв. редактора).

Я41 **Язык–Семиотика–Культура** : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. конф., Минск, 20–21 нояб. 2023 г. : в 2 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол. : А. М. Дудина, (отв. ред.), Л. Г. Бондарчук (зам. отв. редактора) [и др.] – Минск : МГЛУ, 2024. – Часть 2. – 240 с.

ISBN 978-985-28-0285-7 (Ч. 2)

ISBN 978-985-28-0278-9

Сборник включает научные статьи по результатам Международной научной конференции «ЯЗЫК–СЕМИОТИКА–КУЛЬТУРА», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Владимира Васильевича Макарова. Конференция состоялась 20–21 ноября 2023 г. в Минском государственном лингвистическом университете.

В сборнике представлены исследования в области романского, германского, славянского, китайского языкознания. Проблематика научных статей затрагивает лингвокогнитивные и лингвокультурологические направления современной науки о языке, функциональный аспект семиотики культуры, вопросы современного переводоведения и лингвистического образования. В сборнике также представлены статьи молодых исследователей (студентов, магистрантов), посвященные европейским языкам.

Для широкого круга специалистов, научных работников и аспирантов в области романской, германской, славянской, китайской филологии, общего и сравнительного языкознания.

УДК 81+81'22+81:378(063)

ББК 81я43+95.4

Электронная версия издания
доступна в электронной библиотеке МГЛУ
по ссылке e-lib.mslu.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0285-7 (Ч. 2)

ISBN 978-985-28-0278-9

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2024

Г. В. Токарев (Тула, Россия)

СТЕРЕОТИПЫ О ТУЛЕ В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
НАЧАЛА XXI ВЕКА: ОПЫТ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

В статье даётся обоснование словарю повседневности, приводится пример словарной статьи, отражающей стереотипы современных туляков о своём городе.

Ключевые слова: язык, культура, словарь, повседневность, стереотип, Тула.

The article substantiates the dictionary of everyday life, provides an example of a dictionary entry reflecting the stereotypes of modern Tulyaks about their city.

Key words: language, culture, vocabulary, everyday life, stereotype, Tula.

Одним из возможных сценариев развития современной лингвокультурологии является изучение культурно маркированных языковых единиц в аспекте воплощения идеологии повседневности. Её ядро составляют стереотипы о насущных вещах. Они находят своё воплощение в разнообразных профанных историях, которых имеют прецедентный характер. Чаще всего эти сюжеты передаются в устной форме, реже их публикуют в популярных изданиях краеведческой направленности. Данные тексты, с одной стороны, характеризуются устойчивостью, с другой – подвержены забвению, что объясняется сменой предпочтений обыденной культуры, продиктованной реалиями повседневности. В связи с этим полагаем, что для науки об интеракции языка и культуры важна фиксация ключевых знаков культуры и закреплённых за ними стереотипов, которая может найти своё воплощение в словарях обыденности. Приведём пример такой статьи, фиксирующей стереотипы современного туляка о своём городе и составленной на основе анализа лингвокультурных легенд.

ТУЛА – ключевой знак, связанный с представлениями о городе в европейской части России; символ защиты Отечества и мастерства; бренд, связанный с оружейным производством, а также с изготовлением пряников, самоваров, гармоний.

Для коллективной памяти актуальны следующие представления и стереотипы о городе:

- географическое положение: Тула располагается в европейской части России к югу от Москвы, Тулу называют южными воротами столицы, Тула лежит на возвышенностях, которые называют горами: *Петровская Гора, Косая Гора, Мыльная Гора, Горелки*; город образован на реке Упе, не являющейся в настоящее время судоходной; Тула – типичный город средней полосы России. Времена года соответствуют календарю;

- история: Тула является старинным русским городом, она старше Москвы на один год, упоминания Тулы относятся к 1146 году. Тулу называют южным форпостом столицы. История Тулы связана с тремя эпохальными событиями. Первое: 8 сентября 1380 года произошла Куликовская битва с полчищами Золотой Орды, итогом стало постепенное освобождение Руси от монголо-татарского ига. Защитой города были непроходимые лесные полосы – засеки, валы – завитаи, Кремль, которые в обыденном сознании становятся символом неприступности города. Второе: восстание 1607 года под руководством Болотникова, в ходе которого город был сдан. Третье: героическая защита Тулы в течение 43 дней (24 с октября по 5 декабря 1941 года). Тула носит звание города-героя. Перечисленные знания формируют стереотип о неприступности города, о том, что Тула всегда могла дать отпор врагу;

- облик: благодаря тому, что Тула была включена в план регулярной застройки, город имеет прямые, симметрично расположенные улицы. Старый город был разделён на слободы по социальному признаку. Это деление отражено в названиях улиц: в старой Туле были дворянские, подьяческие и другие улицы. Центр современной Тулы застроен одноэтажными домами XVIII – XIX века, поэтому город называют столицей ветхого жилья. Тула – зелёный город, с большим числом парков, частных садов. На окраинах современной Тулы появляются спальные районы;

- жизнь города: Тула известна своими производствами. В городе получили развитие металлургическое, оружейное производство, которые дали толчок зарождению самоварного, гармонного промыслов. Тула известна своими пряниками. Эти знания положены в основу стереотипа: *Тула – город мастеров, Тула оружейная, самоварная, пряничная столица*. В современной Туле получила развитие химическая промышленность, приобрели известность на всю страну швейная, обувная фабрики. Продолжены традиции металлургии и оружейного дела. Тула – город музеев. Сформирован стереотип, что Тула по числу музеев занимает третье место после столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Наиболее известными музеями являются Ясная Поляна, Куликово Поле, музей Оружия, музей Самоваров, музей Пряников. В наивном сознании представлены знания о двух главных высших учебных заведениях: политехе (Тульском государственном университете, образованном на базе политехнического университета) и педде (Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого). Тула – родина Льва Толстого. Имя писателя используется в брендинге города. Тула – город богатый: *Живет в Туле, да ест дули*. Дуля – сорт местной груши. В пословице подчёркивается, что несмотря на то, что человек живёт в богатом городе, питается он недорогой едой;

- промышленность. Тула – город заводов и фабрик. К наиболее древним производствам относятся металлургическое и оружейное. На их основе были развиты гармонное и самоварное производство: этому способствовали изобретательность, умения, предприимчивость тульского оружейника. Тула знаменита пряниками, конфетами, сахаром. В современной Туле многие предприятия выполняют государственный оборонный заказ, поэтому во второй половине XX века город считался закрытым.

- экология. Большое число предприятий отрицательно влияют на экологическую ситуацию в городе. В Туле и пригородах немного водоёмов с чистой водой.

Подобные словари будут носить идеологический характер в том смысле, что они отражают ценности повседневности [1, с.19] и воплощающие их знаки в определённые культурные парадигмы.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула: ТППО, 2022. 57 с.

СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева (Минск, Беларусь)

СВЯЗАННАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ЭКЗОТИЗМОВ В ИНОЯЗЫЧНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на примере синтагматики лексемы *джунгли*)

В статье выявляются возможности связанной сочетаемости индийской по происхождению номинации *джунгли* в условиях ее функционирования в иноязычном коммуникативном пространстве на основе данных Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: заимствованная лексическая единица; лексема индийского происхождения; экзотизм; синтагма; синтагматика; коллокация; связанная сочетаемость; коммуникативное пространство.

The article reveals the potential for bound collocation of the lexeme *jungle*, which is of the indian origin, as it functions in foreign communicative space. The research is based on data of the Russian National Corpus.

Key words: loanword; lexeme of the india origin; exotic lexeme; syntagma; syntagmatics; collocation; bound collocation; foreign communicative space.

Экзотизм *джунгли*, несмотря на некоторую грамматическую «непластичность» (*pluralia tantum*), не просто обладает максимальной степенью свободы в реализации своей семантики, но и предстает активным участником процесса экспрессивного миромоделирования. Способность экзотизма вступать в качестве опорного и зависимого компонентов в атрибутивные сочетания, репрезентирующие возможные языковые формы выражения признака, предоставляет еще одну возможность – рождения нового автономного знака со своим собственным цельным значением.

Согласно «Грамматике-80», мы принципиально можем констатировать, что «абстрактные синтаксические образцы в той или иной степени лексически не свободны» [1, с. 11]. Налицо денотативные ограничения, накладываемые отношениями сущностей в реальном мире, а также чисто системная языковая неспособность модели как синтаксической схемы, отвлеченного образца заполняться словами того или иного структурного типа или семантического разряда.

Атрибутивные сочетания со словом индийского происхождения *джунгли* трактуются нами как связанные номинации в силу того, что синтагма целиком оказывается носителем иного, производного значения, лишь метафорически, опосредованно связанного с прямым, зафиксированным в лексикографических источниках. Трактовка подобных номинаций, обладающих связанной сочетаемостью, как единиц перифрастической природы кажется нам убедительной и уместной. Отдельно оговорим, что речь не идет ни об «одухотворении», ни об «опредмечивании» имени, скорее о замене фрагмента реального мира в ходе номинации. Данная замена

становится очевидной именно в момент реализации синтагматических потенций лексемы *джунгли*, приводящей не к более детальному представлению денотата за счет экспликации того или иного его признака, а к перемещению в другую концептуальную сферу. Когнитивный поиск в сфере метафорического моделирования, установления парадигмы метафорических моделей в разных лингвокультурах и применительно к разным типам дискурса со времен Дж. Лакоффа и М. Джонсона неизменно привлекает внимание лингвистов.

Использование определенных метафорических моделей как составной части национальной языковой картины мира на сегодняшний день аксиоматично, однако выявление набора базовых метафор на материале конкретного языкового материала представляет немалый интерес. Будучи изначально именем предметным, словом-денотативом, т. е. именем, напрямую соотношенным со своим референтом, лексема *джунгли* несет вполне понятный любому носителю русского языка перцептивный образ осязаемого фрагмента действительности. Метафорический потенциал экзотизма *джунгли* в русскоязычном пространстве велик. «Языковая метафора как репрезентант когнитивной операции соотношения и отождествления разных концептуальных сфер представляет понимание ключевых аспектов жизни человека» [2, с. 3].

История фиксации и описания заимствованной лексемы *джунгли* в русской лексикографической традиции, структура лексического значения слова *джунгли*, стадии его фонетического, графического и морфологического освоения, деривационный потенциал, а также особенности семантической адаптации данного заимствования в лексико-семантической системе современного русского языка изложены нами в рамках предыдущего этапа исследования. Именно диахронический анализ данных многочисленных лексикографических источников (1860-е – 2020-е гг.), предшествующий непосредственному обращению к материалам Национального корпуса русского языка, позволяет нам утверждать, что вхождение в текстовую реальность лексемы *джунгли* в «производном» значении, ее расширительное прочтение (без какого бы то ни было обращения к Индии, тропикам, субтропикам и т.д.) серьезно опережают кодификацию. Иными словами, лексема *джунгли* словно проходит сквозь фильтры речевой практики, выкристаллизовывая лексическое значение, предоставляемое языковой системой в распоряжение современного носителя русского языка. Тенденции, отмеченные в текстовых документах с 20-х – 30-х гг. XX в., оказываются замеченными составителями словарей русского языка лишь на рубеже XX – XXI вв.

Помета *перен.* появляется в связи с семантическим описанием *джунглей* в лексикографических источниках приблизительно 1970-х гг., в частности в Словаре русского языка С. И. Ожегова (1972) [3]. Речь идет именно о связанных сочетаниях с лексемой *джунгли* в составе: *закон джунглей* (перен.: об открытом произволе и насилии); *каменные джунгли* (о кварталах больших городов). Прецедентный *закон джунглей* в заданном значении дублируют многочисленные последующие словари 1980-х – 1990-х гг. Только с 2000-х гг.,

по данным словарей, коллокация с экзотизмом *джунгли* в составе прирастает значением 'беспорядочное скопление чего-л' [4]. Под коллокациями мы, вслед за Е. В. Ягуновой и Л. М. Пивоваровой, понимаем «неслучайное сочетание двух и более лексических единиц, характерное как для языка в целом (текстов любого типа), так и определенного типа текстов (или даже (под)выборки текстов)» [5].

На сегодняшний день исследуемые коллокации с заданным компонентом, реализующие синтаксические модели (*какие?*) *джунгли* и *джунгли* (*чего?*), а также стоящий особняком освоившийся в русском коммуникативном пространстве закон (*чего?*) *джунглей*, чрезвычайно востребованы в современной речевой практике говорящих именно как единицы вторичной номинации. Конвенциональная метафоричность, образность подобных синтагм при, казалось бы, членимости их плана содержания позволяет им с легкостью справляться с функциями номинации, характеризации и даже скрытой, «имплицитной» предикации. Связанная сочетаемость подобных синтагм-коллокаций предстает не как реализованная возможность для одного из двух их компонентов сочетаться лишь с крайне ограниченным рядом лексем и неспособность реализовывать заданное значение вне их круга, а как способность данных сочетаний порождать новые знаки, обладающие целостным значением, отличным от суммы словарных значений составляющих их лексем. Данные коллокации представляются конвенционально без труда выводимыми, семантически стабильными, лексически достаточно разнообразными. Однако отмеченная лексическая вариативность в заполнении позиции второго компонента синтагмы тем не менее демонстрирует серьезные лексические ограничения, которые подтверждаются установленным набором из ряда лексем.

Тем не менее нельзя отрицать тот факт, что в диахронии заметна тенденция к расширению парадигмы (или даже поля) лексем, составляющих синтагматическое окружение *джунглей*. Те лексические единицы, которые на заре вхождения единицы *джунгли* в лексико-семантическую систему русского языка просто не могли быть использованы как синтагматические партнеры *джунглей* в силу семантического рассогласования компонентов потенциального словосочетания, сегодня стали частью «команды»: *васильковые джунгли*, *джунгли малинника* и др.

Привычные атрибутивные конструкции с опорным компонентом *джунгли* в прямом значении в своем составе мы не относим к объекту нашего исследования: *Видно, не так удобно царственному зверю гулять по глубоким снегам Уссурийского края, как по бенгальским джунглям или по пальмовым лесам тропических стран!*..[Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869 гг. (1870)] (Здесь и далее иллюстративный материал приводится по данным Национального корпуса русского языка [6]). Однако именно на их фоне становится столь очевидной специфика связанной сочетаемости и связанных синтагм-коллокаций как феноменов.

Джунгли как номинация, обладающая ЛЗ, имеет набор «крючков», которые позволяют «цеплять» атрибутивных синтагматических партнеров. Структура ЛЗ данного слова, согласно данным современных словарей, позволяет в качестве таковых назвать семантические атомы ‘густые / трудно-проходимые / непроходимые заросли (чего-л.)’, ‘общество / среда обитания, проживания кого-л.’, ‘открытый произвол, насилие, жестокость’, ‘неразвитость, первобытность, дикость’, ‘ужасающие условия’, ‘нравственное падение’, ‘беспорядочное скопление чего-л.’.

Локативные семы ‘в тропических странах / субтропических странах’, ‘в Южной / Юго-Восточной Азии / Индии’, ‘Индостан, Индокитай, Зондские о-ва’, ‘в долинах рек предгорий Гималаев’, ‘тропический / субтропический / индийский’ и др. мы опускаем в силу ограничения объекта нашего исследования. Диахронический анализ позволяет обнаружить четко прослеживаемую тенденцию к последовательному уменьшению общего удельного веса локативной информации, которая была ядерной в лексикографических источниках конца XIX – начале XX в. в силу фиксации одного, исходного значения лексемы, в словарях конца XX – XXI вв., в которых фиксации подлежат уже второе, производное, и даже третье и четвертое значения (с пометой *перен.*).

Расширительное значение лексемы *джунгли* – обозначения ‘густых зарослей чего-либо’ – зафиксировано как разговорное в русских словарях лишь на рубеже XX – XXI вв., в то время как, по материалам Национального корпуса русского языка, отмечается в текстах с конца 1920-х гг.: *После грозы и бури из зарослей морских джунглей, из тесных щелей скал, из чащи причудливых кораллов и губок выплывают мелкие рыбки...* [А. Р. Беляев. Человек-амфибия (1928)]; *Среди густой чащи, на небольшом примятом пространстве, колыхались лишь два высоких отростка стеблей; потом чаща сомкнулась, поглотив и этих свидетелей необычайного сражения, разыгравшегося в молчаливых подводных джунглях океана...* [Г. Адамов. Тайна двух океанов (1939)]; *Он (...) взглянул на лиловые джунгли люпина...* [Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959)]; *С высоты ста метров увидел сплошные камышовые джунгли!* [Л. И. Брежнев. Целина (1977)]. Синтагматические партнеры *джунглей* в подобном значении резко меняются, однако требование языка относительно необходимости семантического согласования компонентов синтагмы уже не нарушается.

Джунгли как единица вторичной номинации зародились, без сомнения, в авторских текстах. В ходе сопоставительного анализа данных русской лексикографии и Национального корпуса русского языка установлено, что хронология фиксации в лексикографических источниках потенциалов, реализованных лексемой в русскоязычном текстовом пространстве, характеризуется серьезным отставанием. По сути именно в реальных текстах на наших глазах на протяжении десятилетий вызревают в рамках коллокаций те ипостаси *джунглей*, которые значительно позже подвергнутся фиксации лексикографами. До сих пор словари в качестве фразеологических единиц предлагают

ставшие «первопроходцами» *каменные джунгли* (о городе) и кодифицированные позже связанные сочетания *джунгли мегаполиса*, *неоновые джунгли* с более широким значением ‘беспорядочное скопление чего-л.’, а также *джунгли преступного мира*, *джунгли криминала*, *закон джунглей* со значением ‘о жестоком, опасном и непредсказуемом мире’. Интересно, что в словарях с 1970-х гг., когда впервые лексикографические источники фиксируют те же *каменные джунгли* и *закон джунглей*, речь идет именно о фразеологических единицах, связанных значениях, новейшие словари последнего десятилетия фиксируют новый ЛСВ, новое значение самой лексемы *джунгли*.

Отметим, что *джунгли* в указанных значениях действительно широко представлены в русских текстах: *Потом было минное поле, потом холм-ловушка с пулеметом, который не протух и долго прижимал их к земле, грохоча на весь лес; потом они попали в настоящие джунгли колючей проволоки...* [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Обитаемый остров (1967-1969)]; *На днях приводил свои бумажные джунгли в порядок и, перекладывая Ваши письма в толстый непромокаемый конверт, думал о Вас.* [К. А. Куприна. Куприн – мой отец (1979)]; *И он, миллионер, уже не думает об эксплуатации человека человеком, а думает, как бы ему выжить в этих каменных джунглях* [Л. Измайлов. Наши люди (1984)].

В. Н. Телия почти полвека назад констатировала, что «сама возможность сочетаемости слов с отвлеченным типом семантики со словами, прямые значения которых обладают предметно ориентированным значением, обусловлена способностью абстрактных существительных актуализировать коннотации, возбуждаемые в их значении на основе... “опредмеченности”» [7, с.4]. *Закон джунглей* демонстрирует, что именно зависимое слово-денотатив диктует «мелодию» коннотаций, которую озвучивает синтагма-коллокация: *Закон джунглей – сам разбил, сам и ремонтируй* [К. Феоктистов. Траектория жизни (2000)]; *Впрочем, закон джунглей гласил «Слабому — кость», и Николай снова прихлебывал из картонного стаканчика обжигающий кофе, уже предвкушая радостное волнение полета* [А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)].

Интересно проследить коннотации, которые в современных текстах сопровождают классические синтагмы-коллокации, а точнее коннотативную динамику (на примере *каменных джунглей*): *В каменных джунглях я чувствую себя, как рыба в воде... Это воплощение урбанизма, техногенной цивилизации... Эти каменные, языческие джунгли... Но среди камней Нью-Йорка я как рыба в воде. Мне ужасно нравятся эти каменные джунгли. Нью-Йорк — это мегаполис, где перемешаны все культуры, это сгусток энергии, это сколок со всего мира* [А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)]; *Именно такие проемы, а еще проходные дворы, парадные и черные лестницы и подвальные катакомбы превращают Петербург в каменные джунгли, увлекательные и захватывающие* [М. Баконина. Школа двойников (2000)];

Вообще лес и город малоотличимы: город есть каменные джунгли, лес есть древесный город [А. А. Ботев. Кот Шредингера // «Волга», 2013]. В приведенных контекстах каменные джунгли – это не каменный мешок, не тюрьма, не бездушное, механистическое начало, а напротив, территория свободы и вечного движения.

Возможно, сема ‘свобода’ в ЛЕ джунгли, которая в русской лексикографии остается незамеченной до сих пор, оказывается сильнее ‘камня’, а точнее семы ‘состоящий, сделанный из камня’. А ведь данная сема-победитель получала экспликацию в подобных случаях в русских текстах ещё с 30-х гг. XX в.: *Начинало уже темнеть, когда Володя вернулся из «джунглей» — так, оказывается, называли в совхозе отгороженный участок леса, где звери жили на свободе* [В. Каверин. Два капитана (1938-1944)]. На наш взгляд, подобные контексты свидетельствуют о несомненной модификации лексической семантики фразеологической единицы: каменные джунгли предстают как ареал свободы, креативного начала и зона комфорта.

Лексическое варьирование коллокаций с джунглями в указанных словарях значениях в составе серьезно расширяет границы кодификации. Реальные синтагмы, обнаруживаемые в текстах, весьма многообразны: *международные джунгли Брюсселя и Страсбурга, московские джунгли, нижегородские джунгли, канадские джунгли, джунгли мегаполиса, джунгли огромного города, городские джунгли; капиталистические джунгли, буржуазные джунгли, джунгли бизнеса, джунгли НЭПа, социалистические джунгли, советские джунгли, джунгли рыночной экономики, джунгли американского бизнес, джунгли большого бизнеса, банковские и бизнесовские джунгли, джунгли российского бизнеса, долларовые джунгли; индустриальные джунгли, джунгли индустрии, джунгли ранней эмиграции, джунгли из стекла и бетона, каменные джунгли капитализма, бетонные джунгли, асфальтовые джунгли, неоновые джунгли, джунгли новостроек, мусорные хрущевские джунгли, электрифицированные джунгли; российские криминальные джунгли, джунгли тюремно-лагерного мира, джунгли колючей проволоки, джунгли чистогана, джунгли интернета, джунгли общепита, джунгли чумазных машин, джунгли многорелигиозного древа, электронные джунгли, металлические джунгли, железные джунгли, джунгли зоопарка, служебные джунгли, партийно-аппаратные джунгли, джунгли чисел, математические джунгли теории квантовых струн, академические джунгли, дипломатические джунгли, железнодорожные джунгли, литературные джунгли, поэтические джунгли, метафорические джунгли поэзии, бумажные джунгли, культурологические джунгли, глянцевые джунгли масс-культы, джунгли искусства, джунгли рекламного дела.*

Синтагматика джунглей сегодня – кладезь языковых возможностей, которые порождают единицы вторичной номинации перифрастической природы, иногда экспрессивные, иногда конвенциональные: *ледяные джунгли, современные человеческие джунгли, социальные джунгли, джунгли современной антропологической гуманитарной мысли, генетические джунгли,*

нейронные джунгли, эротические джунгли. Связанная сочетаемость *джунглей* в современных русскоязычных текстах позволяет *джунглям* проникать внутрь говорящего человека, входить в его духовный мир, зачастую сочетаясь с именами непредметной семантики: *джунгли наследственной памяти, джунгли нашего подсознания, джунгли вечных страхов и опасений, джунгли нашей души, джунгли бесчеловечности, отъединенности, равнодушия, джунгли подонства.* На наш взгляд, это свидетельство семантической «зрелости» экзотизма *джунгли*, обретения им способности передавать «шорохи» и мельчайшие движения души автора, отображать вехи его духовного пути: *И вот поневоле думаешь о тех джунглях бесчеловечности, отъединенности, равнодушия, через которые продирались эти люди, — и, пожалуй, на воле в еще большей мере, чем здесь* [Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)]; *Удивляет вас, как это он среди джунглей вечных страхов и опасений жизнь без инфарктов прожил?* [В. Конецкий. Вчерашние заботы (1979)]; *А упрекают они нас не за бомбу. Которую сами же и помогли нам создавать. Упрекают за другое. За то, что в джунглях нашей души деревянная соха сплелась с атомной бомбой* [Н. Джин. Учитель (1980-1998)]; *Антисемитизм — это любимый цветок джунглей подонства. Я, Ганя Борисовна, кричу об этом уже столько лет, что охрипла* [Г. Щербакова. Эмиграция по-русски... // «Огонек». № 9 (3319), 1991].

Таким образом, связанная сочетаемость *джунглей* сегодня демонстрирует как движение от предметной семантики к ментальной в целом, так и актуализацию в структуре ЛЗС новых семантических оттенков (сема ‘свобода’), не зафиксированных современной лексикографией.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Русская грамматика : [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М. : Наука, 1980-1982. Т. 2: Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Ицкович и др.]. 1980. 784 с.
2. Найдина Д. С. Метафора в процессах манипулирования в современном медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Томск, 2013. 23 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 9-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1972. 1360 с.
4. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Под ред. Г. Н. Складчиковской. М. : Эксмо, 2007. 1136 с.
5. Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Сб. НТИ, Сер.2, №6. М., 2010. URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394529742_4311.pdf.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.09.2023).
7. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.

КАРАБОНИМИКА КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОНОМАСТИКИ И СЕМИОТИКИ

В статье рассматривается понятие карабонимики, её роль в ономастике и семиотике. Представлен ещё развивающийся терминологический комплекс карабонимики. Термин карабонимика противопоставляется ранее введённому ошибочному термину каронимика. Изучена функциональность карабонимики, предложено её место в научном пространстве. Представлена проделанная автором исследования работа по изучению карабонимии и развитию карабонимики. Сформулированы проблемы в рамках этой дисциплины и показаны возможные пути их решения.

Ключевые слова: карабонимика; карабонимия; корабль; ономастика; семиотика; флот; наука.

The article discusses the concept of carabonymy, its role in onomastics and semiotics. A still developing terminological complex of carabonymy is presented. The term carabonymy is contrasted with the previously introduced erroneous term caronymy. The functionality of carabonymy is studied, its place in the scientific space is proposed. The work done by the author of the study on the study of carabonymy and the development of carabonymy is presented. The problems within this discipline are formulated and possible ways of their solution are shown.

Key words: karabonymy; ship, onomastics, semiotics, fleet, science.

В 1989 г. доктор технических наук Ю.С. Крючков ввёл в научный оборот термин каронимика, обозначивший раздел ономастики, отвечающий за исследования названий кораблей и судов. Он выводил её название от греческого карабос – ‘корабль’ и онома – ‘имя’ [1, с. 4]. Он там разработал также:

- структуру из групп каронимов, родственными по смыслу;
- систему с принципом отбора названий кораблей и судов разных рангов, размеров и назначения;
- свойства;
- эмблематику, условно показывающую названия в вещественных элементах корабля или судна;
- происхождение (генезис первого названия и традицию его последующих «реплик») названий кораблей [1, с. 9, 10, 12].

Расширение практики работы исследователей в этом направлении [2-8] привело формированию внутри этого раздела новых терминов и связанной с ними структуры: каронимы, каронимия и каронимическое пространство. Эти термины ещё больше уводят от грамотных понятий.

На взгляд автора данного исследования, понятие каронимика и связанные с ним термины не отвечают правилам формирования терминов на базе иностранных слов. Семантический анализ названий аналогичных разделов ономастики (например, топос – топонимика, антропос – антропонимика, астроним – астронимика, теос – теонимика и т.д.) показывает, что в их создании корректно используют только полные формы иностранных слов,

именно этот принцип нарушен в случае с каронимикой, в наречении которой некорректно применён укороченный вариант. Необходимы замены терминов каронимика, кароним, каронимия и каронимическое пространство на карабонимика, карабоним, карабонимия и карабонимическое пространство.

Потому автор данного исследования в публикации 2007 г. предложил термин карабонимика взамен терминам каронимика и наутонимика [9].

Последний термин (от ναυτικός – ‘флот’ и ὄνομα – ‘имя’) встречается крайне редко, и также слабо подходит для решения обозначенной проблемы именования кораблей: ведь получается, что наутонимика предназначена для изучения названий флотов – например, Северный, Черноморский или советский и российский вместо изучения названий кораблей и судов.

Именно в этой публикации чётко проявила себя функциональность карабонимики. Автор предложил Таможенной службе систему названий для таможенных судов с опорой на дореволюционные названия таможенных судов. В 2023 г. разработаны карабонимии таможенных дореволюционных и пограничных судов Российской империи [10] и ледоколов СССР и России [11-13].

Задолго до того автор данного исследования в своей кандидатской диссертации [14, 15] и монографиях на аналогичную тему [16] изучил карабонимии речных пароходств дореволюционной Волги.

В ходе этих исследований автором выявлена и доказана необходимость функционального системного подхода к названию новых кораблей и судов как гражданского и военно-морского, так и ведомственных флотов на базе карабонимики. Из устоявшихся и признанных практик применяют следующие:

- названия всем судам в серии стараются присваивать однородные и однозвучные – например, сейчас серии МРК проектов 2263.1 и 2280.0 – ойконимы, названия почти всех речных лайнеров Волги – антропонимы [17];
- соблюдение в этом случае некоей субординации – например, эти малые ракетные корабли называют в честь небольших городов вроде Углича и Наро-Фоминска, а более крупные суда – в честь крупных городов, например, название «Москва» давали крейсерам;
- название корабля или судна в честь уже носившего такое название и прославившего его – например, «Меркурий» или «Варяг»;
- преимущественный отказ от длинных названий – куда предпочтительнее название тяжёлого авианесущего крейсера «Минск» советского ВМФ имени современного аналога «Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов».

Уже из приведённых практик очевидны возникающие в карабонимике проблемы:

- неожиданные названия, выбивающиеся из общих принципов названий в сериях – например, в серии корветов проекта 2038.0 и 2038.5 все карабонимы – прилагательные («Стерегущий», «Гремящий») (это названия головных

кораблей в этих сериях) и т.д.), но неожиданно в серии появились «Герой Российской Федерации Алдар Цыденжапов» и переведённый из другой серии (проекта 2038.6) «Меркурий», вместо которого единственный представитель той серии стал «Дерзким»;

- появление чересчур длинных карбонимов из 5-6 слов, тогда как оптимальным является не более 3-х. Так, броненосец, который в учебниках истории называют «Потёмкин» на самом деле имел название «Его Светлейшество князь Потёмкин-Таврический»;

- двойственности в значениях названий – так, не всегда понятно, в честь чего или кого назван корабль – например, современный БДК «Минск» проекта 775 назван в честь города или списанного ранее крейсера;

- повторы названий, когда разные суда носят одновременно одни и те же названия – это часто случается с популярными названиями, например, «Ленин» в советское время;

- цифры или числительные вместо названий;

- сложности со склонениями – например, МРК проекта 2280.0 «Орехово-Зуево», сколько ошибок будет создано при попытках сказать – «я служу на...», или «я с...». Кстати, по одной из версий, именно так появилось слово «салага» – я с «Алага».

Один из способов решений этих проблем автор предложил в своей публикации [9] – создание карбонимических комиссий при ВМФ РФ и других организациях – заказчиках судов. В такие комиссии, помимо представителей самих ведомств, лучше всего включать историков, филологов и самих моряков – у них, похоже, вообще никто не спрашивает, на кораблях и судах с какими названиями они предпочли бы служить.

В дореволюционной России была практика сбора народных средств на строительство кораблей и судов. При сборе большой суммы представителями конкретного города именно его ойконим становился карбонимом.

Целесообразным стало бы создание единого национального Реестра карбонимов, к которому есть смысл обеспечить доступ выше предложенных комиссий.

Также правильным представляется создание методического пособия для членов подобных комиссий и самих организаций, которые занимаются имярекением кораблей и судов.

Таким образом, карбонимика является одним из разделов ономастики, располагая стандартными и уникальными терминами, практиками и особенностями. К сожалению, понятийный аппарат этой вспомогательной дисциплины пока ещё не устоялся до конца, хотя самому имярекению кораблей и судов – уже многие века. Функциональность карбонимики вызвана повседневностью названий кораблей и диктует свои правила. Имеется наработанный веками и выявленный практический опыт, сформулированы типичные проблемы и рекомендованы пути их преодоления путём создания комиссий и методических пособий.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Крючков Ю. С. Имя на борту. М.: Транспорт, 1989. 159 с.
2. Ильина И. И. Лексико-семантическая и структурная характеристика каронимов (на материале названий волжских пароходств): автореф. дис. ... канд. филол. наук: / И. И. Ильина; СГПУ, Самара, 1998. 24 с.
3. Гнездилов Г. В. Психологический потенциал каронимики и его использование в образовательном процессе СГУ / Г. В. Гнездилов, А. А. Чертополох // Инновации в образовании. 2002. №4. С.41–52.
4. Гнездилов Г. В. Социально-психологические основы каронимики: исследование именования кораблей Российского флота / Г. В. Гнездилов, А. А. Чертополох // Человеческий капитал. 2013. №9(57). С.138–147.
5. Кивилева Е. Б. Динамический раздел каронимики как раздела ономастики // Вестник МГЛУ. 2014. Вып.20 (706). С.110–119.
6. Кивилева Е. Б. Механизмы номинации единиц военной техники (на материале названий американских и британских кораблей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 237 с.
7. Родин А. Б. Патриотизм и историческая Память нации и их отражение в каронимике военно-морских сил СССР и Великобритании в 1930-е-1945 гг / А. Б. Родин, М. В. Вовк // Потемкинский форум: Сборник материалов IV международного научного форума, 75-летию Крымской наступательной операции 1944 года и 5-летию воссоединения Севастополя и Крыма с Россией, Севастополь, 25–26 апреля 2019 года / отв. ред. А. П. Кабаченко. Севастополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Севастопольский государственный университет". 2019. С.114–115.
8. Рычков С. Ю. Прецедентные онимы в каронимике: память о Бородинском сражении в названиях кораблей // Лингвокультурология. 2020. №14. С.81–94.
9. Алексушин Г. В. Имя твое неизвестно... // Таможня. 2007. №17. С.30–31.
10. Алексушин Г. В., Семин Ю. А. Таможня Российской империи на море. СПб: «Гангут», 2023. С.30–31.
11. Алексушин Г. В. Атомные ледоколы. Самара: «Прайм», 2023. 27 с.
12. Алексушин Г. В. Военные и боевые ледоколы СССР и России. Самара: «Прайм», 2023. 27 с.
13. Алексушин Г. В. Дизельные гражданские морские ледоколы СССР и России. Самара: «Прайм», 2023. 31 с.
14. Алексушин Г. В. Пароходное общество «Кавказ и Меркурий»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. 24 с.
15. Алексушин Г. В. Пароходное общество «Кавказ и Меркурий»: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. 281 с.
16. Алексушин Г. В. Развитие транспорта дореволюционной Волги. Самара, 2020. 71 с.
17. Aleksushin G. V., Solomina I. J., Filatova M. S. New River Liners-A Factor in the Development of Russian Cruise Tourism // Lecture Notes in Civil Engineering. 2022. Vol.210. P.245–254.

СЕМИОТИКА НАЗВАНИЙ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ КАК ПОЛИКОДОВЫХ ОЙКОДОМОНИМОВ

В статье представлены результаты исследования, направленного на описание названий жилых комплексов г. Астрахани в семиотическом аспекте. Рассмотрены особенности коммерческих ойкодомонимов как элементов городского ономастического пространства. Имена собственные зданий представляют собой семиотические комплексы, созданные по определённым моделям. Как один из видов урбанонимов названия жилых комплексов включены в многочисленные сферы городской коммуникации и содержат, помимо вербального, композиционные и графические компоненты.

Ключевые слова: ономастика; семиотика; жилые комплексы; семиотические комплексы; ойкодомоним; урбаноним

The article presents the results of a study aimed at describing the names of residential complexes in Astrakhan in a semiotic aspect. The features of commercial oikodomonyms as elements of urban onomastic space are considered. Proper names of buildings are semiotic complexes created according to certain models. As one of the types of urbanonyms, the names of residential complexes are included in numerous spheres of urban communication and contain, in addition to verbal, compositional and graphic components.

Key words: onomastics; semiotics; residential complexes; semiotic complexes; oikodomonym; urbanonym

Активное развитие строительной отрасли и появление коммерческой недвижимости в начале 2000-х годов актуализировали роль нейминга в вербальной идентификации внутригородских объектов. При разработке маркетинговых стратегий строительных компаний особое внимание уделяется разработке названий для жилых комплексов (далее – ЖК) и кварталов. Помимо теоретических исследований нейминга как технологии разработки коммерческих имён в последние годы в интернет-пространстве появилось множество статей, посвящённых различным аспектам именованию объектов недвижимости [1–7 и др.]. Это говорит о коммуникативной значимости рекламных имён и обуславливает актуальность их рассмотрения как элемента городского ономастического пространства. Объектом исследовательского интереса лингвистов наименования ЖК как отдельного вида онимов стали в начале XXI века [8–13].

Названия ЖК мы относим к ойкодомонимам. В ономастике этот термин употребляется в двух значениях: «имя собственное здания» и «имя собственное коммерческого объекта». Несмотря на отсутствие единого мнения лингвистов относительно терминологии, используемой при описании названий зданий, совершенно очевидно, что эти внутригородские объекты обладают топографичностью и носят рекламный характер. Кроме того, семиотический потенциал названий ЖК как имён собственных отводит им ведущую роль в топонимическом имиджировании городского пространства, подразумевающим разработку привлекательного дизайна, создание стимулов для потенциальных покупателей недвижимости, информирование об отличитель-

ных преимуществах. В этом смысле исследование рассматриваемых ойкодомонимов неразрывно связано с понятием имиджа места [14, с. 15]. Названия ЖК представляют собой уникальный для каждого региона вербально-семиотический материал, влияющий на восприятие города. В настоящей работе языковым материалом для анализа избраны 50 названий сданных в эксплуатацию и строящихся ЖК города Астрахани. Картотека собрана методом полевых наблюдений и посредством анализа сайтов по продаже недвижимости и базы данных ЦИАН.

В семиотических исследованиях городское пространство описывается с помощью категории текста, однако «...текст города таков, что воспринимается по всем каналам – зрением, слухом, обонянием, тактильно» [16, с. 7]. В этом и заключается поликодовость ойкодомонимов: вывески, баннеры с названиями ЖК как микротексты включают визуальные, вербальные, композиционные элементы (шрифты, буквенные и небуквенные элементы и их комбинации, социокультурные символы, двойную графику и т.п.). Сочетание средств разных семиотических систем образует обуславливает появление в городском пространстве полифункциональных комплексов, оказывающих прагматическое воздействие на адресатов – горожан и гостей города. Таким образом, названия ЖК в семиотическом плане являются знаками и выполняют указательно-выделительную функцию.

Т. В. Шмелева выделяет два типа семиотики внутригородских объектов – меморативный и демонстративный [17, с. 42]. В ойкодомонимах, образованных по первому принципу, отражаются интенции номинаторов увековечить память известных людей, исторических деятелей. Мы зафиксировали только один подобный ойкодомоним – ЖК *Гагарин*. Логотип ЖК представляет собой пример креолизованного текста: в слово «Гагарин» интегрирован невербальный компонент (вторая буква А прорисована как взмывающая ввысь ракета). Показателен при этом и рекламный слоган: «Старт в новую жизнь». Комплекс строится на улице Космонавтов, поэтому название *Гагарин* содержит отсылку к известному горожанам годониму по принципу метафорического переноса (метонимии).

В большей степени в Астрахани представлены названия ЖК, основанные на демонстративном принципе. В них зафиксированы сведения, не относящиеся напрямую к объекту номинации, но значимые для социокультурной общности (реалии, символы). Среди таких ойкодомонимов мы выделяем несколько групп.

Метафорические ойкодомонимы не указывают на географическое положение ЖК и не имеют локальной привязки к ономастическому ландшафту города, но характеризуют внешний вид домов и придомовых территорий: *Лазурный*, *Паруса* (три дома с панорамным остеклением на набережной Волги создают иллюзию парусов судна), *Радужный* (в цветовом оформлении фасадов домов присутствуют все цвета радуги), *Ранората* (панорамное остекление домов), *Времена года* (четыре дома ЖК названы и выполнены в стиле соответствующего ему времени года: *Зимний*, *Весенний*, *Летний* и *Осенний*).

Символические ойкодомонимы заключают в себе значимые для покупателей недвижимости и иных адресатов-горожан ценностные смыслы. Такие номинативные единицы мотивированы следующими смысловыми сферами.

1. Благоприятная экологическая среда: *Зелёные кварталы, Укроп, Облепиха, Вишнёвый сад.*

Зелёные кварталы – это жилой район из пяти кварталов – Берёзового, Лавандового, Виноградного, Кедрового, Жасминового. Ойкодомоним интересен тем, что, не являясь городским микрорайоном в плане административного деления, номинатором он позиционируется как жилой район. Название здесь служит смысловым ядром для образной семантики пяти строящихся объектов, и территории кварталов связываются при этом и семантически, и семиотически. Замысел номинатора раскрыт в небольшом тексте о проекте на сайте застройщика: «При создании района мы вдохновились деревьями и растениями, которые будут круглый год расти в вашем саду. Жасмин – символ изысканности. Береза – символ света. Кедр – символ честности. Лаванда – символ релакса. Виноград – символ изобилия» (<https://zelenye-kvartaly.ru>). Мотивом создания подобных названий ЖК является указание на расположение строящихся домов вблизи природных объектов, в экологически чистых районах города. Номинативное позиционирование благоустроенной территории призвано сформировать у потенциальных покупателей квартир представление о комфортной окружающей среде. Помимо названного ранее ЖК *Зелёные кварталы*, приведём названия «экологической» тематики: *Укроп, Облепиха, Вишнёвый сад.* В дизайн-проектах таких ЖК обязательно присутствуют изображения зелёных насаждений, а в рекламных материалах на сайте застройщика упоминается, что дом находится рядом с водоёмом, на набережной реки и т.п.

2. Статусность, престиж: *Адмирал, Флагман, Купеческий, Европейский, Особый, Московские кварталы, На высоте.*

3. Семейные традиции, безопасность: *Семейный, Уютный, Комфорт, Исток, Наследие, Мирный.*

4. Современность, соответствие духу времени: *Молодёжный, Новый город, Голос эпохи, Атмосфера, Пипл.*

Отдельно отметим ЖК *Лотос Парк*. Лотос давно стал визитной карточкой региона, и в городе расположено множество объектов инфрас-структуры, названных именем этого редкого растения: судостроительный завод, торговый центр, магазины и т.п. До 2006 года название «Лотос» принадлежало самой комфортабельной астраханской гостинице, расположенной у Речного вокзала. Символический ойкодомоним *Лотос Парк* продолжает традицию «туристических» номинаций, мотивированных указанием на географические особенности региона, его уникальные природные ресурсы. Символ лотоса присутствует в различных пространственных формах ЖК:

в виде декоративных элементов фасада и подъездов дома, на металлической решётке ворот и т.д. Наполнение ойкодомонимов этнокультурной информацией, безусловно, определяет их роль в формировании регионального имиджа и не ограничивается созданием образа локации.

Метафорические и символические ойкодомонимы выполняют исключительно рекламную функцию, поскольку не несут информацию о местонахождении ЖК на карте города.

Отгидронимные ойкодомонимы: *Волжская Ривьера, Сердце Каспия, Зацаревье квартал*. Водными объектами, разделяющими городское пространство на районы, являются река Волга и протока Царев (ерик дельты Волги). Они и послужили основой для названий двух ЖК. Ойкодомоним *Сердце Каспия* связан с такими образными номинациями Астрахани, получившими широкое распространение в туристических рекламных текстах, как *Жемчужина Каспия, Каспийская столица*. Город как крупный речной и морской порт расположен на одиннадцати островах дельты Волги и в геополитическом смысле представляет морские «ворота» России для стран Ближнего Востока.

Ривьера (итал. *riviera* «побережье») – французско-итальянское побережье Лигурийского моря от Канн. Кроме того, часто ривьерой называют прибрежные местности с типичным средиземноморским климатом (район Анталы – Турецкая ривьера, Черноморское побережье Кавказа – Кавказская ривьера и т.д.). Ойкодомоним *Волжская Ривьера* – вариант образно-символического обыгрывания первичного топонима, получивший в свете текущих политических событий, торгово-экономических санкций против России дополнительную прагматическую нагрузку. Расширение когнитивного потенциала ойкодомонима актуализировало представления об уникальном облике Астрахани как городе со своим потенциалом развития туризма и инфраструктуры.

Отобъектные ойкодомонимы содержат отсылку к расположенным рядом знаковым объектам, отражают локальную ориентацию на карте города: ЖК *Кремлёвский* (строится на Петровской набережной и позиционируется на сайте застройщика как «клубный дом с легендарными видами» на Астраханский кремль), ЖК *Аркадия* (расположен рядом с парком культуры и отдыха «Аркадия» на улице Калинина). Ассоциативная связь между названиями ЖК и городских объектов помогает ориентироваться на местности.

Отгодонимные ойкодомонимы Астрахани содержат отсылку к названию улицы, на которой расположен ЖК, и делятся на:

– субстантивные: *Август* (ул. Августовская), *Калина Парк* (ул. Калинина) – трансформация адъектива-годонима в субстантив-ойкодомоним;

– адъективные: *Брестский* (ул. Брестская), *Рыбацкий* (ул. 3-я Рыбацкая), *Таманский* (1-й Таманский пер.) – трансформация грамматической формы годонима из определения к словам «улица», «переулок» в определение к словосочетанию «жилой комплекс»;

– предложно-падежные конструкции: *На Яблочкова, На Моздокской, На Воробьёва, На Чехова*;

– ойкодомонимы, включающие название компании-застройщика и пространственный ориентир: *Аксиома на Минусинской* (комплекс строится на улице Минусинской), *Progress Восточный* (ЖК в непосредственной близости от торгового центра «Восточный» и улицы Нововосточной), *Progress Приволжский затон* (ЖК расположен рядом с Набережной Приволжского Затона).

В ойкодомониме *Барсова street* (на ул. Валерии Барсовой) наблюдаем контаминацию графики и правил адресной записи русского и английского языков.

Отатионимные ойкодомонимы: *Бруклин, Венский*.

Выделим основные модели семиотических комплексов, сочетающих языковой код с изобразительным. В вербальный компонент креолизованного микротекста обычно внедряется невербальный элемент, например, в логотипе ЖК «Пипл» буква Л оформлена как человечек, что соответствует переводу английской лексемы *people* ‘люди’ и слогану застройщика: «Жилой квартал от людей для людей» (в слове «жилой» буква Л обыгрывается аналогично). Логотип ЖК «Молодёжный» представляет собой синюю букву М, заключающую изображения разноцветных фигур, держащихся за руки – двух взрослых и двух детей. Для ряда логотипов ЖК характерно использование изображений ключей и замков, как отдельно от названия (логотип ЖК «Венский» в виде двух перекрещивающихся ключей на фоне плана дома; три ключа в логотипе ЖК «Лазурный»), так и непосредственно в нём (например, в логотипе ЖК «Аркадия» элементом буквы К является ключ, направленный на замок от резной решётки ворот).

Иногда смысл названия ЖК раскрывается только после ознакомления с рекламным текстом, и в совокупности с изображением на логотипе образует единый семиотический комплекс. Так, в рекламном тексте ЖК «Голос эпохи» на сайте застройщика подчёркивается «величественность сталинского ампира, выполненная в современном исполнении», а логотип вызывает ассоциации со знаменитыми сталинскими высотками. В таких случаях использование наряду с вербальным изобразительного кода призвано прояснить или уточнить семантику ойкодомонима.

Таким образом, мы наблюдаем в городском пространстве множество семиотических комплексов, обладающих рекламной, информативной, эстетической функциями и оказывающих на адресатов прагматическое воздействие. В большинстве случаев можно говорить о семиотической цельности названий ЖК и образов домов и прилегающих городских локаций. Ойкодомонимы не существуют исключительно в вербализованной форме, поскольку реализация означаемого (плана содержания) обеспечивается созданием креолизованных микротекстов и оформлением ландшафтных и планировочных форм.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Я тебя построил, я тебя и назову: важные аспекты при разработке названия объектов недвижимости. 17.04.2018. URL: <https://adindex.ru/publication/opinion/marketing> (дата обращения: 19.08.2023).
2. «Хаус» или «Имба»: что не так с иностранными названиями жилых комплексов. 22.02.2023. URL: <https://realty.rbc.ru/news/63f4c6d59a7947737d13d36e> (дата обращения: 19.08.2023).
3. 7 трендов нейминга ЖК. 01.10.2019. URL: <https://gmk.ru/blog/trendnaming?ysclid> (дата обращения: 19.08.2023).
4. Дом с именем. Как удачные названия новостроек становятся полноценными топонимами. 08.09.2020. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/237063956> (дата обращения: 19.08.2023).
5. Унылый нейминг застройщиков: «Антон» – ЖК или собственник?! 15.12.2021. URL: <https://vc.ru/marketing/334550-unylyy-neyming-zastroyschikov-anton-zhk-ili-sobstvennik?ysclid=lmkaltdpcl618928250> (дата обращения: 19.08.2023).
6. Модные тенденции на рынке новостроек: Дом с именем. 13.12.2017. URL: <http://www.bpn.ru/publications/86028/> (дата обращения: 19.08.2023).
7. Нейминг новостроек – удивительный и беспощадный. 11.07.2016. URL: <https://zhk-molodezhnyu-kazan.cian.ru/stati-nejming-novostroek-udivitelnyj-i-besposhadnyj-218191/?ysclid=lmkc2t8znt892717386> (дата обращения: 19.08.2023).
8. Выходцева М. Я. Названия жилых комплексов на ономастической карте города // Ономастика Поволжья : материалы X Международной конференции. Уфа, 2006. С. 123 – 125.
9. Разумов Р. В. Ойкодомонимы как разновидность городских онимов // Имя собственное в жизни и литературе : материалы IX Международных Святогорских ономастических и IX Международных Михайловских литературно-ономастических чтений / отв. ред. В. М. Калинин. Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. С. 115 – 123.
10. Разумов Р. В., Горяев С. О. Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами // Научный диалог. 2018. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nazvaniya-zhilyh-kompleksov-mezhdu-urbanonimami-i-reklamnymi-imenami> (дата обращения: 03.08.2023).
11. Разумов Р. В., Горяев С. О. Новые ойкодомонимы как отражение ментальной карты города // Коммуникативные исследования. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-oykodomonimy-kak-otrazhenie-mentalnoy-karty-goroda> (дата обращения: 05.08.2023).
12. Дьякова Н. С. Ономазиологический анализ наименований жилых домов и жилищных комплексов Череповца // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 6. С. 87 – 90.
13. Резенков А. В. Названия современных жилых домов в лингво-прагматическом аспекте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия, 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Вып. 3. С. 266 – 270.
14. Ковынева Л. В. Формирование территориального бренда в регионах России // Известия БГУ. 2014. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-territorialnogo-brenda-v-regionah-rossii> (дата обращения: 03.08.2023).
15. Голомидова М. В. Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 263 – 278.
16. Шмелёва Т. В. Горожанин как читатель // Филологический дискурс: Вестник Института гуманитарных наук. ТюмГУ. Вып. 10. Город как культурное пространство. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. С. 7 – 11.
17. Шмелева Т. В. Современная годонимия: семантика и семиотика // Лингвистическое краеведение. Пермь : ПГПИ, 1991. С. 33 – 50.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье анализируется один из символов татарской и башкирской культур в аспекте специфики его репрезентации в современной массовой культуре. Автор исследует разные уровни семиотической категоризации и актуальные культурные коннотации национальной символики. Этнокультурный символ в современной массовой культуре рассматривается как способ консолидации важных элементов культурного кода нации, емкое воплощение национального духа и ключевая форма этнической самоидентификации.

Ключевые слова: символ; массовая культура; национальная идентичность; культурный код; культурная коннотация.

The article analyzes a symbol of the Tatar and Bashkir cultures in terms of its representation specifics in modern mass culture. The author explores different levels of semiotic categorization and current cultural connotations of the national symbol. Ethnocultural symbol in modern mass culture is treated as a way of consolidating important elements of the national cultural code, a concise manifestation of the national spirit and a key to ethnic self-identification.

Key words: symbol; mass culture; national identity; cultural code; culture connotation.

Одной из наиболее актуальных тенденций нашего времени, эпохи стирания национальных различий, культурной унификации и рационализации, становится стремление к национальному самоопределению, поиск емких и культурно значимых символов, способных успешно транслировать и представлять национальную идентичность на разных уровнях современных дискурсивных практик. Сложившаяся ситуация диктует настоятельную необходимость в обращении к национальной символике, изучении основ ее категоризации и специфики ее внедрения в современную культуру. В этой связи тема данной работы представляется закономерной и значимой для теории и практики лингвокультурологии. Заметим, что теоретической основой данного исследования послужили научные разработки отечественных и зарубежных исследователей в области семиотики, лингвокультурологии, истории изобразительного и музыкального искусства (Аванесов С. С., Ковшова М. Л., Токарев Г. В., Бахтизина Д. И., Абзалилов Р. Р., Кускарова О. И. и др.) Вслед за С. С. Аванесовым, мы полагаем, что «язык как таковой несет в себе снятую визуальную практику» [1, с. 12] и «опыт культурной идентичности [...] основан на процессах и «механизмах» культурно-семиотического трансфера» [1, с. 14]. Опираясь на работы М. Л. Ковшовой и Г. В. Токарева, мы понимаем символ как «итог смыслового развития знака в культуре» [2, с. 27] и культурный код как «принцип образования, использования и интерпретации знаков культуры», в основе которого «лежат паттерны, восходящие к базовым образам, формам категоризации знаний о действительности на ранних стадиях развития человечества, которые находят разное воплощение в культурах и их языках» [3, с. 84].

В рамках данной работы анализируется специфика этнокультурного семиозиса на примере национального символа общего для культур башкирского и татарского народов. В фокусе исследования – курай, традиционный музыкальный инструмент башкир и татар и национальный символ, который прошел долгий путь от этнического артефакта до национальной эмблемы. В настоящее время курай зарегистрирован в качестве национального бренда республики Башкортостан, однако, в силу общности культурного наследия башкир и татар, он считается национальным музыкальным инструментом и у татар, что получает отражение в современной эргонимике и СМИ. В этой связи, представляется целесообразным осветить особенности функционирования данного этнокультурного символа как важной части культурного кода двух исторически связанных народов.

Прежде всего отметим, что основой символизации курая явились особенности природно-исторических условий бытия и музыкальной инструментальной традиции башкирского и татарского народов. Музыкальный инструмент, определяемый в музыкальной литературе как продольная флейта, стал важной составляющей народного музицирования и инструментального искусства. В частности, отмечается его простота, полнотвучность звучания на природе, близость к звукам природы и человеческому голосу, фонетике башкирского языка. В прошлом являясь неотъемлемой частью протяжных песен (озун-кюй), в настоящее время курай активно включается в музыкальные произведения разного плана [4], [5]. Немаловажным для становления курая как национального символа стал народный фольклор – легенды и сказания, в которых курай выступает защитником народа и сакральным магическим артефактом. В результате курай, как культурный феномен, получает интерпретацию народного *голоса* и приобретает стойкие ассоциации с самобытной музыкальной культурой. Именно **акустическая** манифестация концепта, ее тесная связь с культурой и бытом башкирского и татарского народов становится основой дальнейшего насыщения курая символическими значениями.

Следует отметить, что в настоящее время символизм курая не исчерпывается его аудио-манифестацией и в **визуальной** форме в виде цветка растения семейства зонтичных включает такие символические значения как *дружба* и *единение*. Семь объединенных соцветий можно увидеть на гербе и флаге республики Башкортостана, в башкирской росписи, спортивной айдентике, скульптуре и архитектуре. Можно смело констатировать, что визуальная составляющая символического значения курая пополняет концепт свежими культурными коннотациями и закрепляет его в качестве этнического маркера.

Не менее актуальной представляется и **вербальная** реализация символа. Заметим, что традиционно насыщенный культурными символами и квази-символами фразеологический фонд не продемонстрировал продуктивности в отношении исследуемого нами концепта: нами не обнаружено фразеологизмов с компонентом «курай» (за исключением «курайына бейеү», что является калькой русской фразеологической единицы «плясать под чью-либо

дудку»). Думается это связано с тем, что концепт «курай» развил наиболее насыщенную культурную семантику в последние десятилетия, что получило отражение в появлении многочисленных разнообразных гибридных онимов с мерцающей коннотацией, которые «вплетают» национальный колорит в новые номинации. Очевидно, что подобные лексические единицы способствуют популяризации национальной культуры, актуализируют лексические единицы башкирского и татарского языков, модернизируют и освежают явления родной культуры и привлекают внимание туристов [5, с. 27].

Рассмотрим подробнее некоторые из манифестаций концепта «курай» в современной массовой культуре на примере различных дискурсивных практик.

Во-первых, обращение к региональному ономастическому пространству обнаруживает высокую словообразовательную продуктивность лексической единицы «курай». Примечательно, что современные эргонимы демонстрируют высокую насыщенность национально специфичными реалиями, среди которых концепт «курай» занимает лидирующие позиции. Особенно показателен пример республики Башкортостан, где «курай» является национальным брендом и официальным символом национальной идентичности. Башкирский и татарский ономастикон с данным символьным компонентом включает многочисленные названия компаний и организаций (телеканал «КурайTV», жилые комплексы «Золотой Курай», «Цветок курая», автодилер Kurai Motors, ресторан Курай Hall и др.), гостиниц (гостиничные комплексы «Алтын Курай», «Курай»), мероприятий (фестиваль национальных культур «Цветок курая»), высокотехнологичных кампаний (региональная геолока-ционная система «Курай»).

Однако наиболее любопытным представляется манифестация концепта в современном алиментарном дискурсе, который «чутко реагирует на события внешнего мира и изменения в мировоззрении социума, а глуттоном рассматривается как код/символ, отражающий актуальные ценности и культурные стереотипы» [7, с. 269]. Культурно нагруженный языковой элемент становится составляющей как наименований ресторанов национальной башкирской и татарской кухни, так и меню заведений интернациональной кухни, в частности японской. Наименования гастрономических заведений в Башкортостане и Татарстане включают: «Курай» (рестораны и кафе), «Пышка-Курай» (кафе), «Курай – кафе-пельменная» и т.п.

«Курай» становится названием разнообразных блюд как с национальной спецификой, так и блюд глобальной кухни:

- салат из конины с овощами гриль (ресторан современной уфимской кухни «Азык-Тулук»);

- рулет с запеченной курицей, с томатами, сладким луком и соусом гриль (ресторан национальной татарской кухни «Тюбетей», позиционирующий себя как «фастфуд на основе национальной татарской кухни»);

- различные виды суши и роллов (рестораны японской кухни «Daily Sushi», «SushiFast», «TanukiFamily» и др.).

Помимо этого, активно внедряется в названия продуктов и напитков. К примеру, в настоящее время АО Башспирт, который позиционирует себя как производителя биологически чистой продукции и приверженец национальных традиций, выпускает специальную серию «Курай»: ликёр «Kurai Bitter» (содержит более 40 природных компонентов), водка «Kurai на кумысе» (с добавлением кобыльего молока), джин «Курай» (с добавлением меда).

Таким образом, активное внедрение символа «курая» в современные онимы инкорпорирует национальные смыслы, закрепляет в языке стойкие культурные коннотации, позволяет показать «сопричастность с этнической группой, продемонстрировать значимые концепты национальной культуры и сигнализировать о патриотизме и национальной гордости» [6, с. 27].

Во-вторых, существенным фактором становится визуальная манифестация национального символа «курая», в частности национально-специфичный элемент становится востребованным в современной спортивной айдентике и моде. Так, исследователи Ю. А. Мунханова и Т. С. Бекетова, анализируя визуальную айдентiku региональных спортивных организаций и мероприятий, замечают, что цветок курая как символ дружбы (семь его лепестков символизируют семь родов, положивших начало единению народов, проживающих на территории Республики Башкортостан) является императивным элементом спортивной символики: «символ курая не только повсеместно используется независимо от официальной символики, но и свободно стилизуется» [8, с. 48].

Особого упоминания требует тот факт, что визуальный элемент становится источником вдохновения современных дизайнеров в проектном творчестве в сфере моды и текстиля, разрабатываются реалистичные и абстрактные композиции на основе национального символа. В частности, Р. Р. Яманова описывает разработки кафедры дизайна КНИТУ (г. Казань) в области графического дизайна: орнаментальное перевоплощение образа цветка курая и особенности варианты принтов в графическом и колористическом решении [9]. При этом распространение визуального образа символа осуществляется не только на его родине, но и за рубежом. Например, **дизайнер и основатель бренда WOS А. Артемов описывает внедрение национального элемента в принты коллекции одежды:** «[...] в летней коллекции, которая сейчас поступит в магазины, был принт с цветком курая – это национальный символ республики, где я родился и вырос. И сначала байеры испугались этого принта. А теперь, когда они смотрят коллекцию зимы, они спрашивают, где тот самый принт, то есть сейчас они к нему готовы. И я понимаю, что надо интегрировать ассортимент с таким принтом» [10]. Другими словами, визуальная репрезентация символического элемента востребована и важна в свете продвижения самобытной культуры и актуализации национального самосознания.

В заключение, хотелось бы обратиться к истокам символики курая, а именно его роли в современной музыкальной культуре башкир. Следует отметить, что звуки курая постоянно присутствуют в разнообразных аспектах жизни жителей региона: инструмент представлен как в народных

композициях, так и симфонических произведениях современных авторов. Мелодика курая привлекает и современных исполнителей этно-ансамблей («Таратау», «Аргымак», «Ятаган» и др.) и современных поп и рок исполнителей (Элвин Грей, шоу-прект «Zainetdin», группа «Заман» и др.). Курай в силу своей самобытности, природного, мягкого и звукоподражательного звучания считается «канонем национальной музыкальной культуры башкир» [4] и остается популярным в современной массовой культуре.

Думается, что символ «курай» это емкая культурная метафора, отражающая систему материальных и духовных ценностей башкирского и татарского народов. В настоящее время «курай» представляет собой объёмный и многогранный концепт и получает манифестацию в современной массовой культуре опираясь на инструментарий различных кодов (культурный, языковой, визуальный и акустический). Использование символа в современной массовой культуре направлено на продвижение имиджа и уникальной культуры башкир и татар, оно прагматически оправдано и успешно демонстрирует значимый концепт и предмет национальной гордости.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аванесов С. С. Что можно называть визуальной семиотикой? // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. Вып. 1 (1). С. 10 – 22.
2. Ковшова М. Л. О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 27 – 31.
3. Токарев Г. В. К проблеме соотношения русских квазисимволов с кодом культуры // ФИЛОЛОГОС. 2020. №2 (45). С. 79 – 84.
4. Бахтизина Д. И., Абзалилов Р. Р. Курай в башкирской народной и профессиональной музыке // Лики культуры, искусства и музыки в информационном пространстве XXI века: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2015. С. 103 – 107.
5. Кускарова О. И. Башкирская музыкальная инструментальная культура: сохранение и развитие традиции в современном культурном пространстве // Проблемы преподавания музыкально-исполнительских дисциплин: сборник статей XIII международной научно-практической конференции. Майкоп, 2021. С. 91 – 99.
6. Вильданова Г. А. Гибридное словообразование в Казанской эргонимии // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2(41). С. 20 – 29.
7. Вильданова Г. А. Эвфемизация англоязычного гастрономического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 1. С. 265 – 270.
8. Мунханова Ю. А., Бекетова Т. С. Применение этнокультурных символов в спортивной айдентике // Инновации в социокультурном пространстве: Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2021. С. 48 – 51.
9. Яманова Р. Р. Орнаментальное перевоплощение символа башкирской культуры // Инновационные материалы и технологии в дизайне: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф.СПб.: СПбГИКиТ, 2022. С. 68 – 72.
10. Андрей Артемов: «Сначала принт с изображением цветка курая напугал байеров» // Sobaka.ru. (6.03.2021. URL: <https://www.sobaka.ru/ufa/fashion/heroes/125125> (дата обращения: 05.09.2023).

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ ИСПАНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Статья посвящена изучению мифологической концептосферы средиземноморского ареала как субстрата испанской культуры. Мифологический континуум поставляет иберийской культуре архетипические и мифологические образы, которые могут имплицитно или эксплицитно включаться в художественное произведение. Авторские мифопоэтические модели строятся на глубоко личной символике, которая переплетается с обычаями испанской культуры.

Ключевые слова: поэтический текст; мифологема; миф; архетип; символ; интерпретация.

The article focuses on the mythological concepts of the Mediterranean, substratum of the Spanish culture, which deliver archetypal and mythological imagery to the Iberian culture. The work of fiction can implicitly or explicitly include the mythological imagery and the author's mythopoetic models are based on personal symbolism and Spanish customs.

Key words: poetical text; mythologem; myth; archetype; symbol; interpretation.

В европейской культуре начало XX века ознаменовано возрождением мифа. Согласно Е.М.Мелетинскому, мифология перестала восприниматься как способ удовлетворения любознательности первобытного человека (позитивистская теория XIX века), а приобрела теснейшую взаимосвязь с регулированием определенного природного и социального порядка (циклическая концепция вечного возвращения). Мифология трактовалась как прелогическая символическая система, родственная другим формам человеческого воображения и творческой фантазии [1, с. 8].

Следует отметить, что для XX века вообще характерно сближение этнологии и литературы, что позволило писателям и поэтам ознакомиться с новейшими этнологическими теориями и способствовало тому, что их художественные концепции, под воздействием научных теорий, в полной мере отразили кризисную культурно-историческую ситуацию, сложившуюся в европейском обществе начала XX века. Будучи достаточно сложным и противоречивым течением, мифологизм играл значимую роль в историческом развитии европейской культуры. Этот процесс способствовал появлению новых теорий, которые углубили понимание традиционной мифологии.

Все это позволило придать мифу новую интерпретацию: он стал восприниматься как некие живые истоки, начало всего сущего, поскольку именно мифология стояла в основе последующих, более развитых форм человеческого мышления (религиозного, философского, научного, художественного), социального поведения и художественной практики.

Миф трактуется как имя, слово, повествование, рассказ, обладающий специфическими характеристиками и представляющий собой сообщение, т. е. коммуникативную систему (А. Ф. Лосев, А. М. Пятигорский, В. Н. Топоров, Р. Барт). Исследования мифопоэтического характера предполагают изучение архетипического сюжета, трансформации мифологических образов

и их функционирования в поэтическом произведении. Мифопоэтическое начало сохранено в литературе, что позволяет поставить текст под знак мифа. Мифологические образы могут имплицитно или эксплицитно включаться в художественное произведение. Но даже косвенное присутствие мифологического образа в тексте свидетельствует о наличии целого комплекса мифопоэтических смыслов, тесно связанных с конкретной мифологемой. Мифы, как своеобразная материя духовной культуры, вошедшие в культурную копилку человечества и превратившиеся с течением времени в архетипы, становятся кодом для прочтения новых сообщений и образуют основу для всего последующего творчества. Здесь целесообразным представляется использование мифопоэтического подхода с привлечением историко-культурного и интертекстуального изучения произведения, поскольку именно мифопоэтика открывает новые смыслы художественного текста и способствует его интерпретации, а анализ языковых знаков в тесной связи с мифологическими образами обеспечивает более точную интерпретацию слова и текста.

Ссылаясь на концепцию У.Эко, художественное произведение, обладающее эстетической ценностью, можно назвать «открытым». Открытое произведение понимается как принципиальная неоднозначность художественного сообщения, характерная для любого произведения в любое время [2, с. 10–11]. Художественный текст воспринимается как интертекст, поскольку являет собой место схождения различных цитаций, т. е. текст создается в процессе считывания предшествующих дискурсов.

Произведение искусства, будучи законченной и совершенной формой, также является открытым, предоставляя возможность адресату трактовать себя разными способами. При этом произведение не утрачивает своего своеобразия, своей индивидуальности. Эстетическая функция сообщения состоит в том, чтобы открывать адресату что-то новое, «неведомое и неиспытанное» [3, с. 123]. Эта новизна становится возможной благодаря перераспределению информации между уровнями сообщения и ведет к пересмотру кода и образованию новой структурной основы произведения (перекликается с понятием центра и периферии семиотического континуума, семиотического культурного пространства).

Поэтический текст понимается, прежде всего, как эстетический объект, заключающий в себе поэтический универсум автора, поскольку поэзия передает не столько фактуальную, сколько концептуальную и эстетическую информацию. В поэтическом тексте слово тяготеет к актуализации своих скрытых смыслов, а сам текст ориентирован на экспрессивность, эмотивность, сопереживание. Эмотивные стимулы, которыми сообщение воздействует на своего адресата, в эстетическом сообщении понимаются как система коннотаций, управляемая и контролируемая собственно структурой сообщения, поскольку архетипы, мифологемы, символы, составляющие код культуры, постоянно открыты для новых осмыслений. Т. е., речь идет о своеобразных отсылках к исторической памяти культуры.

Зачастую авторские мифопоэтические модели, связанные со средиземноморской традицией, строятся на глубоко личной символике, которая переплетается с обычаями испанского народа. Автор создает свой внутренний мир, который находит воплощение в поэтическом тексте.

Присущее испанской культуре обращение к символике и мифам Средиземноморья является доминантой творчества многих крупных писателей, философов, художников конца XIX – начала XX веков, в частности, предтечи модернистской поэзии Сальвадора Руэды. Характерными особенностями творчества этого автора становятся ясно прослеживаемая связь с мифотворчеством и глубокие философские размышления о противоречивом духе смены веков.

Так, одними из ключевых слов-образов в поэзии Руэды становятся образы бабочки и цикады, непосредственным образом связанные с древнегреческой традицией. Эти образы вошли в мировую культуру и относятся к так называемому верхнему миру, миру богов. Представляется любопытным тот факт, что обращение к этим символам характерно и для многих других испанских поэтов и художников конца XIX – начала XX веков (Федерико Гарсия Лорка, Хуана Рамона Хименеса, Сальвадора Дали, Жоана Мирó), что свидетельствует об их укоренении в сознании носителей испанского языка и в испанском культурном универсуме.

Изначально в мифологическом сознании Средиземноморья бабочка символизирует бессмертную душу, поскольку этапы перерождения из гусеницы в куколку, а затем в бабочку ассоциируются с жизнью человека, смертью и воскрешением духа. Древние греки полагали, что души умерших превращаются в летящих бабочек. Персонификацией бабочки является Психея, «душа», молодая девушка с крыльями бабочки, наделенная бессмертием. Недаром, уже в библейской традиции, бабочка в руках младенца Христа является символом духовного возрождения, Воскресения Господня [4, 18].

В той мере, в какой символ выступает как сублимированная программа творческого процесса, он получает способность разворачиваться в различные сюжеты. У С.Руэды бабочка, будучи божественной по своей сути, равнозначна высокому проявлению божественного гения – поэзии, андалузской копле:

*«Tiene la mariposa cuatro alas;
tu tienes cuatro versos voladores;
ella, al girar, resbala por las flores;
tu por los labios, al girar, resbalas».*

(S.Rueda. La copla).

‘У бабочки четыре крылышка; у тебя – четыре крылатых строки; бабочка, кружась, порхает с цветка на цветок; ты из уст в уста, кружась, перелетаешь’.

Традиционная испанская копла – четверостишие, написанное восьмисложником с рифмовкой четных строк. Руэда образно сравнивает структуру коплы с четырьмя трепещущими крылышками бабочки, излучающей божественное сияние:

*... tu exhalas
de tu forma divinos resplandores,
y fingen ocho vuelos tembladores
tus cuatro remos y sus cuatro palas.*
(S.Rueda. La copla).

‘...ты (копла) излучаешь божественное сияние, и восемь дрожащих крыльев – это твои четыре крыла и четыре крылышка-лопасти бабочки’.

Важным символизмом в испанской поэзии рубежа веков обладает цикада. Цикада в древнегреческой традиции считалась посланницей небес и соотносилась с богом солнца Аполлоном, покровителем музыки и искусств. Связанная с мифом о смертном троянском царевиче Титоне, получившем бессмертие, цикада символизирует вечную жизнь.

*Canta tu estrofa, cálida cigarra,
y baile al son de tu cantar la mosca,
que ya la sierpe en el zarzal se enrosca
y lacia extiende su verdor la parra.*

...

*Canta y excita al inflamado agosto
a dar el grano de la rubia espiga
y el chorro turbio del ardiente mosto.*
(S.Rueda. La cigarra).

‘Пой свою песнь, согретая солнцем цикада, и пусть пляшет под звук твоей песни мушка, уже змея сворачивается кольцом в зарослях ежевики, и зеленая плеть увядшей виноградной лозы выпрямляется... Пой и побуждай раскаленный август родить зерно золотистого колоса и мутный поток обжигающего виноградного вина’.

Отсылка к мифопоэтическим моделям Средиземноморья для испанской культуры не случайна. Греческие колонии, основанные на территории Иберийского полуострова в VII–IV веках до н. э., во многом определили пути становления и развития Испании. Кроме того, греческая мифология, являясь одной из древнейших форм освоения мира, несет в себе мощный самостоятельный эстетический посыл. Античный мир, постоянно реконструируемый средиземноморской мифологией, наполнен гармонией и красотой. Воспроизведение мифологических сюжетов испанскими поэтами рубежа веков, мифологизацию героев поэтических произведений можно объяснить также стремлением к равновесию и гармонии в тяжелое для Испании время, ведь смена веков ознаменовалась для Иберийского полуострова экономической и политической нестабильностью, чередой конфликтов и войн. Примечательно, что и в период смены Ренессанса эпохой Барокко, который для Испании

также охарактеризовался кризисной ситуацией, наблюдается возрождение мифологических образов и сюжетов в творчестве испанской культурной элиты.

Мифологический континуум средиземноморского ареала, как субстрат испанской культуры, поставляет иберийской культуре архетипические и мифологические образы. Внедрение новых активных элементов создает особые зоны, для которых характерно ускоренное смыслопорождающее взаимодействие. Сведенные в единую систему, эти культурологические и языковые инновации, преломляясь через поэтические явления испанского языка, способствуют не только заимствованию старых мифопоэтических образов и символики, но и порождению новых.

При анализе слова в поэтическом тексте, несомненно, возникает необходимость использования культурологического подхода при изучении лексического пласта языка. Процесс восприятия, понимания текста культуры, в частности, поэтического текста, предполагает реконструкцию семиотического языка культуры, что требует использования, наряду с собственно лингвистическим анализом, культурологического анализа.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с. (
2. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике / Пер. с итал. А.Шурбелева. СПб.: Академический проспект, 2004. 384 с.
3. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Перев. с итал. В. Г. Резник и А.Г.Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2004. 544 с.
4. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д.Тресиддер; пер. с англ. С.Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

А. В. Дмитриева, (Екатеринбург, Россия)

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В ОФИЦИАЛЬНОЙ И НЕОФИЦИАЛЬНОЙ УРБАНОНИМИИ ЕКАТЕРИНБУРГА

В статье рассматриваются особенности включения прецедентных феноменов в состав официальных и неофициальных урбанонимов Екатеринбурга. Определяются роль и место таких названий в топонимическом ландшафте города, проясняется специфика участия урбанонимов в трансляции территориальной идентичности. Анализ показал, что названия с прецедентными компонентами, вписанные в семиотику пространства, дают представление о Екатеринбурге как о высококультурном городе, сохраняющем связь с разными частями света, обладающем многомерностью и некоторой «карнавальной» пестротой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: урбанонимы; топонимы; прецедентность; прецедентный феномен; официальная урбанонимия; неофициальная урбанонимия; территориальная идентичность; городской топонимический ландшафт; Екатеринбург.

The article discusses the particularities of including precedent phenomena into official and non-official urbanonyms of Ekaterinburg. It also defines the role and place of such names in the toponymic landscape of the city, clarifies the specificity of participation of urbanonyms in conveying territorial identity. The research has shown that names with precedent components integrated into the semiotics of space give a vision of Ekaterinburg as a highly-cultured city that retains ties with different parts of the world and is distinguished by multidimensionality and some “carnival” diversity.

Key words: urbanonyms; toponyms; precedence; precedent phenomenon; official urbanonymy; non-official urbanonymy; territorial identity; urban toponymic landscape; Ekaterinburg.

В пространстве современного города прецедентность и урбанонимия связаны теснейшим образом. Названия топографических объектов – урбанонимы – служат для обозначения ориентиров городской среды, а потому узнаваемы и хорошо известны местным жителям. Кроме того, эти имена способствуют передаче важных идеологических посылов, культурных смыслов и ценностей, что позволяет привлекать их для передачи территориальной идентичности, продвижения имиджа города и региона [1; с. 2]. Феномен прецедентности в лингвистике включает, по сути, те же самые черты: общеизвестность, узнаваемость, способность передавать ценностно-культурные смыслы в емкой форме [3; 4; 5]. Немалую роль прецедентные феномены играют также в построении имиджа и формировании идентичности, в том числе территориальной [6; 7; 8; 9]. Поэтому вполне закономерно, что различные прецедентные феномены (чаще прецедентные имена) нередко входят в состав урбанонимов – как официальных, так и неофициальных.

Топонимическое пространство города само по себе невероятно богато на разного рода прецедентные феномены, аллюзии, реминисценции, способствующие трансляции местного своеобразия. Этим обусловлен интерес исследователей-лингвистов к прецедентности в названиях городских объектов. В фокусе научного внимания чаще всего оказываются эргонимы и названия жилых комплексов [10; с.11], а также неофициальные топонимы [12; с.13], обладающие признаками прецедентности. В то же время имена прочих объектов городской среды отступают на второй план.

На наш взгляд, рассмотрение урбанонимов крупных городов в аспекте прецедентности позволяет прежде всего получить более глубокое представление об особенностях трансляции территориальной идентичности, под которой понимается часть «коллективного регионального самосознания, особенности которого находят свое проявление в общей языковой и речевой деятельности» [14, с. 163].

Настоящее исследование посвящено изучению роли и места названий с прецедентными компонентами в топонимическом ландшафте Екатеринбургa, а также уточнению особенностей их влияния на формирование территориальной идентичности.

С использованием ономаσιологического анализа раскрываются ключевые смыслы в мотивировочной семантике урбанонимов, а метод лингвокультурологической интерпретации позволяет проявить социокультурные и ассоциативно-образные коннотации в фоновой семантике собственных имен. Кроме того, с помощью метода семиотической интерпретации вскрываются дополнительные смысловые оттенки, привносимые семиотикой городского пространства и влияющие на формирование облика отдельных сегментов городской среды и города в целом.

Материалом исследования послужили официальные урбанонимы Екатеринбурга, обладающие признаками прецедентности или содержащие прецедентные компоненты. Кроме того, в анализе задействованы и прецедентные неофициальные названия городских объектов, выявленные в специальных словарях «народных» топонимов [15] и в сети Интернет [16].

Особый исследовательский интерес к Екатеринбургу и его урбанонимии обусловлен значимым административным статусом города – центра Свердловской области и Уральского федерального округа, спецификой его географического положения на границе Европы и Азии, на перекрестке транспортных путей, а также насыщенностью деловой и культурной жизни. Интересно проследить, каким образом эти особенности повлияли на использование прецедентных феноменов в урбанонимии Екатеринбурга и как оно отразилось на трансляции местной идентичности.

Как показал анализ урбанонимического материала, прецедентность чаще всего проявляется в официальных названиях жилых комплексов, бизнес-, торговых и развлекательных центров, скульптур и арт-объектов Екатеринбурга. В неофициальной урбанонимии уральского мегаполиса прецедентными как правило становятся названия памятников, зданий или их комплексов, реже – более крупных пространственных объектов городской среды, не имеющих официальных названий (например, жилых массивов).

Большая часть этих собственных имен сами по себе являются прецедентными. Например, название *аквапарка «Лимпопо»* в свернутой форме содержит целый спектр ассоциаций: река в Южной Африке, стихотворение К. И. Чуковского и, возможно, советский мультфильм, снятый по мотивам той же стихотворной сказки. Некоторые топонимы содержат в себе прецедентные высказывания. Например, в названии одного из памятников, установленного возле Суворовского военного училища, присутствует фраза из советского фильма «Офицеры»: *«Есть такая профессия – Родину защищать»*.

Отдельного внимания заслуживают городские топонимы, номинативная семантика которых дополнительно обыгрывается в семиотике пространства и социокультурных практиках повседневности. Например, название *«Стена В. Цоя»* служит для обозначения пространства подземного перехода, стены которого покрыты граффити с портретами советского рок-исполнителя. Кроме того, в самом переходе нередко можно встретить уличных музыкантов, поющих песни В. Цоя.

С точки зрения семантики все рассматриваемые урбанонимы – официальные и неофициальные – можно отнести к трем основным номинативным группам: 1) география; 2) искусство и культура; 3) политическая история.

С географической точки зрения, Екатеринбург гордится своим расположением на границе Европы и Азии, где сходятся многие транспортные и торговые пути. Поэтому неудивительно, что в прецедентной урбанонимии города заметное место отведено именам с номинативной темой «география» в широком смысле. Здесь можно встретить официальные названия, отсылающие к различным географическим объектам со всего света: *торгово-деловой центр «Европа», ТЦ «Пекин», ТРЦ «Гринвич», клубный дом «Эверест»* и проч. Та же черта прослеживается и во многих неофициальных топонимах: *«Африка», «Куба»* (названия жилых массивов), *«Таганрог»* (народное название рынка «Таганский ряд»), *«Бермудский треугольник»* (название территории между тремя линиями железной дороги) и др. Особо стоит отметить прецедентные урбанонимы, напоминающие о топографических объектах из других городов: официальные названия *ЖК «Большой Каретный», БЦ Манхэттен*; неофициальные имена *«Белый дом»* (здание правительства Свердловской области), *«Арбат»* (пешеходная улица Вайнера в центре города), *«Химки»* (Уральский завод химического машиностроения) и др. Таким образом, благодаря прецедентности в городской топонимии, Екатеринбург предстает не просто мегаполисом на границе Европы и Азии, а поистине интернациональным городом на перекрестке всех дорог, некой точкой, в которой смыкаются различные миры и пространства.

Другая значимая номинативная тема в прецедентной урбанонимии Екатеринбурга охватывает искусство и культуру. В топонимическом ландшафте уральского города она представлена весьма многообразно. Немало прецедентных названий жилых комплексов и деловых центров напоминают об известных живописцах (*ЖК «Малевич», ЖК «Кандинский», ЖК «Да Винчи»*), писателях (*жилой дом «Булгаков», деловой дом «Тургенев», парк комплекс «Шолохов»*), музыкантах и композиторах (*БЦ «Высоцкий», ЖК «Чайковский», ЖК Vivaldi*), а также ученых (*жилой дом «Коперник», ЖК «Менделеев», ЖК «Ньютон парк»*). В ряде случаев прецедентные урбанонимы из номинативной темы «искусство» визуально обыгрываются с помощью объектов окружающего пространства или иных текстов города. Например, памятник группе *The Beatles* дополняется граффити с изображением музыкантов «ливерпульской четверки», а в здании *БЦ «Высоцкий»* находится музей этого советского барда, который несколько раз посещал уральский город (тогда еще Свердловск). Таким образом, благодаря официальной урбанонимии с чертами прецедентности в сочетании с семиотикой пространства, Екатеринбург предстает высококультурным городом, где процветают искусство и наука.

Несколько иная грань идентичности Екатеринбурга раскрывается благодаря названиям, ассоциативно связанным с мифологией, фольклором и различными литературными персонажами, например: *ТРЦ «Антей», скульп-*

тура «*Остан Бендер и Киса Воробьянинов*», жилой дом «*Камелот*» и проч. Много подобных примеров есть и среди неофициальных урбанонимов: «*Бивис и Баттхед*» (народное название памятника основателям города – В. Н. Татищеву и В. И. де Геннину), «*Гендальф*» (неофициальное название памятника «Седой Урал», изображающего длинноволосого старика с мечом в руке), «*Горыныч*» (народное название памятника воинам-спортсменам Урала, внешний вид которого напоминает Змея Горыныча) и др. Такие прецедентные имена создают атмосферу сказок и фэнтези, придают образу города некие фантастические, карнавальные черты.

Политическая история представлена в основном прецедентными урбанонимами, связанными с ранним периодом развития Екатеринбурга. Чаще они содержат отсылку к именам его основателей (например, ЖК «*Де Геннин*») либо к династии уральских заводчиков Демидовых (Деловой дом «*Демидов*», ЖК «*Демидовский*»). Что касается неофициальных урбанонимов, то они напоминают о событиях мировой истории, причем как правило трагических: «*Титаник*» (здание котельной на ул. Гурзуфской), «*Освенцим*» (закрытый квартал таунхаусов в районе улиц Большакова, Луначарского и Ткачей) и т. п. Однако особой роли в передаче местной идентичности эти названия не играют. Таким образом, политическая история страны и мира лишь слегка подсвечивается прецедентными урбанонимами Екатеринбурга, но заметного отражения в городской номинации не получила.

В целом, исследование показало, что топонимический ландшафт Екатеринбурга весьма богат на урбанонимы, являющиеся прецедентными именами либо содержащими прецедентные компоненты. Значительная часть из них призваны подчеркнуть уникальность географического положения уральского города и разнообразие его культурной жизни. Смыслы, порождаемые семантикой прецедентных урбанонимов в сочетании с семиотикой пространства, не просто способствуют передаче территориальной идентичности, но придают шарм облику Екатеринбурга. Будучи включенными в различные ассоциативные цепочки, эти топонимы создают особую сеть смыслов, которая подсвечивают образ города новыми красками и позволяют увидеть его с иного, необычного ракурса.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Голомидова М. В. Муниципальная топонимическая политика и вопросы развития городской топонимии // Социолингвистика. 2022. № 3 (11). С. 41–53.
2. Кузнецова Е. А. Топонимический Имидж Города Как Фактор Развития Регионального Туризма // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 2. Вып. 4 (112). С. 96–101.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : Филология, 1997. Выпуск 1. С. 82–103.
5. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 139 с.

6. Аиткулова Э. Р., Фаткулина Ф. Г. Прецедентные феномены как элементы региональной идентичности // Вестник Башкирского Университета. 2016. № 21 (1). С. 109–114.
7. Ильичева И. Л., Стрижевич Е. Н. Прецедентные феномены как элементы региональной идентичности // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2020. № 1. С. 27–33.
8. Ложкин М. А. Прецедентные феномены в рекламных и рг-текстах как средство продвижения территории (на примере Республики Татарстан) // Вестник современных исследований. 2017. № 6–1 (9). С. 79–82.
9. Мозгачева К. С. Роль прецедентных имен в становлении региональной идентичности (на примере оружейного производства Тульского края) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 75–81.
10. Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П., Замалетдинова Л. Р. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города // Ценности и смыслы. 2017. № 6 (52). С. 94–108.
11. Соколова Т. П. Прецедентность в номинации жилых комплексов // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции / под ред. Л. А. Климовой, В. И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. 2016. С. 343–346.
12. Зуева Т. А. Лингвокреативный потенциал неофициальных урбанонимов Екатеринбурга: От Буша до черепахи // Уральский Филологический Вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 151–155.
13. Разумов Р. В. Прецедентные онимы в неофициальном городском ономастиконе // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1 (4). С. 169–172.
14. Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 1. С. 160–179.
15. Клименко Е. Н., Попова Т. В. Словарь екатеринбуржца: неофициальные названия городских реалий. Екатеринбург: Уральский государственный лесотехнический университет, 2012. 132 с.
16. Екатеринбургская топонимика. URL: <http://www.1723.ru/toponim.htm> (дата обращения: 11.10.2023).

Т. Г. Ковалева (Минск, Беларусь)

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА СФЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются лингвистические, социокультурные, и семиотические аспекты дискурса сферы безопасности жизнедеятельности, и в особенности, дискурса пожарно-спасательной сферы, в той форме, как он представлен на французских специализированных корпоративных сайтах. Анализ и описание выполнены с учетом интертекстуальности и нацелены на практическое применение результатов в практике обучения профессионально ориентированному иностранному языку.

Ключевые слова: дискурс; безопасность жизнедеятельности; социокультурный фон; профессионально ориентированное обучение иностранному языку.

The article deals with the linguistic, sociocultural, and semiotic aspects of the life safety discourse, and in particular, the fire and rescue discourse, as it is presented on French specialized corporate websites. The analysis and description are carried out taking into account intertextuality and are aimed at the practical application of the results in the practice of teaching a professionally oriented foreign language.

Key words: discourse, life safety; sociocultural background; professionally oriented foreign language teaching

Современный мир – мир высоких промышленных технологий и нейросетей – не стал более безопасным для обычного человека. Природные стихии и техногенные катастрофы все в большей степени угрожают человеку. Понятие безопасности является актуальным практически во всех сферах жизни общества, а эффективная коммуникация в условиях чрезвычайных ситуаций может спасти здоровье и человеческие жизни, инфраструктуру предприятий, государственную и частную собственность. Развиваются институты безопасности, совершенствуют свою работу образовательные учреждения, готовящие профессиональных спасателей, пожарных, инспекторов. Растет число научных публикаций и учебных изданий, посвященных самым разным аспектам безопасности; активизируется пропаганда безопасной жизнедеятельности. Устная и письменная коммуникация в этой сфере, вся совокупность письменных и устных текстов, затрагивающих проблемы предупреждения и ликвидации последствий разного рода рисков для жизни и собственности, приобрела характер дискурса, рассматриваемого как совокупность устных и письменных текстов, сфокусированных на определённую область жизни общества [1, с. 9]. Структурно-семантические особенности дискурса безопасности жизнедеятельности изучаются в рамках новой научной парадигмы – лингвистики чрезвычайных ситуаций [2, с. 70].

Как утверждают дискурс-аналитики, «дискурсы определяют социальные, культурные и глобальные изменения экологические катастрофы, войны, смены политического курса... изменяют миссию организаций, рекламу, моду и т.д.» [1, с. 9]. Отсюда следует важность изучения дискурсов, созданных в их поле значений и социальных последствий. В качестве примера силы воздействия одной из креолизованных форм коммуникации, карикатуры, на сознание и поведение людей можно привести случай жестокой расправы над школьным учителем в результате публикации в журнале «*Charlie Hebdo*» карикатуры, затрагивающей религиозные чувства мусульман в 2020 году. Убийство школьного учителя, в свою очередь, вызвало цепь акций и демонстраций по всей Франции в защиту свободы слова, а, следовательно, несло угрозу стабильности и мира в обществе, так как любые акции – это массовое скопление людей, толпа, в которой каждый человек подвергает риску свое здоровье и жизнь. В карикатуре, как в любом другом жанре живописи, каждый элемент несет семиотический смысл, стремится внести свой вклад в общий смысл, часто в весьма неожиданном ракурсе. Отметим, что французская политическая карикатура – явление недостаточно изученное, тем не менее карикатура является «частным проявлением политического дискурса в целом» [3, с. 164] и может спровоцировать ситуацию угрозы для общественного мира и спокойствия.

Тема безопасности жизнедеятельности волнует современное общество, становится объектом исследования разных наук и темой научных конференций и публикаций. Однако в отдельно взятом лингвистическом исследо-

вании необходимо ограничиться некоторой совокупностью дискурсивных высказываний, анализируя их семантические, структурные, коммуникативные особенности, не упустив при этом семиотический и культурный аспект.

Комплексный анализ лингвистического материала, затрагивающего тему безопасности жизнедеятельности в рамках чрезвычайных ситуаций, проводится не так давно. Так, в работе Г. В. Самородина, реализован лексико-семантический подход к дискурсу безопасности и исследуется сема «чрезвычайность», репрезентированная одной или несколькими лексемами в СМИ Германии. Объект исследования представлен восемью тематическими полями, такими как «Пандемия», «Правонарушение», «Политический мотив», «Природные катаклизмы», «Халатность», «Радикализм», «Техногенная катастрофа», «Случайность» [4, л. 6]. В результате анализа средств репрезентации указанных тематических полей автор приходит к выводу, что специальная терминология безопасности жизни довольно широко представлена в немецких медийных текстах, кроме специальных терминов в них имеют место тропы и фигуры речи, среди которых метафора, эвфемизмы, фразеологизмы, в незначительной степени присутствуют крылатые выражения и цитаты из художественной литературы, а вот модальные слова являются самыми малочисленными [4, л.163-169].

Несколько иной подход, концептуальный и социолингвистический, к дискурсу чрезвычайных ситуаций реализован в работе А. С. Зайцевой, где большое внимание уделяется социолингвистическим факторам и аспектам языковой политики в области чрезвычайных ситуаций и исследуется соответствующее терминологическое поле [5]. Автор утверждает, что терминология ЧС находится под воздействием трех социальных сфер: административной, образовательной и медийной, а терминология образуется, в основном за счет привлечения средств литературного языка при добавлении видовых признаков [5, с. 5]. Специальная лексика, по мнению автора, группируется горизонтально в рамках сферы абстрактных отношений и материального мира. Сфера абстрактного представлена микрополями «бытие, существование», «пространство», «количество». В сфере материального мира имеются несколько лексико-семантических групп: «конкретная деятельность», «участники», «факторы», «средства труда», «структура», «событие, факт» [5, с. 6].

Оба подхода имеют свою теоретическую и практическую ценность и диктуются, целью исследования, характером, и объёмом исследуемых источников, каждый подход приоткрывает определенные аспекты дискурса чрезвычайных ситуаций, концептуальный, лексический, семантический, но ни в одном из них не затрагиваются вопросы семиотики. Дискурсивный анализ позволяет оценить языковой материал со многих точек зрения и использовать результаты анализа в теоретических целях и в практике обучения профессионально ориентированному иностранному языку, но без семиотического анализа описание будет неполным.

Институты безопасности, осуществляющие обучение профессионалов-спасателей, играют существенную роль в формировании официально-делового жанра в рамках дискурса чрезвычайных ситуаций. Доступными для анализа образцами являются интернет-сайты официальных зарубежных учреждений, в частности, сайт образовательного учреждения *Ecole nationale supérieure des officiers sapeurs-pompiers* (общепринятое во Франции сокращение *ENSOSP*) 'Высшая национальная школа офицеров-пожарных' [6]. Социолингвистические аспекты этого сайта и лингвистические средства, репрезентирующие характерные признаки и нормы корпоративной культуры данного социального института, были проанализированы с позиций статусно-ориентированного дискурса [7, с. 22-25]. Дискурс официального сайта ENSOSP является неотъемлемым элементом дискурса безопасности жизнедеятельности на французском языке, и это подтверждается соответствующим концептуально-тематическим полем (по А. С. Зайцевой) а также употреблением специализированной лексики. Здесь можно найти лексическую репрезентацию категорий «событие, факт ЧС»: *explosion dans un simulateur de feu réel* 'взрыв в симуляторе реального пожара'; 'участники и структуры ликвидации': *acteurs du secours* 'спасатели', «средства ликвидации»: *fourgon pompe* 'пожарный автомобиль-насос', «факторы ЧС»: *feux de végétation* 'случаи возгорания растительности'.

Пользуясь параметрами, предложенными В. И. Карасиком, охарактеризуем дискурс в несколько ином порядке: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [8, с. 251] и постараемся выделить его семиотические аспекты. Участники пожарно-спасательного дискурса – обучающиеся, кандидаты в обучающиеся, выпускники, администрация, педагогический и научный коллектив учебного заведения. Хронотоп: прошлое, настоящее и будущее школы, его учебные, тренировочные и церемониальные площадки. Цели и ценности отражены в формулировке миссии, перечислении моральных постулатов. Дискурс сайта интертекстуален, здесь присутствуют официальные формы заявлений, учебные программы, реклама по продаже пожарно-технического и спасательного оборудования, повествование об истории образования и становления школы, описания тренировочных площадок, информационные сообщения с мест происшествий, то есть присутствуют тексты официально-делового, публицистического, научно-технического, элементы художественного стиля. Отличительной чертой сайта ENSOSP является полнозвучная социокультурная и патриотическая символика, большое значение, придаваемое представлению ритуалов: принятие присяги, выпускное построение, вручение званий, парады 14 июля. Важно отметить, что ритуалам людей в погонах как во Франции, так и во всех других странах придается чрезвычайно важное значение, закрепляя постоянные характеристики данной социальной группы, усиливая идентичность и профессиональную принадлежность. Ритуалы пожарных-спасателей не подвержены изменениям, они воспроизводятся раз за разом по одному и тому же сценарию, имеют положительно-возвышенную

эмоциональную окраску, в создании которой участвует специальная парадная униформа, головные уборы, музыка, в некоторых случаях строевое пение, барабанный бой, государственная и корпоративная символика. Ритуалы отражаются на сайте в форме видеороликов, фотографий, текстов-описаний. Прецедентные тексты представлены учебными программами, учебниками, и учебными пособиями, инструкциями, предписаниями, тестовыми заданиями. Ритуалы, воинские знаки различия, визуализированные элементы сайта образуют семиотический фон французского пожарно-спасательного дискурса, главное назначение которого возвысить профессию спасателя, подчеркнуть ее важное значение для безопасной жизни общества, напомнить о высоких моральных ценностях людей, подвергающих себя опасности ради спасения других. Думается, что главная цель дискурса безопасности жизнедеятельности – вселить в общество уверенность в том, что жизнь каждого гражданина в надежных руках профессионалов.

Значительное место в структуре дискурса занимают фотографии. Фотография рассматривается как символ, общий знак, хранящий определенный смысл [8]. Подбор фотографий на сайте Пожарной школы соотнесены с повседневной жизнью и учебой студентов школы, их профессиональной подготовкой, боевыми буднями. Это могут быть фото выполнения сердечно-легочной реанимации, изображения пожарного в защитной одежде с пожарным стволом в руках, студенты в повседневной форме, сидящие за компьютером или конспектом. Вряд ли можно встретить на таких сайтах образы природы, котиков, собачек или птичек. А вот портретам придается большое значение и представляют они руководителей школы или спасателей, отличившихся при выполнении операций. Можно утверждать, что фотографии в рамках пожарно-спасательного дискурса являют собой источник символики, отражающей миссию данного института безопасности, подчеркивая ее благородство и напряженные будни профессионалов.

Изучение семиотического аспекта дискурса безопасности жизнедеятельности в той форме, как он представлен на официальных специализированных сайтах, представляет интерес с теоретической точки зрения для уточнения социолингвистических функций и знаковых систем их репрезентирующих. С другой стороны, выявление скрытых за знаковыми средствами культурных смыслов обогащает практику обучения специалистов французскому языку специалистов с учётом их профессиональной специфики.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ = Discourse analysis as theory and method // 2-е изд., исправленное. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 350 с.
2. Уютова Е.В. Структурно-семантические особенности терминологии международного англоязычного дискурса чрезвычайных ситуаций // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. XIX. Вып. 1. URL: <http://eastjournal.ru> (дата обращения: 02.10.2023).
3. Шарапова И. Л. Роль политической карикатуры во Франции как катализатора политической борьбы. // Вестн. Ом. ун-та. 2013. № 3. С. 162–164.

4. Самородин Г. В. Вербализация Чрезвычайных ситуаций в СМИ Германии: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Москва, 2022. 207 л.
5. Зайцева А. С. Специальная лексика чрезвычайных ситуаций: структурные и функциональные тенденции в новейших терминологиях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.12.19. Москва, 2019. 23 с.
6. ENSOSP: Ecole Nationale Supérieure des Officiers de Sapeurs-Pompiers. URL: <http://www.ensosp.fr/SP/pages-ENSOSP/accueil-2018> (дата обращения: 03.02.2023).
7. Ковалева Т. Г. Веб-сайт как репрезентация институционального дискурса французских спасателей-пожарных // Французский язык на перекрестке культур: актуальные вопросы и перспективы исследования. Сборник статей. Витебск, 2019. С. 22-25.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
9. Афанасьевская Н. В. Семиотические аспекты фотографии // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Вып. 2. URL: <https://bookonlime.ru/lecture/3-semioticheskie-aspekty-fotografii-0> (дата обращения 04.10.2023).

Н. П. Лобань (Мінск, Беларусь)

НАЗВЫ ХВАРОБ У СТРУКТУРЫ БЕЛАРУСКІХ ДОБРАЗЫЧЛІВЫХ І ЗЛАМОЎНЫХ ПАЖАДАННЯЎ

У артыкуле аналізуюцца назвы хвароб, якія сустракаюцца ў структуры беларускіх добразычлівых і зламоўных пажаданняў; раскрываецца іх семантыка, этымалогія, паказваецца варыянтнасць найменняў; прыводзяцца лексічныя паралелі з іншых моў; адзначаецца адметнасць названых лексічных адзінак і асаблівасці іх функцыянавання ў складзе беларускіх выслоўяў.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : добразычлівыя пажаданні; зламоўныя пажаданні; назвы хвароб; семантыка; этымалогія.

The article analyzes the names of diseases found in the structure of Belarusian benevolent and malicious wishes; their semantics, etymology are revealed, the variation of names is shown; lexical parallels from other languages are given; the distinctiveness of the mentioned lexical units and the peculiarities of their functioning in the composition of Belarusian sayings are noted.

Key words: good wishes; breaking wishes; names of diseases; semantics; etymology.

Беларускія добразычлівыя і зламоўныя пажаданні ўяўляюць сабой незаменную крыніцу культуры беларусаў, народнай псіхалогіі, а таксама даюць багаты матэрыял для лінгвістычных даследаванняў. У структуры добразычлівых і зламоўных пажаданняў сустракаем шматлікія прыклады ўжывання дыялектнай лексікі, канатацыйнай лексікі, фразеалагізмаў, метафарычных вобразаў, назваў жывых і міфічных істот, адметных геаграфічных найменняў і інш. На фоне пералічанага асабліва ярка вылучаюцца назвы хвароб, што адначасова адлюстроўваюць веды чалавека па медыцыне і выступаюць адлюстраваннем побыту і традыцыйнай культуры беларускага народа. Трэба адзначыць, што ў беларускай мове існуе дастатковая колькасць моўных адзінак, якія раскрываюць адносіны чалавека, грамадства да стану здароўя. Так, у прыказках і прымаўках бачым народную ацэнку ролі здароўя і хваробы ў жыцці чалавека: *Абы здароўе, а жыццё будзе; Здароўе даражэй за ўсё; Няма лепшага багацтва над здароўе; Здароўя за грошы не купіш;*

Хвароба ў лес, здароўе ў косці; Хвароба не пернік: не пракаўтнеш і не адмовішся; Хваробу не трэба клікаць, сама прыйдзе; Хваробы бойся, астрогу сцеражыся, а торбы не цурайся; Хвароба калі не ўморыць, дык скрывіць і інш.

У артыкуле разгледзім назвы хвароб, якія функцыянуюць у складзе беларускіх добразычлівых і зламоўных пажаданняў і якія складаюць частку моўнай карціны свету беларусаў. Большасць такіх назваў трэба аднесці да нетэрміналагічных (народных, дыялектных) медыцынскіх найменняў хвароб, якія выступаюць сінонімамі да вядомых навуковых назваў хвароб і шырока ўжываюцца ў названых устойлівых выслоўях.

Вядома, што добразычлівыя і зламоўныя зычэнні вылучаюцца сваёй устойлівай структурай. Як правіла, гэта канструкцыя, якія пачынаюцца наступным чынам: *Каб ты (ён, яна)...*, *Каб табе (цябе)...*, *Каб на цябе (вас)...*, *Каб па табе...*, *А бадай ты...*, *А няхай ты (вас)...*, *А штоб табе (вам)...*, *Штоб цябе (яго, яе, яму)...*, *Бадай ты (на цябе)...*, *Бадай цябе...*, *Няхай цябе (яго, яе, вас)...*, *Няхай (хай) табе...*, *Каб табе бог...* і інш. Звернем увагу на тыя назвы хвароб, якія найбольш запатрабаваныя ў структуры зычэнняў. Можна сказаць, што яны адлюстроўваюць народную сістэму каштоўнасцей у адносінах не толькі хвароб, але і людзей, якія зычылі і якім зычыліся гэтыя злосныя хваробы. Адрозніваем, што зычэнні розных хвароб маюць пераважна зламоўны характар. Добразычлівыя пажадання з 'хваравітай' семантыкай сустракаюцца рэдка і маюць у цэлым жартоўную, іранічную афарбоўку, напрыклад: *Халера каб цябе... не ўзяла! Каб твая вош кашыляла! Каб табе шашаль пяты патачыў! Каб табе моль пяты набіла! А каб табе пяткі назад завярнула! Каб цябе тарканы патачылі! Хай ён верх галавой! Каб табе вошы за каўняром жаніліся!*

З ліку зламоўных пажаданняў вылучаюцца выслоўі, у якіх фігуруе любая хвароба, хвароба наогул: *Каб цябе хвароба ўзяла! Хварата на цябе! А няма на вас якое хва'ры! Каб цябе боль біла! А няхай (каб) яго (на цябе) немач якая! Каб цябе не'марач узяла! Каб цябе немач забрала (узяла, ела)! Хай у цябе ўпад упадзець! Каб на цябе ўпадак найшоў! Каб у цябе ўпадзе'нь уваліў! Каб цябе ўпа'дкі ўзялі! А няхай на іх попадзь! Вопадзь на цябе вайдзі казіная!* Агульныя назвы хвароб **хвароба, хварата, хвар, боль, немач, немарач, упад, упадак, упадзе'нь, упа'дкі, попадзь, вопадзь** з'яўляюцца пераважна вытворнымі ад дзеясловаў з адпаведнай семантыкай: *хварэць* – *хвароба, хвар, баліць* – *боль, недамагаць* – *немач, немарач, упада'ць* (выклікаць захворванне, боль і гінуць) – *упад, упадак, упадзе'нь, упа'дкі, попадзь, вопадзь* і пад. Да слова *хвароба* – 1. Парушэнне нармальнай жыццядзейнасці арганізма [1, с. 187] у беларускай літаратурнай мове ёсць сінонімы: *хворасць* – разм. *Хвароба, недамаганне, хваравіты стан* [1, с. 190]; *нездароўе* – *Недамаганне, хваравіты стан* [2, с. 369]; *немач* – разм. 1. *Недамаганне, слабасць; хвароба* [2, с. 374]. Пра сінанімічнасць назваў сведчаць і прыведзеныя вышэй прыклады. З ускосным пажаданнем хваробы функцыя-

нуюць зычэнні, у структуру якіх уваходзяць словы *лякарства*, *зе'лле* ('усё тое, што лечыць, чым лечаць; лякарства' [3, с. 468]): *Каб ты на лякарства прасіў (рабіў)! Каб табе на зе'лле!*

Шматлікія выслоўі маюць спецыфічныя дзеяслоўныя канструкцыі – канструкцыі з дзеясловамі агульнай 'хваравітай' семантыкі: *хварэць, выхварэць, апухнуць, стагнаць, варочаць, распры'ндзіць, парасперці, звіло, скруціла, звярцела, узяло ды не адпусціла, выхварэць, выбалець, выпетраць, выстагнаць, высахнуць, сохнуць, корчыцца, абабэ'ніць, счарнець і інш.: Каб ты хварэла! Каб ты цэлы век стагнаў! Каб цябе варочалі! Бадай цябе распры'ндзіла! Каб вас параспёрла! Каб табе ўзяло ды не адпусціла! Каб цябе звіло да скруціла! Каб цябе звярцела! Каб ён выхварэў, выбалеў! Каб ён высах да выпетраў! Каб ты вы'стагнаў! Каб ты вы'хварэў! Каб ты корчыўся дзень і ноч! Каб цябе абабэ'ніла! Рэж, еш і сохні! Ёсць таксама і дзеясловы з больш канкрэтным сэнсам: *Каб ты аглох! Каб ты азыз! Каб ты спох! Каб цябе абадзьму'ла! Каб ты шчэз! Каб ты апрогся (аб'еўся, абпіўся)! Каб ты так збалеў, як тая сарочка бела! Апухні ты!* На фоне названых вышэй дзеясловаў вылучаюцца спецыфічныя народныя формы, якія ўжываюцца ўсе разам у адным злопажаданні: *Акрывей, ахрамей, ашалай, адзервяней, абязручай, агалдзеі!* Сярод іншых злопажаданняў звернем увагу на *Запаве'тры тваю галаву!*, сэнс якога патрабуе вытлумачэння. Дзеяслоў *запаве'траць* мае даўнюю сувязь са словам "поветрие" – пошасць, мор [3, с. 357]. *Запаветрыцца* – заразіцца з паветра.*

Змест негатыўных зычэнняў часта ўзмацняецца за кошт выкарыстання фразеалагізмаў (*Каб табе бокам вылезла! Каб ты ўсё жыццё ракам поўзаў! Каб ты колам стаў! Каб цябе сагнула ў тры пагібелі!*) і параўнанняў рознага тыпу (*Каб ён высах на гарохаву лапатку! Каб ён сам счарнеў, як сопуха (зямля)! Каб ён як корч ляжаў!*).

Аказіянальнае народнае словаўтварэнне – яркая прымета праклёнаў, пры гэтым часцей за ўсё сустракаюцца аддзяслоўныя назоўнікі – назвы хвароб, якія прыводзяць да смерці, тыпу *агіба* (параўн.: загібацца, пагібнуць), *алёжа* (параўн.: ляжаць, злегчы): *Агіба цябе бяры! Алёжа цябе еш!*

Найбольш цікавымі ў структуры зламоўных зычэнняў з'яўляюцца найменні хвароб з канкрэтнай семантыкай. Выдзяляюцца наступныя назвы:

– назвы ўнутраных хвароб: *пра'нцы* (сіфіліс): *Няхай яго пранцы точуць! Пра'нцы цябе з'еш (стачы, затачы)! Хай яго пранцы ядуць!*; *пякотка*: *Каб цябе пякотка спякла (пякла)!* Назва *панцы* французскага паходжання, як і сама хвароба, таму сінонімам да яе з'яўляецца "французская хвароба". У этымалагічным слоўніку М. Фасмера чытаем: *пранец* род. п. *пранца* «золотушная сыпь», диал., южн., зап. (Даль), укр. *пранці* мн. «сифилис», блр. *Пранцы* — то же Первонач. «франц. болезнь»; см. Преобр. II, 122. Ср. ит. *malfrancese* «сифилис», а также французская болéзнь [4];

– назвы хвароб, якія паказваюць на знешнія пашкоджанні скуры, хваробы скуры, скуранага покрыва і т. п.: *скула, скулка, скулля', ску'лля, скулле, скуллё*: *Скула на нос! А каб табе скулля заваліла! Каб даў бог табе скула!*

ў горла! Каб табе на язык скула села! Каб у яго столькі скул было! Скулка (скулля, скулу) табе ў бок! Каб цябе ніцяя скула спаліла! Каб цябе скула ў бок уваліла! Каб цябе скула ўдушыла (задушыла)! Каб яму скула села! Палічы свае скулля! Скулле пад бок! Скуллё табе на язык (у бок, у глотку сядзь, у зубы, у лупы, у пуза)! Скуллё табе ў вушы (вочы)! Ску'лля табе! Скулу табе на язык! Скулля табе сядзь, а табе на гла'зы, а табе на язык, а табе пад язык!; **струп**: Вінішую табе адным струпам на ўсёй галаве!; **кароста**: Каб ён у каросце часаўся! Каб на яго кароста напала! Кароста табе на язык!; **воспа (чорная)**: Каб цябе воспа ўзяла! (параўн.: восып – высыпка) Каб цябе чорная воспа забрала!; **валасе'нь** (ногцеда; хвароба костачак пальцаў; вадзянка, запоўненая вадкасцю мазоль): Валасе'нь цябе з'еш!; **прышч**: Каб яму прышч на язык!; **Антонаў агонь** (гангрэна): А штоб цябе Антонаў агонь! Звернем увагу на назву скула, яна найбольш часта сустракаецца ў беларускіх праклёнах. Значэнне гэтага слова раскрываецца па-рознаму, але дамінантай выступае ‘нарыў, баячка, шышка на целе’. У слоўніку М. Фасмера бачым суадносіны гэтай назвы са словамі *рана* (у балг.), *трэшчына*, *шчэль*, *шчыліна* (у чэшс.), *шнар* (у славен.) [5]. Антонаў агонь як назва хваробы хоць і ўжываецца не так часта, як *скула*, але мае цікавую этымалогію. З гісторыі вядома, што гэта хвароба бушавала ў 1092 г. у Еўропе і Расіі. Асабліва пацярпелі ад яе Італія, Германія і Францыя. Заступнікам ахвяр захворвання лічыўся Святы Антоній, бо іх лячэннем у Еўропе займаўся манаскі ордэн антанітаў. У хуткім часе хваробу так і сталі называць “антонавым агнём”. Найгоршым пракляццем было “*Ды спаляціць цябе агонь Святога Антонія!*” Але ўспышкі гэтай загадкавай хваробы былі зафіксаваны яшчэ ў 600 г. да н. э. у Асірыі і ў 50-х гадах да н. э. у Галіі. Людзі не маглі растлумачыць яе прыроду і лічылі яе божым пакараннем або інтрыгамі дэманаў. Устанавіць прычыну страшнай хваробы змаглі толькі ў XVII ст. Крыніцай хваробы аказаўся грыбок – спарынні, які паражаў жыта і пшаніцу. Ужыванне хлеба з пашкоджаных зерняў прыводзіла да харчовага таксікозу, атручанне ў выніку – да адмірання тканак і гангрэны канечнасцей. Апошняя моцная ўспышка захворвання адбылася ў 1951 г. на поўдні Францыі;

– назвы ліхаманкі, малярыі (часцей з высокай тэмпературай): **гаручка**, **гарачка**: Гаручка яго бяры! Каб цябе гаручка запаліла! Каб у гарачку цябе кінула! Каб яго цела з гарачкі пачарнела!; **трасучка**: Каб цябе трасучка трасла!; **калатуха**: Калатуха цябе калаці!; **цяцюха**: Штоб цябе так цяцюха трасла!; **тра'сца**: Затрасі іх тра'сца! Каб це тра'сца затрасла' (трасла)! Каб цябе тра'сца трасла (узяла)! Каб цябе тра'сца трасла' праз сем лет не перастаўшы!; **шы'хля**, **шохла** (малярыя): Хай яго шы'хля трасе! Каб табе шохла! Слова *трасца* можа ўжывацца і з іншым значэннем – ‘пра што-небудзь нядобрае, вельмі дрэннае, благое’ [6, с. 514–515]: Каб цябе ўся трасца! Трасца вашай галаве (на тваю голаў)! Трасца твайёй пагібелі! Тра'сца табе ў бок! Яшчэ больш выразна гэта значэнне выяўляецца ў наступных зычэннях, дзе гэта слова стаіць побач са словам *хвароба*: Няхай табе трасца з хваробай! Трасца, хвароба табе!;

– назвы вострага балявога сіндрому: **рэ'зана, разачка, разанка** (рэзкі боль, рэзь у жываце; а таксама дызентэрыя, крываваы панос), **калю'к, калацё** (назоўнікі з яркай празрыстай унутранай формай, утвораныя ад дзеясловаў або прыметнікаў тыпу *рэзаць, калоць, калючы*): *Бадай цябе рэ'зана схавіла! Каб цябе разачка (разанка) парэзала (рэзала)! Калю'к табе ў жывот! Каб цябе калацё!* ;

– назвы псіхічных, нервовых захворванняў, страты прытомнасці і помутнення свядомасці (эпілепсія, прыпадкі, істэрыкі, дэпрэсія): **радзімец, радзімцы, радзімчыкі** (эпілепсія – свая, радзімая хвароба): *Каб цябе радзімец забіў (радзімцы забілі)! Каб цябе радзімец ударыў да не адпусціў! Каб цябе радзімчыкі азялі! Радзімец цябе забяры! Разарві цябе на дванаццаць радзімцаў і з прыпадкамі; ванца'х, ванца'к, ванца'ч (эпілепсія, падушчая балесць): *А няхай іх ванца'х удушыць! Каб цябе ванца'к кідаў! Каб цябе ванца'ч схавіў (ды не адпусціў)!; нуда: Каб цябе нуда з'ела!* (параўн.: *нуды* – моташнасць, млоснасць, ваніты; *нуд* – нуда); **смутак, смуткі**: *Каб цябе смутак узяў (смуткі ўзялі)!;**

– назвы кішачных і страўнікавых хвароб (дызентэрыя, рвота, дыярэя і інш.): **кываўка**: *Каб цябе кываўка заела (мыла)! Каб яго кываўка ўзяла!; халера: Ідзі ты пад халеру! Каб цябе халера абкарміла (накарміла)! Каб цябе якая халера ўдушыла! Каб на цябе халера! Хай яго халера! Халера цябе вазьмі!; ты'фус: Ты'фус каб цябе ўдушыў!;*

– параліч: **паралік, пралік, паля'руш (польскі), пералю'ш**: *А паралік цябе расшыбе! Бадай цябе паля'руш парушыў! Каб яго паля'руш! Каб цябе пералю'ш (паля'руш) трэснуў (узяў)! Паляруш польскі цябе забей! Пралік цябе разбі!;*

– кашаль: **кашаль**: *Кашаль тугі, да штоб к яму прыстаў другі! Кашаль мяккі, каб да веку такі!;*

– эпідэмія: **моркі, мара'**: *Каб цябе моркі скацілі! Каб цябе марой замары'ла! Мара' яго вазьмі!* (параўн.: *мор* – павальная смерць; *мара* – нячысцік);

– галаўны боль: **чэмер, чэмір (конская)**: *А бадай ты чэмеру наеўся!* (параўн.: *чэмер (чамярыца)* – ‘травяністая атрутная лугавая расліна сямейства лілейных, якая выкарыстоўваецца ў медыцыне’ [1, с. 292]; *А няхай на цябе чэмер найдзець! Чэмір конская цябе забей!* (параўн.: *чэмер* – галаўны боль, боль у жываце, паясніцы; *конская хвароба*);

– хваробы касцей: **лом, касталом (кашталом)**: *А няхай цябе лом выламіць! Каб у (на) цябе касталом (кашталом) уваліўся!;*

– хваробы вачэй: **бяльмо**: *Бяльмо табе ў вочы!;*

– хвароба языка: **цыпун, ціпун, кірдзю'к**: *Цыпун (ціпун, кірдзю'к) табе (яму) на язык!* (як адкляцце) (параўн.: *ціпун* – прышч на языку птушак або чалавека; шышка; *кірдзю'к* – хвароба языка ў каня);

– пухліны залоз, чума: **чума (чорная)**: *Каб на іх чума! Каб на цябе чума чорная найшла!;*

– пухліна: **спухля'**: Спухля' табе ў галаву!;

– сутаргі: **курч**: Хай яго курч возьме!

– анкалагічныя хваробы: *А каб з цябе чорная юшка палілася! Каб з цябе журы выйшлі! Каб з цябе ропа цякла! Каб ты кроўю чхаў (харкаў)! Каб цябе кроўю гнала!*

У беларускіх зламоўных пажаданнях вельмі пашыраная лічбавая сімволіка. Дзеля экспрэсіі, узмацнення магічнага слова, яго ўплыву на нядобрага чалавека выкарыстоўваюцца такія лічэбнікі, як *адзін (адна), тры, сем, дванаццаць, сто, трыста*: *Памуч цябе радзімец адзін да дванаццаць гадзін! Каб на іх тры пагібелі і адна трасца! А штоб табе сем балячак! Каб цябе сагнула ў тры пагібелі! Табе тры скулы ў плечы! Разарві цябе на дванаццаць радзімцаў і з прыпадкамі. Сто цябе выкаці радзімцаў! Замардуй, загадуй, закалаці вас трыста радзімцаў і з радзімчыкамі!*

У шматлікіх праклёнах фігуруюць не самі назвы хваробы, а злызчэнні захворвання ў пэўныя органы, часткі чалавечага арганізма. У іх таксама важная роля адводзіцца “хваравітым” дзеясловам, канструкцыям з дзеясловамі адпаведнай семантыкі *накшталт за бок возьме; костачкі пакруціла; жыватом ездзіў; апаршывей, спохні галава; рукі пакорчыла і інш.: бок*: *А няхай цябе за бок возьме! Няхай разарэ твой бок!; косці*: *Каб табе костачкі пакруціла!; грудзі*: *Каб табе ў грудзях робіла (рабіла)! Каб табе ў грудзях калацілася!; жывот*: *А няхай цябе жывот папарэжа! Каб яго за жывот брала! Каб цябе за (на) жывот узяло (возьме)! Каб ты жыватом ездзіў! Каб ён жыватом качаўся! Каб табе ў жываце рэзала! Каб ты трыбухом лазіў! Разадзьмі, разарві твой жывот; галава*: *Апаршывей твая галава! Каб твая галава не ўздзе'ржалася на карку! Каб яму галаву завярнула на патыліцу! Спыхні твая галава!; рукі*: *Бадай табе ручкі ў кручкі! Каб табе рукі пакорчыла! Каб ён не кратаў ні нагамі, ні рукамі!; ногі*: *Каб це ногі не насілі! Каб табе нага (рука, рукі) адсохла (адсохлі)! Каб ты ні нагою, ні рукою не паварушыў! Каб табе ногі папохлі! Хварэй твае рукі-ногі!; пяткі*: *Выверні табе пяткі!; рот*: *Каб твой рот хлясцеў!; язык*: *Каб табе язык выперла (распёрла)! Каб табе язык аблез (адсох)! Каб табе язык колам стаў! Каб табе язык параней у горла сыпаўся! Каб табе язык спух! Каб ты языком не павярнуў!; сэрца*: *Бадай цябе за сэрца ўзяло! Хай цябе за сэрца вазьме!; кішкі, вантробы, жылле*: *Каб яго за кішкі ўзяло! Каб табе кішкі выкруціла (вон вылезлі)! Выматай (заматай) твае кішкі! Выматай тваё жылле! Каб табе вантробы павырвала (перарэзала)!; вочы*: *Каб у цябе вочы калом сталі! Каб табе бельмы (вочы, бе'зікі, слепакі) павылазілі (вылезлі) на лоб! Каб табе твае зеграчы' паўпірала! Каб яму ваўчакі' павылазілі! Каб яму земкачэ' лопнулі! Каб табе лу'ны папухлі! (у апошніх выслоўях значную ролю адыгрывае канатацыйная лексіка: бе'зікі, слепакі', зеграчы', ваўчакі', земкачэ', лу'ны); мазгі*: *Каб табе мазгі адсохлі! Мазгі табе высахні!; зубы*: *Каб яго зубы мучылі!; пячонка(-і)*: *Пячонкі твае папарвісь!; залозы*: *Хай табе яно залозамі вылезе!*

СПІС ЦЫТАВАННЫХ КРЫНІЦ

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агульнай рэд К. К. Атраховіча. Мінск : БелСЭ, 1984. Т. 5. Кн. 2. 608 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агульнай рэд К. К. Атраховіча. Мінск : БелСЭ, 1979. Т. 3. 672 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агульнай рэд К. К. Атраховіча. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 2. 768 с.
4. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BF/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%86> (дата обращения: 19.10.2023).
5. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%81/%D1%81%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%B0> (дата обращения: 19.10.2023).
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агульнай рэд К. К. Атраховіча. Мінск : БелСЭ, 1982. Т. 5. Кн. 1. 663 с.

Г. С. Масютина (Минск, Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ КИНОФИЛЬМОВ

В статье рассматриваются проблемы перевода названий кинофильмов с английского языка на испанский, обусловленные факторами лингвистического и экстралингвистического характера, в том числе различием систем и несопадением норм исходного и целевого языков, культурологическими, социолингвистическими и маркетинговыми аспектами.

Ключевые слова: перевод; фильмонимы; лингвистические и экстралингвистические факторы; культурологические аспекты; реклама; цензура.

The article deals with the problems of translating film titles from English into Spanish caused by linguistic and extralinguistic factors including differences in systems and discrepancy between the norms of the source and target languages, cultural, sociolinguistic and marketing aspects.

Key words: translation; filmonyms; linguistic and extralinguistic factors; cultural aspects; advertising; censorship.

В настоящее время кинематограф оказывает значительное влияние на жизнь общества, представляя собой важный источник передачи и получения информации о людях и культуре стран, производителей кинофильмов. Одной из важнейших составляющих любого кинопродукта выступает его название, или фильмоним, исследуемый в современной лингвистике в разделе ономастики. Фильмоним является неотъемлемой частью фильма, которая отображает смысловой посыл киноленты, формирует предпонимание его идейного образа, резюмирует содержание произведения, подчиняясь при этом законам маркетинга, привлекая внимание зрителя и убеждая его выбрать именно эту, а не другую кинокартину.

Следует отметить, что кинематограф представляет собой сферу, в которой наиболее ярко проявляется интенсивная американизация массовой культуры западного общества, в том числе испаноязычного. Так, большинство фильмов кинопанорамы Испании произведены в США, обладающих крупнейшей в мире киноиндустрией. В связи с высокой популярностью американского кинематографа в Испании и распространенностью английского языка в мире рекламы и рынка кинопродуктов страны, возникает необходимость качественного перевода текстов англоязычных художественных фильмов на испанский язык. Это обуславливает также важность адекватного перевода фильмонимов, которые становятся визитной карточкой кинофильмов, так как именно с названия начинается знакомство потенциального зрителя с кинокартиной. Для этого переводчик должен не только превосходно владеть иностранным и родным языками, но иметь влинейлингвистические энциклопедические знания, творческие способности, языковое чутье и вкус.

Существует множество аспектов и трудностей которые решающим образом влияют на переводы оригинальных названий фильмов. Сложности перевода могут быть обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Так, Х.Т. Лорес Осорьо и Р. Рохас Леон пишут о лингвистических, культурных и маркетинговых аспектах перевода названий фильмов с исходного языка на целевой язык, подчеркивая, что «хороший процесс перевода должен следовать следующим принципам: точность текста, сохраняющего посыл оригинального названия, культурная осведомленность и сочетание коммерческих и эстетических эффектов» [1, с. 8].

К экстралингвистическим факторам перевода фильмонимов обычно относят требования кинопрокатной компании и цензуру. Часто считается, что главным ответственным за перевод названий кинофильмов выступает переводчик. Однако, поскольку успех или провал фильма измеряется кассовыми сборами, в большинстве случаев задача придания им уникального стиля возложена на дистрибьюторов, которые навязывают «коммерческое» название, отвечающее не языковой необходимости, а ряду рыночных интересов, так как именно оно является ключевым моментом для привлечения публики, выполняя рекламную функцию. Фактор рекламы очень сильно влияет на кинопроизводство на всех его этапах от создания персонажей до выбора названия фильма, так как одна из целей автора при создании кинематографического произведения, состоит в успешной продаже своего продукта. На основе рекламы выбраны многие названия, как в случае с испанским переводом *El bosque* 'Лес' англоязычного фильма *The Village* 'Деревня'. Эта кинолента относится к жанру драмы, и в то же время она продвигалась как триллер, что подразумевало, что это может быть фильм ужасов, где лесу придавалось большее значение, чем то, что он имел в действительности. Наиболее распространенным случаем рекламного фактора является копирование названий успешных кинофильмов, например, слова *loca* 'сумасшедшая', благодаря фильму *Loca academia de policía*

‘Сумасшедшая полицейская академия’ (английское название *Police Academy* ‘Полицейская академия’), или слова *desmadre* ‘беспредел’ в испанском названии *Desmadre a la americana* ‘Беспредел по-американски’, переведенного с английского *National Lampoon’s Animal House* ‘Национальный зверинец сатиры’ (на русском языке фильм шел под названием «Зверинец»). Кроме того, к названию иногда добавляется имя главного героя, чтобы еще больше заинтересовать зрителя.

В отношении цензуры в кинематографии необходимо указать, что во времена режима Франко (с 1939 по 1975 год) она присутствовала в Испании во всех сферах жизни, не исключая кинопроизводство. Любая кинолента, как пришедшая из-за рубежа, так и сделанная в стране, подвергалась жесткому официальному надзору. Именно по этой причине переводы названий некоторых фильмов имели мало общего с оригинальным названием. Ярким примером является классический фильм с участием Мэрилин Монро *Some like it hot* ‘Некоторые любят погорячее’, который демонстрировался под названием *Con faldas y a lo loco* ‘С юбками и сумасшедшими’ в Испании и *Una Eva y dos Adanes* ‘Ева и два Адама’ в Латинской Америке. В настоящее время в Испании нет официальной цензуры, но есть рейтинг фильмов по возрасту зрителей. Возрастная классификация фильмов включает четыре группы: рекомендуется для всех аудиторий, не рекомендуется детям до 7 лет, не рекомендуется детям до 13 лет и не рекомендуется детям младше 18 лет. С другой стороны, существуют и другие виды цензуры со стороны некоторых религиозных институтов и внутри самого мира кино, то есть моральная цензура или самоцензура.

Одним из факторов, влияющих на способ перевода фильмонима является тип публики, которой адресован кинофильм. Так, при выборе той или иной стратегии перевода может иметь значение возраст потенциальных зрителей. Исследовательница К.И. Лухан провела опрос среди зрителей разных возрастных групп от 20 до 60 лет, который дает некоторое представление о признании в испанском обществе названий в оригинальной версии (прием нулевого перевода) [2, с. 309-310]. Один из выводов данного исследования говорит о том, что чем взрослее публика, тем больше вероятность сохранения названия в его первоначальной версии. Это объясняется тем фактом, что взрослое население обладает большим знанием английского языка в отличие от детей, которым нужны дословные переводы, чтобы лучше понять смысл фильма. Примеры названий американских кинофильмов, которые шли в испанском прокате без перевода, в оригинальной версии, нередко: *American Gangster* ‘Американский гангстер’, *Gangs of New York* ‘Банды Нью-Йорка’, *Dallas Buyers Club* ‘Далласский клуб покупателей’ и др.

Другими важными факторами, оказывающими влияние на перевод фильмонимов, являются лингвокультурологические, или - по определению Л.К. Латышева – лингвоэтнические, который различает следующие аспекты, относящиеся к этому фактору:

- несовпадение норм ИЯ и ПЯ;
- различие систем ИЯ и ПЯ;
- расхождение преинформационных запасов носителей ИЯ и ПЯ;
- несовпадение речевых норм (узусов) носителей ИЯ и ПЯ [3, с. 192].

Преинформативные (фоновые) знания культурно-исторического характера носителей разных языков необходимы для адекватного перевода названий фильмов, так как важно передавать не только слова и идею первичного текста, но и присущий ему колорит и особенности культурной жизни народа, учитывая реалии, которые могут не совпадать или вообще отсутствовать в одной из стран, что может послужить серьезным препятствием для качественного перевода фильмонимов. Для обозначения культурно-маркированных элементов языка часто используется термин «культурема». Культуремы представляют собой категорию слов, которые требуют особого подхода при переводе и интерпретации. Они не могут быть переведены буквально, так как их значение определяется не только лексической составляющей, но и культурным фоном. Тем не менее зрители принимающей страны должны полностью понимать смысл произведения, для чего референт должен быть адаптирован и заменен другим элементом, который может быть более легко идентифицироваться. Так, является адаптацией способ перевода английского названия фильма *La La Land* на испанский язык как *La ciudad de las estrellas (La La Land)* 'Город звезд (Ла-Ла Ленд)'. Поскольку «Ла» является культурной ссылкой на город Лос-Анджелес, испанское название было расширено за счет включения понятия «звездный город», с которым этот город ассоциируется в просторечии.

Американский фильм «*Groundhog Day*» 'День сурка' был переведен на испанский язык как *Atrapado en el tiempo* 'В ловушке времени'. «День сурка» (дословно на испанском языке *el día de la marmota*) - это праздник, отмечаемый в США, но отсутствующий в испанской культуре. В этот день принято следить за грызунами, так как считается, что по их поведению можно узнать о приходе весны. Однако одноименный фильм заложил в название новое значение, ассоциируемое с временной петлей, и сделал его именем нарицательным. Для передачи идейно-смыслового посыла киноленты в испанском переводе названия был выбран способ полной замены, исключая культурную отсылку исходного языка, но указывающий на смысловое содержание картины. Важно подчеркнуть, что отсутствие учета культурной адаптации может породить неточные переводы, которые теряют оригинальную идею или эффект исходного названия. И. Негро проиллюстрировал этот факт на примере английского названия «*Friday the 13th*» 'Пятница, 13-е', которое в Испании было переведено как *Viernes 13* 'Пятница 13-е', не принимая во внимание тот факт, что в испанской культуре «несчастливой» считается не пятница, а вторник 13-го [4, с. 1098].

Перевод иноязычных имен собственных (антропонимов и топонимов), также является достаточно сложной переводческой проблемой. Прежде имена собственные адаптировались в тех случаях, когда в испанском языке был эквивалент. Однако в настоящее время иностранные антропонимы и

топонимы, фигурирующие в названиях, обычно не переводятся, даже если они имеют эквиваленты в целевом языке. При этом, если имя собственное вставлено в более длинное заглавие, то переводится на испанский язык остальная часть заголовка, но не имя собственное. См.: (англ.) «*Little Miss Sunshine*» и (исп.) *Pequeña Miss Sunshine* ‘Маленькая мисс Sunshine’; (англ.) *Brideshead Revisited* и (исп.) *Retorno a Brideshead* ‘Возвращение в Brideshead’ и др. Иногда при переводе используется способ расширения названия, чтобы ориентировать зрителя в содержании фильма: (англ.) «*Sweeney Todd, el barbero diabólico de la calle Fleet*» ‘Суини Тодд, демон-парикмахер с Флит-стрит’.

Различия между двумя языковыми системами и нормами являются еще одной существенной проблемой перевода названий фильмов. Языковые несовпадения могут быть различных видов и проявляться на разных уровнях. Так, английский и испанский языки отличаются некоторыми правилами орфографии. В английском языке существует тенденция писать с заглавной буквы каждое слово названия, кроме предлогов, артиклей и союзов; в испанском языке используется заглавная буква только в первом слове названия. С другой стороны, когда оригинальные названия произведений не переводятся, может соблюдаться английский стандарт, хотя рекомендуется применять испанский. Ср.: (англ.) «*Ice Age*» ‘Ледниковый период’ и (исп.) *La edad de hielo* ‘Ледниковый период’; (англ.) «*Funky Monkey*» ‘Трусливая мартышка’ и (исп.) *Funky Monkey* (на русском языке фильм шел под названием «Волосатая история»).

В лексическом плане значительную проблему представляет полисемия слов, состоящая в разнообразии значений одного слова. Некоторые ошибки могут быть при использовании способа дословного перевода. Например, в оригинальной версии названия фильма «*One Flew over the Cuckoo's Nest*», переведенного на испанский язык дословно *Alguien voló sobre el nido del cuco* ‘Кто-то пролетел над гнездом кукушки’, слово *cuckoo* имеет двойной смысл, поскольку может означать как «кукушка», так и «сумасшедший». Эта деталь, связанная с многозначностью термина, не была учтена при дословном переводе, из-за чего была утеряна часть информационной составляющей, так как действие фильма происходит в психиатрической больнице.

Не могут быть переведены буквально идиоматические выражения. В этих случаях обычно выбирается эквивалентное устойчивое словосочетание в целевом языке. Ср.: (англ.) *Gone Girl* ‘Пропащая’ и (исп.) *Perdida* ‘Падшая/Беспутная’; (англ.) *Uncut Gems* ‘Неограненные драгоценности’ и (исп.) *Diamantes en bruto* ‘Необработанные алмазы’.

Некоторые различия могут быть связаны с грамматическим аспектом, например, употреблением определенного артикля. Сам по себе определенный артикль не представляет проблемы, но следует отметить, что в английском языке существует тенденция не начинать заголовки с определенным артиклем в отличие от испанского. Ср.: (англ.) «*300: Rise of an Empire*» ‘300: Расцвет империи’ и (исп.) *300: El origen de un imperio* ‘300: Зарождение империи’.

Таким образом, перевод фильмонимов зависит не только от ответственности переводческих компаний и уровня владения переводчиками языковыми системами и нормами иностранного и родного языков, но и от комплекса стратегий, используемых коммерческими отделами дистрибьюторов или лицами, отвечающими за выбор названия фильма на целевом языке, который подчиняется тенденциям социолингвистического подхода, специфике культурного контекста, вопросам цензуры или самоцензуры с учетом социально-экономических, политических или религиозных последствий.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. López Osorio, J. T., Rojas León P. del R. Aspectos lingüísticos en la traducción de títulos de películas de acción // Revista Iberoamericana de Producción Académica y Gestión Educativa. Artículos científicos. Vol. 7, № 14. - México: Universidad Juárez Autónoma de Tabasco, 2020. P. 1-10. URL: <https://www.pag.org.mx/index.php/PAG/article/view/843> (дата обращения: 02.07.2023).
2. Luján, C. I. Traducción de los títulos de las películas en los cines de España: ¿inglés y/o español? // Odissea: Revista de Estudios Ingleses, № 11. - Almería: Universidad de Almería, 2010. P. 301-313. URL: <http://repositorio.ual.es/handle/10835/1150> (дата обращения: 02.07.2023).
3. Латышев, Л.К. Технология перевода. / Л.К. Латышев. М.: Академия, 2007. 317 с.
4. Negro, I. La traducción de títulos cinematográficos: ¿adaptación o creación? // Jorge Luis Bueno Alonso (Ed.) Analizar datos. Describir variación. - Vigo: Universidad de Vigo, Servicio de publicaciones, 2010. P. 1091-1104. URL: https://www.researchgate.net/publication/261099518_La_traducion_de_titulos_cinematograficos_Adaptacion_o_creacion (дата обращения: 03.07.2023).

Л. Н. Неборская (Минск, Беларусь)

ЖАНРОВО-СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА «ВЕДЬМ» XVII ВЕКА

(на материале архивных документов региона *Курмайни*, Германия)

Статья посвящена исследованию особенностей одного из разновидностей юридических текстов раннего Нового времени - протокола допросов «ведьм» - как вторичного речевого жанра. Анализу подвергаются формальная и содержательная структура текста, раскрывается этимология и семантика лексической единицы «ведьма», выявляются причины стереотипного характера языкового оформления документа.

Ключевые слова: историческая прагматика; ведьма; протокол допроса; речевой жанр; ведьма; этимология; дефиниция; комментарий.

The article considers the peculiarities of one of the varieties of legal texts of early modern times - the protocol of interrogation of "witches" - as a secondary speech genre. The formal and content structure of the text is analysed, the etymology and semantics of the lexical unit "witch" are revealed, the reasons for the stereotypical character of the language design of the document are revealed..

Key words: historical pragmatics; witch; interrogation protocol; speech genre; etymology; definition; commentary.

Антропоцентрический подход к осмыслению языковых явлений позволяет сконцентрировать исследовательский интерес на функционировании языка в различных сферах социальной деятельности. На этом фоне вполне закономерным представляется обращение к речевым жанрам как к моделям коммуникации, отражающим социальный, культурно-исторический и психологический аспекты коммуникативного взаимодействия.

Кроме того, по-прежнему актуальным направлением лингвистики является историческая прагматика, которая изучает изменения в языке, возникающие как результат изменения коммуникативных потребностей общества. Это дает возможность исследователю приблизиться к пониманию того, какова была пропозиция высказываний, принадлежащих другим эпохам и доступных нам лишь в виде письменных источников. Установление и описание речевых жанров на определенном этапе исторического развития языка может помочь выявить особенности изменения системы речевых жанров на разных этапах существования языка, а также смоделировать речевое общение в отдаленные периоды развития языка.

Основы теории жанров речи были заложены М. М. Бахтиным, который исходил из убеждения о том, что межличностное общение тесно связано с устойчивыми ситуациями, в которых оно происходит: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными относительно устойчивыми типическими формами построения целого. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров» [1, с. 271]. Идеи М. М. Бахтина нашли свое развитие во многих отечественных и зарубежных исследованиях. Так, например, В. В. Дементьев дополняет понимание речевого жанра следующим определением: «Речевой жанр – это исторически сложившийся в определенной сфере общения устойчивый тип текста, для которого характерно единство формы и содержания, обеспечивающее целенаправленное социальное взаимодействие людей в типических ситуациях общения» [2, с. 77].

В немецкой лингвистике жанровое разнообразие текстов традиционно изучается в рамках теории типов текста. В общем виде под типом текста (нем. *Textsorte* ‘тип текста’) «языковая, но в то же время коммуникативная единица, ..., грамматически или тематически связанная (когерентная) последовательность языковых знаков, реализующих коммуникативную функцию» [3, с. 20].

Пользуясь основными положениями теории речевых жанров М. М. Бахтина протокол допроса «ведьм» как письменный юридический документ можно квалифицировать как вторичный речевой жанр по отношению к первичному речевому жанру допроса в устной форме. У протокола допроса «ведьм» имеется автор, т.е. «исполнитель документа, который фиксирует в письменном документе происходящее на допросе в соответствии с функциональными требованиями судебно-правовой системы раннего Нового времени» [4, с.118].

Как культурно-исторический и социальный феномен «охота на ведьм» оказала существенное влияние на осмысление религиозных, государственных и гражданских основ общественной жизни раннего Нового времени. Установлены и описаны как хронологические, так и географические рамки этого явления: XVI - XVII вв. – это время наиболее интенсивного судебного преследования за колдовство на территории Европы, жертвами которого стали от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек, причем около половины сожжений «ведьм» приходится на территорию современной Германии [4, с.118]. Массовый характер «охоты на ведьм» в эпоху Реформации и последовавшей за ней Тридцатилетней войны проявляется в факте привлечения к суду не только женщин, но и мужчин, о чем свидетельствует и материал нашего исследования.

Фольклорный образ ведьмы, лежащий в основе именованного феномена, раскрывается при помощи этимологического и дефиниционного анализа лексемы. В современном немецком языке существительное *die Hexe* этимологически связано с лексемами двн. *hazussa, hazazussa*, свн. *hecse*, да. *hægtesse*, а. *hag*, которые, в свою очередь, представляют собой развитие общегерманской композитной формы **hagahatusī*, состоящей из двух корней герм. **hag(a)* ‘изгородь из кустов или деревьев, забор’ и герм. **tusī* ‘эльф, приведение, дух’ [5]. Таким образом, первоначальный образ ведьмы в западногерманском мифическом сознании основывается на представлении о ней как о некоем демоническом существе, духе, обитающем в лесу, недалеко от жилья человека или непосредственно на крыше или заборе жилищ в ожидании возможности нанести ущерб человеку. Именно способность наносить ущерб и обладание колдовской, демонической силой являются центральными в определениях сущности ведьмы, что подтверждают следующие фрагменты дефиниций 1) «... [*dämonisches*] *Wesen* (...), *das über Zauberkräfte verfügt [und damit den Menschen Schaden zufügt]*» ‘[демоническое] существо (...), которое обладает колдовской силой [и тем самым наносит ущерб человеку]’ [6]; 2) «... *dämonisches Märchen- oder Sagenwesen*, ..., *die Schadenszauber auf den Menschen ausüben kann*» ‘... демоническое существо из сказок и легенд, ..., которое наносит вред человеку посредством колдовства’ [7].

Анализ словарных дефиниций лексемы *ведьма* позволяет выделить дополнительные характеристики этого «демонического существа»: 1) гендерная характеристика - *weibliches Wesen* ‘существо женского пола’; 2) внешность - *häßliches Weib* ‘отвратительная женщина’ [5]; «*dämonisches Wesen oft in Gestalt einer hässlichen, buckligen alten Frau mit langer krummer Nase*» ‘демоническое существо часто в образе отвратительной горбатой старой женщины с кривым носом’ [6]; «*dämonisches Märchen- oder Sagenwesen in Gestalt einer hässlichen, zauberkräftigen Greisin mit einem Buckel und einer langen, krummen Nase*» ‘демоническое сказочное существо в образе отвратительной колдовской старухи с горбом и длинным кривым носом’ [7]; 3) характер – «*bösartige, zänkische, unangenehme weibliche Person*» ‘злобная,

скандальная, неприятная женщина' [6]; «*bösgesinntes (...) Märchen- oder Sagenwesen*» 'злое сказочное существо' [7]; 4) связь с дьяволом – «*eine mit dem Teufel im Bunde stehende Frau*» 'состоящая в союзе с дьяволом женщина' [7]; «*als mit dem Teufel im Bunde stehend betrachtete, über angebliche Zauberkräfte verfügende weibliche Person*» 'рассматриваемая как состоящая в союзе с дьяволом, обладающая вероятной волшебной силой женщина' [6]; «*mit dem Teufel durch einen Pakt oder Buhlschaft verbündet ist*» 'связанная с дьяволом пактом или сводничеством' [7].

В конкретных судебных случаях в полной мере реализуются следующие из вышеназванных характеристик: гендерная принадлежность – гонениям подвергаются в основном женщины; основа обвинения – связь с дьяволом, сводничество. Черты характера и внешность не эксплицируются в протоколах допроса, но не исключено, что «ведьмами» объявлялись женщины с необычной или неприятной внешностью.

Материалом исследования являются протоколы допросов обвинённых в колдовстве жителей Курмайнца (территория нынешнего города Майнц, Германии), судебные разбирательства по делам которых происходили с сентября по ноябрь 1627 года объемом от 1536 до 2554 словоупотреблений [8]. Обвиняемые имеют различный социальный статус: Анна Штарк работала акушеркой и была заподозрена в колдовстве из-за высокой детской смертности, через некоторое время после её казни та же участь постигла её мужа и сына. Оттилия Шпонсейл, вдова, происходящая из уважаемой семьи, избежала приговора в 1612 г., но была повторно допрошена и приговорена к смерти в 1627 г. Михель Фриц, предположительно работающий мельником, был женат, имел двух дочерей и сына. О Никласе Эхерейтере известно только то, что кроме него были казнены его жена, их сын и четыре дочери.

Исследуемые тексты протоколов допроса представляют собой зафиксированные в качестве стенограммы ответы подсудимых на вопросы обвинения, изложенные в 98 пунктах специального документа – *Specialia Interrogatoria* [8]. Тип текста «протокол допроса» включает в себя обязательные структурные части: комментарий автора протокола в начале, 1) представляющий собой краткую характеристику обвиняемого, и в конце, 2) констатирующий правдивость содержания допроса; пункты протокола 1 – 20 - показания обвиняемого о первой встрече с дьяволом и описание контакта с ним; пункты протокола 21–40 - описание некоторых обязательных ритуалов и празднеств с участием нечистой силой; пункты протокола 41–80 - подробное описание способов использования обвиняемыми своих способностей для порчи урожая или детоубийства, а также перечисление потерпевших; пункты протокола 81–91 - признание вины.

Каждый протокол начинается с указания составителя документа на то, что показания даются по доброй воле и без применения пыток: (1) «*Anna Hanß Starcks Wittib die hebAm, ..., sagt guttlichen Und ohne tortur...*» 'Анна, вдова Ханса Штарка, ..., говорит добровольно и без пыток...'

В заключительной части протоколов, являющейся своего рода «последним словом», обвиняемые делают признание о том, что их действия были лишены злого умысла: (2) «*Sagt Ja, Vnd hab kein Böse gedancken darbey gehabt*» ‘Говорит да, не имела при этом злой мысли’. Затем следует повторное клишированное подтверждение зафиксированных признаний, маркированное формами конъюнктива 1: (3) «*Ob sie zu erleichterung ihres gewissens vnnnd information der Obrigkeit zu Außreüttung dißes erschrecklichs hauptlasters noch etwas ferneres Anzuzäugen wisse: oder da ihr Zeit wehrender verhaffung noch ein mehrers einfallen solte, solches ihrer Seelenseligkeit zuuorderst zum besten, vnnnd dan zubeforderung der Heylsamen Justitien nach der handt mit warheits bestandt Anzeigen wölle? — Sagt Ja:Und diese Ihre bekandtnus seye die rechte Warheit, daruf sie lebe[n] und sterbe[n] wölle*» ‘Может ли она для облегчения своей совести и для информирования суда еще что-нибудь сообщить: или во время ареста ей еще многое вспомнится, что пойдет на пользу ее душе, и что она захочет позже правдиво сообщить Священному Суде?’ – Говорит да: и это её признание является чистой правдой. После этого она хотела бы либо жить, либо умереть’.

В заключительной часть протокола содержится также пояснение автора о том, что обвинённый повторил и подтвердил всё написанное с указанием даты: (4) «*4. Nouemb. hat Sponseiß Ottilia hievor geschribene Ihre Bekandtnuß nochmahß in d. gute repetirt und wiederhole*» ‘4 ноября Оттилия Шпонсейл повторила ещё раз свое добровольно записанное признание’.

В текст включены также фрагменты, содержащие пояснения, противоречащие самообличающим заявлениям обвиняемых: (5) «*{hat sich weder stecken noch schmir befunden} Das Schmir sey ihn einem kleinen hefflein hinder stecken ... gestelet worden*» ‘{не нашлись ни мазь, ни посох} Мазь стоит в маленьком глиняном горшке за посохом’.

К особенностям исследуемого текста можно отнести т.н. маргиналии или специальные пометы автора на полях текста слева. Самыми частотными (16 использований) являются указания на персон, находящихся в зале суда при допросе: (6) «*{Findet sich also.} Item Petter Fritzen Vor 2 Jahrn ein Söhnlein Hanß genandt so 14 tag altt, habe demselben im Badt das Hirnschälgen eingedruckt*» ‘{Находится.} Также Петер Фрицен два года назад сын названный Хансом 14 дней от роду, продавала ему черепную коробку’. Встречаются также единичные случаи комментариев, поясняющие показания обвиняемого, например: (7) «*{Paul Arnolds weib ist verstorben}*» ‘{Жена Пола Арнольдса умерла}’; (8) «*Sie hab Vor Vngefehr Vnd die Verstorbene hans Anders frauw {habe vor ohngefehr 20 Jahren}.... Schnatzen Kahtrina Zu frylings Zeitt in ihrem hoff angedredt*» ‘Она и покойная жена Ханса Андерса {приблизительно 20 лет назад} весной обратились к Катрине Шнатцен в её дворе’. В данных комментариях содержится информация о свидетелях,

большинство из которых умерли и не могут быть вызваны в суд. Только один свидетель находился в зале суда и показание зафиксировано с его слов: (9) «{* *hannß Kemp befragdt. sagt, daß sie dieß Kindt ahn tochter * den Röten 4 wochen lang kranck gelegen und endtlich gestorben sey*}*» ‘{* опрошенный Ханс Кэмп говорит, что этот ребёнок, дочь, 4 недели лежала больной краснухой и в конце концов умерла}*’.

Протокол допроса как юридический документ содержит латинские элементы. Например, наречие *item* (лат. ‘также, так же, так же’), функционирующее как инициальный элемент при перечислении преступлений: (10) «*Item vor ongefehr 6 Jahrn hette sie Adam Rückern aus antrieb ihres buhlgeist ein töchterlein Cathrina, so 4 tag altt, auf Vorige Weiß Vmbgebracht*» ‘Также примерно 6 лет назад схожим способом и по требованию своего демона она убила дочку Адама Рюкерна Катарину, которой было 4 дня’. Также к элементам структуры можно отнести латинские сокращения, выполняющие дейктическую функцию: (11) «*uti sup. apud 1 et 4*» ‘Используй пункт выше 1 и 4’; (12) «*Hanß Fridrich der Jung Vnd sein Schwester. Susanne. Vide 64*» ‘Сын Ханса Фридриха и его сестра Сюзанна. Смотри [пункт] 64’.

Представляется, что структурные и жанровые особенностям ранне-новороверхненемецкого протокола допроса обусловлены в основном влиянием образцов латинских юридических документов и заключаются в следующем:

1) Стереотипный характер документа проявляется в его трехчастной структуре (вводная часть – основная часть – заключение) и в почти дословном совпадении показаний обвиняемых, что обусловлено строгим порядком проведения допроса, его официальным статусом, а также наличием специального документа-вопросника, определяющим содержание допроса.

2) Использование т. н. помет комментирующего характера на полях документа (маргиналии), внутри текста, а также латинских элементов, выполняющих дейктическую функцию и реализующих когерентность текста.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Деменьтев, В. В. Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010. 600 с.
3. Brinker, K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 160 S.
4. Неборская, Л. Н. Протокол допроса «ведьм» как вторичный речевой жанр// Универсальное и национальное в языковой картине мира: Материалы V международной научной конференции, Минск, 21 –23 октября 2022 г. / Минский гос. лингвистический ун-т. Минск: МГЛУ, 2022. С. 118 –121.
5. DWDS URL: <https://www.dwds.de/wb/hexen> (дата обращения: 14.09.2023).
6. DUDEN URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Hexe> (дата обращения: 14.09.2023).
7. WORTBEDEUTUNG.INFO URL: <https://www.wortbedeutung.info/Hexe> (дата обращения: 14.09.2023).
8. Hexenprotokolle in Kurmainz: Verhörprotokolle // Stadtarchiv Mainz Hexenprozesse in Kurmainz. URL: <http://www.hexenprozesse-kurmainz.de/quellen/stadtarchiv-mainz/die-verhoerprotokolle> (дата обращения: 01.10.2023).

ТЕЛЕСНАЯ МЕТАФОРА В ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА КАК ВЕРБАЛИЗОВАННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЖАДНОСТИ

В статье рассматривается языковое выражение понятия «жадность», представленного в виде телесной метафоры в пословицах русского народа. На базе отобранного для лингвокультурного описания корпуса паремий с применением элементов синтагматического анализа, метода компонентного анализа языковых единиц доказывается идея реализации в них отрицательной оценочности понятия «жадность», проявляемой семантически, грамматически, стилистически, а также с помощью художественно-образительных средств.

Ключевые слова: человек; язык; культура; пословица; метафора; языковая картина мира; лингвокультурология, когнитивная лингвистика; жадность.

The article examines the linguistic expression of the concept of "greed", presented in the form of a bodily metaphor in the proverbs of the Russian people. On the basis of the corpus of paroemias selected for the linguocultural description using elements of syntagmatic analysis, the method of component analysis of language units, the idea of implementing in them the negative evaluation of the concept of "greed", manifested semantically, grammatically, stylistically, as well as with the help of artistic and visual means, is proved.

Key words: man; language; culture; proverb; metaphor; linguistic picture of the world; linguoculturology; cognitive linguistics; greed.

Антропоцентрическая научная парадигма в лингвистике обусловила глубокий взгляд филологов на человека в языке и культуре в рамках лингвокультурологического, когнитивного и других исследовательских направлений. В них с конца XX в. активизировалось изучение метафорического сегмента языковой картины мира, в которой большой частотностью отмечен термин «телесная метафора», введенный в научное описание когнитивистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1]. Американские исследователи (лингвист и философ), выстраивая концепцию метафорической природы познания человеком действительности, понимали телесную метафору как одну из основных сфер (мишеней), через которую человеческое сознание преломляет природную, социальную и культурную стороны жизни – своеобразные «тела человека» [2, с. 464 – 465]. Объект рассмотрения данного материала – метафора **жадности**, вербализованная в номинациях частей человеческого организма. Жадность с позиции социокультурных ее характеристик по преимуществу обладает негативной аурой. Вместе с тем нельзя отрицать, что это «сложный конструкт, который специфичен для разных культур и времен», имеющий двойственную природу, поскольку приводит как к отрицательным, так и положительным последствиям – деструктивным и продуктивным. В силу этого жадность сама по себе «не должна оцениваться как моральная или аморальная» [3]. Эта мысль подтверждается лингвистическим материалом – лексическим значением слова в толковых словарях русского языка: *жадность* – 1) а) Стремление удовлетворить непомерные, ненасытные желания; алчность. б) *перен.* Напряженный интерес, напряженное внимание. 2) Скупость, корыстолюбие.

3) *перен.* Страстное стремление к чему-л., неудержимость в удовлетворении какого-л. желания [4]. Обращение к лингвокультурному анализу единиц, вербализующих метафорическое представление жадности в пословицах русского народа, выявляет, по преимуществу, отрицательную характеристику этого качества характера человека. Докажем это следующими фактами.

Рассмотрим группу пословиц с общим значением «**жадность к материальным благам**». Их семантику можно определить как «стремление обладать максимально возможным количеством благ, желание создать лучшие условия для жизни, окружить себя хорошими вещами». В анализируемых паремиях отражены лексемы, называющие части человеческого организма. Ср.: *В одну лапу всего не сгребешь; Глаза (очи) завидуици, руки загребуици; В чужих руках краюха за коврыгу (... кус за ломоть); На чужое добро и глаза разгораются; Душа не принимает, а глаза все больше просят; Глаза даны на пагубу человеку (что ни видят, все бы захватили). Глазы – ямы, а руки – грабли; Глаза человеку вороги; Глаз – первый враг; Глаз не накормишь; Глаза разбежались* [5; 6].

Обращает на себя внимание частое употребление в приведенных пословицах лексемы «глаз», формального выразителя сущности понятия «жадность»: *глаз* – орудие чувственного зрения, око; глазное яблоко [7].

В ряде пословиц данная лексема актуализирована в сильной позиции – сочетается с глаголами, выступая в синтаксической функции подлежащего (*глаза – разбежались, разгораются, просят, захватили бы*) и дополнения (*глаз не накормишь*). Менее частотное функционирование лексемы «глаз» в сочетании с именами прилагательными, являющимися согласованными определениями (*глаза завидуици*). Значительно количество пословиц, в которых лексема «глаз» сравнивается с явлениями предметного мира (*глазы – ямы*), а также с одушевленными лицами (*глаза – вороги*), что реализует художественный прием **лицетворение**.

Нельзя не обратить внимание, что народная мудрость выражает идею жадности с помощью **сравнения**, ср.: *Глазы – ямы, а руки – грабли*. По-видимому, через такое образное сравнение передается сема 'большое количество', которое может вместить в себя яма, а также сема 'забирать, захватывать в большом количестве' для себя, которая реализуется в семантической структуре слова *грабли*.

Наблюдения показывают, что в пословицах этой группы лексема *глаз* выступает как идентификатор негативного, так как употребляется в контекстах, характеризующих его с отрицательной стороны, ср.: *Глаза (очи) завидуици; На чужое добро и глаза разгораются; Глаза даны на пагубу человеку (что ни видят, все бы захватили); Глазы – ямы, а руки – грабли; Глаза человеку вороги; Глаз – первый враг*. В двух последних пословицах знаменательна логическая связь «глаз – враг», что отождествляется с опасностью для души человека – жадность пробуждает его негативные мысли и поступки, заставляет проявляться самым низменным его качествам.

Употребление лексемы «глаз» в проанализированных пословицах свидетельствует о том, что этот орган воспринимается русским народом как главный канал, который может способствовать формированию и усилению проявления отрицательного качества человека – жадности, при этом дается негативная оценка (употребление языковых единиц *завидущи, (на) пагубу, захватили*). Именно этот орган человеческого тела (головы) особенно дорог людям, поскольку является «зеркалом души».

В данной группе пословиц для метафоризации понятия «жадность», помимо лексемы *глаза*, высокой частотностью характеризуется и слово «руки». *Рука* – одна из верхних конечностей человека..., часть тела от плеча до ногтей; |собств. кисть ручная [8]. В анализируемых пословицах лексема «рука», как правило, актуализирует семантику «захвата», «стягивания к себе» (*руки загребущи, грабли*).

В ряде пословиц употребляется синонимичная лексеме «рука» лексема «лапа» [9]. Ср.: *В одну лапу всего не сгребешь. Лапа* – 1. Стопа ноги или вся нога у животных, имеющих подвижные конечные члены – пальцы, а также (*прост.*) о руке (реже о ноге) человека [10]. Сема 'рука' актуализируется как добавочная после семы 'нога', причем со стилистической пометой «просторечное». Стилистический оттенок «разговорно-сниженное» сопровождает толкование слова *лапа* с уточнением '*рука / нога*' человека и в Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой [4]. Однако из приведенной пословицы ясно, что в ней слово «лапа» является синонимом именно лексемы «рука», о чем свидетельствует поддерживающий контекст – употребление лексемы разговорного регистра речи (*не*) *сгребешь*. Ср.: *сгрести* – (*разг.*) Быстрым, сильным движением взять что-л. в руки [11]. Значение множества, чего-либо в большом количестве передается в пословице словом *всего* (не *сгребешь*), что также определяет понятие «жадность». В пословице *Глаза (очи) завидущи, руки загребущи* согласованное определение к слову *руки* – имя прилагательное в усеченной форме *загребущи* – также поддерживает указанное понимание однокоренного слова *сгрести*.

В анализируемых пословицах данной группы использованы имена прилагательные в усеченной форме – *завидущи, загребущи*. В современном русском языке в такой грамматической / стилистической форме они уже не употребляются и являются признаком либо художественной речи, либо русских фольклорных текстов. В отличие от имен прилагательных в краткой форме (которые являются компонентом составного именного сказуемого), усеченные имена прилагательные выполняют синтаксическую функцию согласованного определения. В анализируемых пословицах эти лексемы выражают высокую степень интенсификации признака.

Характерно, что лексема «руки» сочетается с именем прилагательным *чужие* (ср.: *В чужих руках и краюха за коврыгу*), а лексема «глаза» такой сочетаемости не имеет, она, как правило, поддерживает в большинстве

пословиц семантику «свои», «собственные». На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что пословицы данной группы, в которых функционирует лексема «руки», в большей мере пересекаются с пословицами из группы «Зависть», то есть понятия «жадность» и «зависть» в данных пословицах представляют эквиполентную лексическую оппозицию. Вместе с тем отметим пословицу, в которой лексема «глаза» выражает указанное значение, поддерживаемое контекстом, ср.: *Глаза (очи) завидуши, руки загребуши*.

В целом пословицы анализируемой группы достаточно часто содержат дополнительный смысл «зависть», ср.: *Берут завидки на чужие пожитки*. В данной пословице употреблено слово *завидки*, входящее в словообразовательное гнездо слов с ключевым словом *зависть* (*завидовать*). Ср.: *завидки* – только в выражении: *завидки берут кого (прост.)* – чувствует зависть кто-нибудь. *Тебя завидки берут, что у меня денег много?* [4]. Т. Ф. Ефремова приводит помету: *мн., разг.-сниж.* Следовательно, *завидки* – стилистически маркированное имя существительное, плюралятив, в котором реализуется семантика жадности – зависти, причем в приведенном контексте позицию объекта этого негативного чувства человека занимает лексема *пожитки*. *Пожитки* – мн. *Разг.* Мелкое имущество, домашние вещи, скарб [4]. Это имя существительное также употребляется только в грамматической форме множественного числа.

Наблюдения показывают, что позицию объекта жадности – зависти в анализируемых пословицах данной группы замещают лексемы с конкретной семантикой (*пожитки, коврыга, ломоть*), а также лексемы с абстрактной семантикой (*добро* (в значении материальных благ), *всего, чего, того, всё*). Данные лексемы представлены именами существительными и местоимениями. В некоторых примерах позиция объекта жадности – зависти не замещена, она опущена, ср.: *Заехал в целик, да наклал воз велик – и ни с места (велик воз (чего?)); Душа не принимает, а глаза все больше просят (не принимает (чего?), просят (чего?)).*

Отметим в последней пословице использованный прием **антитезы** (душа противопоставляется глазам). Как представляется, здесь усматривается оппозиция высокого – низкого, при этом душа ассоциируется с понятием высокого, а глаза – с понятием низкого. Нельзя не вспомнить в этом контексте известное афористическое выражение «Глаза – зеркало души», в котором отмеченное нами оппозитивное понимание не актуализируется. Наоборот, лексемы «глаза» и «душа» понимаются как контекстные синонимы, связанные парадигматическими гиперо-гипонимическими отношениями: *душа* – гипероним, *глаза* – гипоним.

В пословицах *В чужих руках краюха за коврыгу (... кус за ломоть); Душа не принимает, а глаза все больше просят* отметим **гиперболизацию** признака.

Показательно, что в пословице *В чужих руках краюха за коврыгу (... кус за ломоть)* использован прием **эллипсиса**: опущено сказуемое – вспомогательный глагол *кажется (представляется)*, ср.: *в чужих руках краюха за коврыгу кажется...*

В пословицах *На чужое добро и глаза разгораются* и *Глаза разбегаются* представлен **метафорический перенос наименования** (*глаза разгораются, глаза разбегаются*) на основе сходства.

К **синтаксическим особенностям** пословиц данной группы отнесем характер организации предложения по количеству главных членов предложения. Так, в основном представлены: 1) односоставные предложения разных видов в целом с обобщенно-личным значением, выражающим универсальный характер. Здесь по типу выражения сказуемого выделяются: а) определенно-личные (*Заехал в целик, да наклал воз велик – и ни с места; В одну лапу всего не сгребешь; Глаз не накормишь*); б) безличные (*Чего нет, того и хочется*); 2) двусоставные (*На чужое добро и глаза разгораются; Берут завидки на чужие пожитки*).

Наблюдения над паремиями русского народа, которые отражают понятие «жадность», показали его важность для русского языкового сознания, русской культуры, о чем свидетельствуют лингвокультурные особенности пословиц. В проанализированных паремиях русского языка, вербализующих понятие «жадность» с помощью телесных метафор, как правило, передаются следующие значения, выражающие отрицательную коннотацию: 1. «Алчность, стремление удовлетворить непомерные, ненасытные желания. 2. Скупость, корыстолюбие (*разг.*). Языковое же значение «напряженный интерес, напряженное внимание» в паремиях не реализуется.

В пословицах соответствующая оценка понятия «жадность» профилируется семантикой лексем – телесных метафор (в основном – *глаза* и *руки*), грамматическими и стилистическими ресурсами контекстных распространителей лексемы «жадность», а также художественно-изобразительными средствами (среди которых основными являются метафора, олицетворение, гипербола, антитеза, сравнение). Чаще всего понятие «жадность» передается в пословицах описательно, через языковую номинацию понятий, соответствующих представлению жадности у русского народа. Сама словоформа *жадность* (как имя существительное в грамматической форме именительного падежа женского рода) в проанализированном корпусе пословиц не отмечена. Представляется, это связано со способностью русского человека к выражению глубинного смысла изречений не прямым образом (такая черта характера, как жадность, по сути, не украшает человека), а через сопоставление, сравнение, описательные обороты, которые косвенно подчеркивают свойство человека, называемое жадностью и представленное в фольклорном сегменте русской языковой картины мира в достаточно показательном количестве.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Быховская И. М. Телесность как социокультурный феномен / И. М. Быховская // Культурология. XX век. Словарь. СПб, 1997. 464 с.
3. Энциклопедический психологический словарь-справочник. 1000 понятий определений терминов. Минск: Харвест, 2021. 866 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. Дрофа: Русский язык, 2000. 1233 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2003. 616 с. URL: <https://schci.ru/poslovcy.html> (дата обращения: 11.09.2023).
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. 797 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL:<http://dal.slovaron-line.com/> (дата обращения: 03.09.2023).
9. Словарь синонимов русского языка. URL: <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/> (дата обращения: 03.09.2023).
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. РАН. 4 изд. М.: Азбуковник, 1999. 994 с.
11. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996. 1165 с.

Е. С. Ступина (Нижний Новгород)

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (на примере рекламных текстов газеты Pro Город)

Реализация культурных кодов в рекламных текстах – отражение жизни общества. Культурный код организует всю информацию, которую вбирает человеческая культура. Рекламный текст – это семиотически насыщенная структура, полная разнообразных смыслов. Восприятие прагматики рекламного текста обусловлено общим культурным опытом. Создатели рекламы манипулируют условными культурными скрепами для достижения коммерческого успеха. Культурные коды касаются вопросов здоровья, экономии, поддержания тепла.

Ключевые слова: культурный код; рекламный дискурс; парцелляция; тема; рема; языковое манипулирование.

The implementation of cultural codes in advertising texts is a reflection of the life of society. The cultural code organizes all the information that human culture absorbs. Advertising text is a semiotically rich structure, full of various meanings. The perception of the pragmatics of an advertising text is determined by general cultural experience. Advertising creators manipulate cultural conventions to achieve commercial success. Cultural codes concern issues of health, economy, and keeping warm.

Key words: cultural code; advertising discourse; parcellation; theme; rheme; language manipulation.

Современный человек, существующий в условиях разных типов экономических систем, не может представить свою жизнь без рекламы. Реклама кажется естественной частью бытия. Реклама призвана рассказать о продукте. Может возникнуть иллюзия, что рекламные произведения имеют только информационное предназначение. Рекламные тексты реализуют множество функций: «информативная, аттрактивная, репрезентативная, коммуникативная, когнитивная, апеллятивная, фатическая, экспрессивная или эмотивная, кумулятивная, экономическая (маркетинговая), суггестивная, персуазивная, социальная, просветительская, мифологическая, идеологическая и другие функции» [1, с. 10]. Исполнение этих функций возможно в том случае, если учитывается состав аудитории, на которую направлена реклама, социальная значимость рекламируемого продукта. Однако необходимо обратить внимание на выраженную специфику указанных функций в рамках рекламного дискурса. Исследователи отмечают, что «рекламный текст должным образом интерпретируется и производит соответствующий эффект на сознание реципиента только тогда, когда сможет активизировать определенные структуры знаний» [1, с. 11]. Эти знания могут трансформироваться по желанию адресанта. Безусловно, информация в рекламе задается интересами продавца товара или услуги. Фактически рекламный текст представляет тот образ, который выгоден продавцу товаров и услуг. В рекламе формируется субъективная картина мира, которую перенимает потребитель.

Рекламный текст представляет собой семиотически насыщенную структуру, полную разнообразных смыслов, которые анализируются и декодируются теми, к кому реклама обращена. Подчеркнем, что «реклама усваивает и использует при создании собственных текстов композиционно-структурные модели, сюжеты и образы используемых медиа для имитации коммуникативно-прагматических ситуаций потребления» [2, с. 65]. Создатели рекламы для облегчения восприятия информации применяют узнаваемые для общества элементы. Это могут быть известные личности, исторические факты в упрощенной интерпретации, знакомые с детства мелодии. Например, реклама известных сухариков дает отсылку к Ивану Грозному, Петру Первому, Михаилу Кутузову.

Реклама не может давать сложные интеллектуальные задачи, по этой причине рекламный текст не включает сложных каламбурных приемов и реминисценций. Основной рекламный принцип заключается в «побуждении к деятельности по декодированию лингвистических и визуальных знаков» [3, с. 28]. Восприятие прагматики произведения обусловлено общим культурным опытом. Например, социальная реклама о национальном проекте «Демография» имеет слоган *Тем, кто с зайкой – помощь с лужайкой*. Это прецедентный текст – измененная поговорка *Дал Бог зайку, даст и лужайку*. Эффект воздействия усиливается благодаря полученным положительным эмоциям от понимания этой основы.

Совокупность рекламных текстов образует дискурс. Изучение дискурса связано значительной историей этого термина, всплеском интереса к нему в 70-е годы XX века, обилием теоретических работ в настоящем. Несмотря на множество статей и монографий по теме дискурса, однозначной, принятой ученым сообществом дефиниции дискурса нет. В. Е. Чернявская пишет, что в отечественной науке термин дискурс «наложился на ту систему координат и понятий, которые традиционно изучались в советской науке в функционально-стилистическом формате» [4, с. 56]. С этой точки зрения кажется естественной сложность в разграничении стиля и дискурса.

Значимой кажется позиция Н. Д. Арутюновой, которая отмечает, что дискурс следует понимать, во-первых, как связный текст в сочетании с прагматическими, социокультурными, психологическими компонентами; во-вторых, событийно осмысленный текст (то есть в понимании значимости события); в-третьих, речевой компонент, отражающий когнитивные процессы человеческого сознания [5, с.136]. Дискурс оказывается связан с когнитивными механизмами сознания в процессе речепроизводства и результатом речевой деятельности – текстом.

Лингвисты в последние три десятилетия активно изучают структуру, предназначение, возможности рекламного дискурса (см. работы В. Н. Степанов, В. В. Ермаков, Е. Ю. Кармалова и др.). При этом обратим внимание, что инструментарий рекламы регулярно обновляется, воздействующий потенциал увеличивается. Большинство рекламных текстов опираются на общий культурно-исторический опыт, оперируют множественными задачами, опираются на разнообразные культурные коды, позволяющие реализовать функциональный потенциал рекламы.

Культурные коды рекламного дискурса раскрывают стратегические возможности рекламного продукта. Культурный код организует всю информацию, которую вбирает человеческая культура, в систему морально-нравственных, этических, поведенческих и др. компонентов – знаков. Эти знаки выражены в слове, изображении, звуке.

Философский словарь подчеркивает, что код используют для «перевода какой-либо информации, выраженной естественным языком, в последовательность условных символов, сигналов по определенным правилам» [6]. Происходит кодирование, переход очевидной информации в условно обозначенную систему. Единство знаков в определенных комбинаторных позициях, сформированных на фоне культурно-исторического периода, представляют код. Связь между кодами разных поколений людей, которые являются носителями культуры, определяется совокупностью индивидуальных трактовок кода.

Р. Барт считал, что следует обозначить «культурный» код, который воплощает собой «код человеческого знания» и апеллирует к пониманию сложившихся в социуме правил, осознаваемых в цивилизационном мире как природная данность [7, с. 47]. Например, знание об эстетически приятном

воздействию соловьиных трелей будет в равной степени восприниматься как часть культурного кода, так и потребность ложиться спать ночью. Культурный код не имеет универсальных дешифраторов, однако постижение кода возможно при периодическом воспроизведении запроса в поисковую систему. Каждый из кодов ориентирован на определенную группу посвященных. При этом есть коды, имеющие широкий круг адресатов (например, культурные коды нации, язык как код), а есть коды для узкого круга (например, коды, сформированные в определенной семье, – в первую субботу месяца все члены семьи собираются за столом). Заданная когнитивная информация закладывается в основание кода как отдельной личности, так и нации в целом КК, выраженный вербально, воплощается в различных словесных произведениях. В рекламе культурные коды отражают систему ценностей общества, особенности мировоззрения. Создатели рекламы осознанно манипулируют условными культурными скрепами для достижения коммерческого успеха.

Материалом для исследования послужили рекламные тексты, представленные в газете «ПРО-город». Это крупнейший медиахолдинг в России с филиалами в 17 городах. Самыми популярными являются рекламные объявления, касающиеся кредитных организаций, здоровья, благоустройства дома. Например, в рекламе пластиковых окон основной слоган, построенный на синтаксической зевгме, использует манифестирует две основные идеи домашнего благополучия: *Окна РЕХАУ сэберегут тепло и ваши деньги*. Нарушение логической сочетаемости в однородных членах привлекает внимание к теме необходимости сохранения тепла в холодное время года и к теме экономии. Считается, что зевгма – разновидность эллипсиса, позволяющая избежать ненужных повторов [8, с. 115], что основной функцией является «создание комического эффекта, развлечение и привлечения и удержания внимания адресата, игра» [9, с. 236]. Стилистическая продуктивность зевгмы в данном примере соотнесена с манипулятивной стратегией рекламного контента. Достигается воздействующий эффект благодаря намеренному перераспределению внимания между логически неоднородными объектами – тепло и деньги. Обратим внимание, что «неоднородные слова-понятия относятся к одному и тому же ядерному многозначному слову, которое, будучи соотнесено с двумя или более неоднородными понятиями, реализует одновременно несколько разных значений» [10]. Мы обратились к Национальному корпусу русского языка, чтобы проверить возможность телескопии семантики выражений *сберечь тепло* и *сберечь деньги*. В данной иллюстрации смысл регулярно воспроизводимого сочетания *сберечь тепло* (*Сжавшиеся на снегу люди, пытающиеся **сберечь тепло*** - Г. Я. Бакланов. «Пядь земли»; *В школе занимаемся в две смены, чтобы **сберечь тепло** из-за недостатка дров.* - В. С. Савельев. «Дневник») благодаря синтаксической конструкции однородных членов накладывается на аналогичное сочетание

сберечь деньги (*Моя мать посоветовала мне **сберечь деньги** до Москвы.* - С. М. Голицын. «Записки уцелевшего»; *Правда, она дома бывала редко и поэтому могла **сберечь деньги** от пищи, которую ее угощали господа, но все-таки одной ночевать в квартире ей было скучно.* - Ф. М. Решетников. «Где лучше?»). Происходит смысловое ассимилирование – реализация первичной потребности сохранения комфортной температуры для проживания в помещении и достижение материальной выгоды при качественной и выгодной в финансовом вопросе выполненной услуге. С помощью подобной конструкции компактно и ёмко маркированы значимые аспекты жизни общества с развивающейся экономикой, при условии, что реклама создается для читателей Приволжского федерального округа, где среднегодовая температура близка к нулевой отметке. Таким образом, культурные коды, сформированные первичными жизненными потребностями экономии и поддержания тепла в доме, используются продавцами как сигнальные маячки, на которые обязательно будут ориентироваться потенциальные потребители.

Мысль об экономии средств обусловлен с политическими кризисами, нестабильностью в экономике, сложным предшествующим периодом истории, а также осознаваемой философской концепции общества потребления. И создатели рекламы пользуются этим тематическим инструментарием при описании продукции: *Акция! Компания вернет полную сумму окна. Вызов специалиста на замер бесплатно.* Сопряжен с кодом экономии вопрос доверия специалистам, доверия заводскому качеству: *Окна заводского остекления.* Прилагательное *заводской* в данной фразе оказывается в смысловом центре, поскольку используется как сигнал для подтвержденного качества. Реклама, вероятно, адресована людям, которые сохранили представление о том, что заводы – это крупные предприятия, контролируемые государственными стандартами, поэтому заводская продукция обеспечивает качество, а значит, позволяет экономить. У человека возникает устойчивая стереотипная цепочка мыслительных операций. В данном примере культурный код может быть расшифрован при условии понимания значимости государственного регулирования в промышленности при наличии соответствующего жизненного опыта в системе командной экономики.

Не менее важным культурным кодом в рекламе является удовлетворение такой первичной потребности как безопасность: *Избавим от тараканов, клопов, муравьев. Безопасно.* Парцеллированная конструкция в данном примере акцентирует внимание на слове безопасность, таким образом актуализируется не сама услуга избавления от насекомых, а обеспеченная безопасность. «Обладая способностью выводить на первый план значимые отрезки высказывания, парцелляция способствует повышению «эмоционального накала» и «заражению» им читателя» [11, с. 7]. Реклама манипулирует готовыми идеальными моделями жизненных ситуаций, и потребитель воспринимает рекламу на эмоциональном уровне. Если говорят о безопасности, то человек, подчиняясь законам жизни, будет стремиться к ощуще-

нию, когда никто и ничто не угрожает жизни и здоровью. Большую роль в декодировании имплицитного смысла, связанного с эмоциональным восприятием, играет структурная расчлененность предложения.

Парцелляция усиливает эффект восприятия. Е. А. Иванчикова полагает, что парцелляция возникает под влиянием экстралингвистических факторов: динамичностью современной жизни и необходимостью передачи информации сжатым и более выразительным способом [12].

Пример интересен своей структурой. Он представлен двумя сегментными отрезками, разграничивающими тему и рему. Тема заключена в базовой части. Смысловый акцент смещен на парцеллят, вследствие чего он становится ремой высказывания. Подобная конструкция программируется автором, позволяет обеспечить контроль внимания адресата и эффективность применяемого культурного кода.

Культурные коды, связанные с представлением о необходимости сохранения здоровья, заботы о здоровье, поддержании здорового образа жизни, находят активную реализацию в рекламном дискурсе. Например, реклама организации «Отосфера», специализирующейся на лечении слуха. Заголовок представляет собой риторический вопрос (*Ухудшился слух?*), благодаря чему возникает иллюзия частной беседы с адресатом. Подобный эффект диалогичности стимулирует работу мысли в контролируемом направлении. Далее в тексте рекламы объясняются возможные причины ухудшения слуха – болезни, связанные с кровообращением. Данная формулировка кажется общей, не касающейся конкретики, поскольку болезней кровообращения очень много, поэтому ареол адресации расширяется. Употребление словосочетаний, именующих родовые понятия, является манипулятивным приемом в рекламе, позволяющим привлечь внимание не к частным деталям, о которых знают только специалисты, а продемонстрировать универсальность товара

Далее по тексту следует прямой призыв, отличающийся эмоциональностью, которая заставляет задуматься о своем состоянии: *Если вы стали плохо слышать – не терпите, обратитесь к врачу!* Императивная форма глагола во второй части предложения выражает логическую завершенность всей рекламной группы. Стоит обратить внимание, что реклама отражает распространенное в обществе мнение о возможности перетерпеть боль. Это также является частью мировоззренческого состояния, то есть формирует культурный код

Подводя итог нашим размышлениям, отметим, что культурные коды, реализованные в рекламе, отражают жизнь всего народа в исторической перспективе. Имплицитная выраженность этих кодов позволяет манипулятивно касаться таких тем, которые волнуют большинство населения. Процесс декодирования в рекламной программе создают в сознании адресата идеальные модели поведения, касающиеся вопросов заботы о здоровье, безопасности, экономии. Эти модели обусловлены многими факторами, в частности, историческим опытом, типом ведения хозяйства, государственной системой управления, климатическими условиями.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдуллаева Ч. Б. Функциональная реализация рекламного дискурса // *Мировая наука*. 2022. №1 (58). С.10 – 15.
2. Шакиров С. М. Трансмедиаальность рекламного дискурса // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2020. №3 (37). С.64 – 70.
3. Соколова О. Н. Современная поэзия в мире рекламы: дейктическая организация поэтического и рекламного текстов // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 2013. № 1. С. 28 –36.
4. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014. №1. С. 54-61
5. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
6. *Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. 719 с.
7. Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр.* М.: Прогресс, 1989. 616с.
8. Максименко Е. В. *Языковые средства создания комического в современной французской прозе: дис. ... канд. филол. наук.* Киев, 1983. 115 л.
9. Бобровская Г. В. *Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса.* Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2011. 236 с.
10. *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник* / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. 2-е изд., испр. М.: Флинта : Наука, 2007. 840 с.
11. Богоявленская Юлия Валерьевна *Воздействующий потенциал парцелляции в медиатексте* // *Филология и человек*. 2015. №2. С. 93. – 103.
12. Иванчикова Е. А. *Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции* // *Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.* М.: Наука, 1977. С. 277– 301.

Н. В. Трунова (Москва, Россия)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: MODI PRAESENTANDI

Транспарентность современной политики даёт ощущение причастности общества к происходящим в мире событиям, встраивая его в общий политический ландшафт. Такая ситуация кратно расширяет функции политической публицистики в формировании общественного мнения, создавая предпосылки усиления воздействия на аудиторию в направлении, не противоречащем философии правящего класса и собственной этике издания. Это требует особого ракурса и приёмов убеждения аудитории «верить слову». В англоязычной политической публицистике этой цели служит приём смещения фокуса внимания с событийности на эмоциональное переживание, результатом чего становится феномен «когнитивного искажения».

К л ю ч е в ы е с л о в а: политический ландшафт; модусы презентации; когнитивное искажение.

The transparency of modern politics gives a sense of society's involvement in the events taking place in the world, integrating it into the overall political landscape. This situation sharply expands the functions of political journalism in shaping public opinion, creating the preconditions for strengthening the influence on the audience in a direction that does not contradict the philosophy of the ruling class and the ethics of the publications themselves. This requires a special perspective and techniques of persuading the audience to “take their word for it”. In English-language political journalism, this goal may be achieved by shifting the focus of attention from the eventfulness to the emotional experience, resulting in the phenomenon of “cognitive transformation”.

Key words: political landscape; modi praesentandi/presentation modes; cognitive distortion.

Когда не сквозь глаза мы видим мир, а только ими,
нас заставляют верить в ложь,
рожденную в ночи, чтоб в ней же и растаять,
когда Душа уснула для рассвета.
(Уильям Блейк)

Геополитическая ситуация сегодняшнего дня, которую Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций Антониу Гутерриш назвал худшей за весь период после Второй мировой войны, в целом определяется рассогласованностью понимания экзистенциальных ценностей и прав, равно как и несостоятельностью отдельных участников, происходящих на этой почве конфликтов, прийти если не к согласию, то к возможным допустимым компромиссам, выбирая приоритетное направление в решении спорных вопросов.

На фоне развёртывающихся политических событий и дивергентности толкования широкой аудиторией причин происходящего, обусловленной такими факторами как возраст, образовательный уровень, социальный стратум, культура и вероисповедание, новую значимость и новые функции приобретает политическая публицистика, предназначение которой заключается в передаче фактов, освещении полемики и предоставлении аналитики. Основные требования к публицистике (более всего, к политической публицистике) как мощному средству воздействия на сознание реципиента сформулированы в профессиональном кодексе журналиста. Они предполагают концентрацию фокуса внимания на наиболее значимых, жизненно важных событиях, достоверность и непредвзятость их освещения, конъюнктурную независимость и верифицируемость публикуемого материала [1]. До определённого момента эти положения разделялись всем журналистским сообществом, независимо от национальности и государственного строя страны.

Изменения в соотношении политических сил в отдельных государствах и перераспределение заглавных ролей на политической сцене мира в целом, стремление к достижению и установлению главенствующих позиций и обеспечению непоколебимости власти, желание и необходимость скрыть реальные мотивы и движущие силы социальных потрясений [2, с. 261-266]

стали причиной парадигмального сдвига в области политической публицистики, обозначенного метафорой «смерть факта» [3]. Суть явления заключается в том, что на передний план выступает не собственно освещаемое событие, а его интерпретация (вполне допустимая «по умолчанию», с негласного согласия профессионального сообщества и уже широко практикуемая в западной прессе), обусловленная точкой зрения автора или, скорее всего, заказчика публикации. Таким образом на репрезентативной (эпистемической) шкале «достоверно известно, что так / возможно, что так» осуществляется смещение модуса представления излагаемого материала и центральным звеном становится не собственно событие как факт, но мнение частного лица (или заинтересованных лиц) о его (события) возможных причинах и последствиях.

Девальвация фактологии открывает дорогу к спекуляциям, искажающим суть вопроса и служащим сокрытию действительного положения дел. Об этом около тридцати лет назад впервые открыто заявил американский журналист С. Тесич [4]. Характеризуя ситуацию как жизнь за гранью истины (*post-truth reality*), он обращался к общественности страны с призывом если не к противостоянию, то, во всяком случае, неприятию ложных суждений и оценок. Однако, однажды запущенный механизм уже невозможно остановить. Поэтому в качестве противовеса истине в политической публицистике создаётся новая «изменённая реальность», в которой статус актуальной информации характеризуется не верифицируемым фактом, но частным, ангажированным мнением, апеллирующим не к аналитическим действиям разума, а к эмоциям её потребителя. При этом для общества, находящегося в состоянии экономических и политических потрясений, достаточным бывает даже незначительное преувеличение важности происходящего, чтобы вспыхнул пожар эмоций. И уже не важно, подвергается ли ложная информация опровержению в последующих публикациях [5, с. 45-50], поскольку они просто выпадают из актуального поля: настолько сильным оказывается «эмоциональный ответ» на информацию, полученную ранее. Именно этот фактор, фактор эмоциональной реакции заложен в основу манипулятивного воздействия.

Объяснение этому феномену даёт концепция эволюционного развития биологического вида *homo sapiens*, согласно которой поведение человека контролируется эмоциями как формой ответа на внешний раздражитель (звук, запах, движение) [6]. В преломлении к политическим публицистическим изданиям эта доктрина была разработана американским учёным, писателем и журналистом Д. Гоулманом. Давая описание общей теории эмоционального интеллекта и нейрофизиологических механизмов, анализируя испытываемые людьми эмоциональные состояния, Дэниэл Гоулман формулирует следующие положения:

- В работе двух типов разума человека существует «разделение труда»: прерогативой рационального типа разума является осуществление мыслительных процессов, эмоциональный разум руководит чувствами.

- Эмоциональный интеллект формировался у человека миллионы лет. В силу эволюционного «старшинства» он принимает на себя задачу первичной переработки информации.

- Эмоциональный интеллект обеспечивает способность определять и оценивать эмоции, а также управлять эмоциями, причем, как своими, так и чужими.

- В жизненно важных, сложных критических ситуациях (и не только) человек, как правило, подчиняется испытываемым эмоциям.

- Все эмоции – как положительные, так и отрицательные – представляют собой побуждение к действию.

- Эмоции могут передаваться от человека к человеку [7].

По мнению Д. Гоулмана, самое мощное влияние на поведение человека имеют три (отрицательные) эмоции: тревога, страх, гнев.

Отмечается, что феномен эмоционального воздействия и взаимодействия реализуется не только в условиях совместной деятельности, например, участия общественных мероприятиях (в том числе, и в политических акциях), поскольку эмоциональная атмосфера является «регулятором человеческого поведения в системе отношений, предлагаемых социальной структурой» [8], но может быть вербально опосредованным [9;10]. Эта точка зрения, уже более тридцати лет назад была, по-видимому, впервые сформулирована и обоснована американским лингвистом, политическим публицистом и философом Н. Хомским в книге «Контроль СМИ: выдающееся достижение пропаганды».

Связывая вопрос о демократизации общества с воздействием средств массовой информации на формирование того, что принято называть «картиной мира», Н. Хомский опосредованно полемизирует с писателем, политическим обозревателем У. Липпманом, считавшим, что общество «демократично» разделено на тех, кто правит и определяет политику, и тех, кто встраивается в предлагаемую доктрину, не вдумываясь в причины и последствия происходящего в силу собственной ограниченности и неспособности принимать самостоятельные решения. При этом, если «интеллектуальная элита» руководствуется рациональным логическим анализом, основная масса населения полагается на интуицию и субъективное эмоциональное восприятие. [11]. Последнее обстоятельство составило платформу для воплощения идеи создания института «связи с общественностью», основной прерогативой которого, как отмечает Н. Хомский, является контроль общественного сознания [12, с. 59]. Ещё одним следствием стало изменение репрезентативной парадигмы политической публицистики, упразднившей критерий верификации факта в пользу эмоциональной интерпретации даже не происходящего, а предполагаемого.

В полном соответствии с принятой таким образом доктриной в начале текущего столетия изменился политический публицистический нарратив, который и сейчас остаётся характерным для западноевропейских и североамериканских изданий в рамках этого жанра. Его специфическим

признаком является, прежде всего, фальсификация событий. Психологическая подоплёка в данном случае очевидна: устоявшиеся социальные ценностные ориентиры по определению формируют тот «коридор», в рамках которого развиваются все внутренние и внешние политические процессы государства. Сохранение «равномерного прямолинейного движения» социума в обозначенных границах определяет необходимость поддерживать единение граждан в решении существующих (или намеренно создаваемых) проблем и устранении актуальных (или вымышленных) угроз. Утрата (отсутствие) ресурса, позволяющего решить реальные внутренние задачи, требует изменения цели и, безусловно, решения двух сакраментальных вопросов: кто виноват и что делать. При этом виноватого, как правило, ищут «за забором», а основным приёмом устранения проблемы избирают агрессивные меры по отношению к «врагу». Эти принципы, как, приводя реальные имена и конкретные (вообще говоря, хорошо известные) факты, пишет профессор Н. Хомский, закладываются в основу государственной политики западных правительств, озабоченных поиском внешних «монстров» и путей борьбы с ними (у каждого – свои): «*We have our ways, too. Over the last ten years, every year or two, some major monster is constructed that we have to defend ourselves against. There used to be one that was always readily available: The Russians. You could always defend yourself against the Russians*» [12, с. 38]. ‘У нас тоже есть свои пути. За последние десять лет, каждый год или два, создается какой-то крупный монстр, от которого нам приходится защищаться. Раньше был тот, кто всегда подходил <для этих целей>: русские. Всегда могла быть <необходимость> защищаться от русских’. Сущностная характеристика политической публицистики, выявляемая в функциональной нагрузке жанра, включает следующие составляющие:

- идеологическую (детерминирующую): любой политический нарратив всегда обусловлен идеологической доктриной государства, определяющей векторы рассмотрения политических вопросов, их значимость и ракурсы интерпретации;
- когнитивную: ключевую в современном информационном пространстве социума;
- аналитическую (комментативную): состоит в акцентуации значимых факторов;
- прогностическую: отображает направленность векторов развития ситуации и условия достижения возможных результатов.

«Железный канцлер» Отто фон Бисмарк называл политику «учением о возможном». Вне исторического контекста политических событий середины XIX века, вероятно, трудно интерпретировать точный смысл этого высказывания. В преломлении к сегодняшнему дню это может иметь вполне позитивные импликации, предполагая возможность выбора решений, определяющих перспективы развития актуальных ситуаций. Вместе с тем, очевидно, что характер отражения актуальных событий текущего времени в политической публицистике запада свидетельствует об упразднении

различий между «быть» и «быть возможным». Такая понятийная редукция разрушает основу отграничения аподиктических суждений (суждений достоверности) от суждений проблематических («правдоподобных» суждений, истинность которых не удостоверена). Таким образом, стирается грань между истинным и ложным. В области политической публицистики это приводит к подмене понятий, допущению искажения истины и откровенной лжи.

В политическом публицистическом пространстве пост-правды бездоказательность суждений становится нормой. При этом отсутствие доказательной базы (эпистемический модус презентации) не считается поводом для опровержений, как, например, в «деле Скрипалей»: *British authorities on Tuesday also made a dramatic announcement in yet another high-profile case of a Russian-linked assassination plot on British soil* ‘Во вторник британские власти также сделали драматичное заявление по еще одному громкому делу о связываемом с Россией заговоре с целью убийства на британской земле’ [13], навешивание ярлыков служит интенсификации эмоционального (аксиологический модус) респонса: *The only difference is that there is a terrorist organization that attacked Israel, and here is the terrorist state that attacked Ukraine* ‘Единственное различие состоит лишь в том, что там [есть] террористическая организация, которая напала на Израиль, а здесь – террористическое государство, которое напало на Украину’ [14]. Наиболее характерным персуазивным приёмом в западноевропейской и североамериканской политической публицистике представляется явление, получившее в политической психологии терминологическое обозначение «фундаментальной ошибки атрибуции» [15], как это произошло в речи председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен на заседании Европарламента 13 сентября 2023 года: «...*Russia threatens to use nuclear weapons again. It is heinous. It is dangerous. In the shade of Hiroshima it is unforgivable* » ‘Россия угрожает снова применить ядерное оружие. Это порочно. Это опасно. Как эхо <событий> Хиросимы, это непростительно [16].

Коммуникативные модусы формируются в оппозициях «достоверно известно / не верифицировано» (когнитивные, эпистемические модусы, основанные на уровне «уверенного» знания участников коммуникации) «хорошо / плохо» (ценностные, аксиологические модусы, основанные на базовых ценностях социальной группы) и «нравится / не нравится» (преференциальные – *attitudinal*, ‘эмотивные, основанные на личностных предпочтениях’. Вербальная актуализация этих модусов в (любых) коммуникативных практиках реализует нелинейные, многомерные алгоритмы ментальной обработки и анализа получаемой информации (на этих принципах, в частности, основана работа искусственного интеллекта) и составляет основу логических информационных структур. Нарушение этих принципов приводит к когнитивным диссонансам и когнитивным искажениям восприятия и мышления, что собственно и способствует формированию «иной реальности», реальности пост-правды.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Никифоров Г. С., Дудченко З. Ф., Тучина О. Р. Психологическое здоровье личности: к истории вопроса в отечественной психологии // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 6. С. 55-65.
2. Семенов А. В., Семенова Т. Г. Реферирование и аннотирование на русском и китайском языках : учеб.-метод. пособие. М. : Шанс, 2019. 295 с.
3. Васильева В. В. Релаксационный аспект журналистики развлечения // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/102-5907> (дата обращения: 11.07.2020).
4. Социально-когнитивное функционирование языка : коллектив. моногр. / Кемеровский гос. ун-т. Кемерово : КГУ, 2017. 316 с.
5. Использование метода инфотейнмента в практике современного российского телевидения / И. И. Карпенко, Л. Ю. Иванова, М. В. Кюсева, М. В. Тарасова // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 28 (277). С. 97–105.
6. The Effects of Chinese Learners' English Acoustic-prosodic Patterns on Listeners' Attitudinal Judgements / H. Chen, Q. Wang, Y.L. Li, W.-D. Wu // The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2018. Vol. 22, № 2. P. 91–108.
7. Бартош Н.Н. Функционирование нулевого артикля в бытийных высказываниях современного французского языка : дис. ... канд.филол. наук : 10.02 05. Минск, 2019. 164 л.
8. Глушкова С. Ю. Лингвопрагматические аспекты категории вежливости в английском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / С. Ю. Глушкова; Татарский гос. гуманитарно-педагогический университет, Казань, 2011. 22 с.
10. Красовский А. В. Культурно-обусловленные лексические средства выражения категории вежливости в русской и китайской лингвокультурах // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. : [в 3 ч.] / Забайкал. гос. ун-т; [гл. ред. Е. В. Дроботушенко]. Чита : ЗабГУ, 2017. С. 174–177.

Е. Е. Шеховцова (Ярославль, Россия)

АНГЛИЙСКИЕ ГЕНДЕРНЫЕ И ГЕНДЕРНО НЕЙТРАЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются гендерные и гендерно нейтральные неологизмы, выбранные из списка новых слов с сайта Кембриджского словаря. Целью работы является семантический анализ неологизмов и определение социально-экономического положения женщин Великобритании и США. При составлении корпуса использовались методы сплошной выборки и контекстуального анализа. Неологизмы описывают различные сферы жизни женщины, однако их большая часть характеризует ее как мать и используется для оценки благосостояния.

Ключевые слова: неологизмы; гендер; женщины; СМИ; феминитивы; гендерная лингвистика.

The article deals with gender and gender-neutral neologisms selected from the list of new words from the Cambridge Dictionary website. The aim of the work is the semantic analysis of neologisms and the definition of the socio-economic status of women in the UK and the USA. When compiling the corpus, the methods of continuous sampling and contextual analysis were used. Neologisms describe various areas of a woman's life, but most of them characterize her as a mother and are used to assess well-being.

Key words: neologisms, gender, women, media, feminine nouns, gender linguistics.

Английский язык, также как и другие языки, регулярно пополняется новыми лексическими единицами – неологизмами, в том числе описывающими разные сферы деятельности женщин. Неологизмы – это слова, значения слов или словосочетания, недавно появившиеся в языке [1].

Актуальность изучения неологизмов заключается в том, что они часто используются представителями СМИ, но исследователи не успевают включать их в словари, поэтому изучение новых слов помогает понять смысл текста. Кроме того, неологизмы являются своеобразными маркерами, помогающими определить, какое положение занимает в настоящее время женщина в Великобритании и США, каковы сферы ее интересов.

Цель исследования – определить, как характеризуют современных женщин Великобритании и США гендерные и гендерно нейтральные неологизмы.

Задачи исследовательской работы: 1. изучить неологизмы, опубликованные на сайте онлайн-словаря Cambridge University Press [2] в разделе «Блог Кембриджского словаря», 2. собрать корпус лексических единиц, которые имеют отношение к социально-экономическому положению женщин, их оценке окружающими, и определить смысловое значение новых слов и словосочетаний.

Проблема исследования заключается в том, что, несмотря на наличие научных работ о неологизмах с гендерным компонентом значения, из-за непрерывного процесса образования неологизмов в английском языке данные материалы постепенно становятся неполными и теряют свою актуальность.

Объект исследования – материалы с сайта онлайн-словаря Cambridge University Press, предмет исследования – неологизмы с гендерным компонентом значения, в том числе феминитивы-неологизмы, а также гендерно нейтральные неологизмы. Изученные слова и фразы были отмечены в письменном или устном английском языке в период с 1 января 2019 г. по 31 июля 2023 г. и еще не включены в словари, таким образом, хронологические рамки исследования составляют период около пяти лет.

Гипотезой исследования является предположение о том, что неологизмы отражают ту деятельность, которую осуществляют женщины, следовательно, анализ новых слов, появившихся в английском языке, дает возможность понять, какое место занимают женщины в британском обществе.

При написании работы использовались методы сплошной выборки и контекстуального анализа. Из списка неологизмов из разнообразных англоязычных интернет-изданий, опубликованных в Блоге Кембриджского словаря, были отобраны те, которые имели отношение к женщинам. Неологизмы сопровождалась примерами из текстов, где они были впервые использованы, и эти тексты подверглись анализу для того, чтобы подобрать наиболее подходящий перевод новых слов на русский язык.

Неологизмы с гендерным компонентом значения ранее изучались такими исследователями как М. Шиманьска [3], Н. В. Стетюха [4], И. Г. Ищенко и О. С. Филонова [5], Э. И. Бархатова [6], В. В. Катермина и П. С. Бирюкова [7], В. О. Лисицына и Э. К. Арутюнов [8], О. Фубер и М. Лемменс [9].

Нельзя оставить без внимания и феминитивы, которые встретились в собранном корпусе. Исследованию феминитивов-неологизмов в английском языке были посвящены работы Н. С. Самойленко и А. А. Стеклёновой [10], А. А. Цыбжитовой и Н. О. Труфановой [11].

Источники, послужившие базой исследования, представляют собой публикации СМИ в сети интернет. Отметим самые авторитетные СМИ: британские газеты «The Guardian», «Metro», «The Daily Telegraph», «The Sun», «The Independent», американский журнал «Glamour» и медиакомпанию «The Skimm».

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем собраны и упорядочены неологизмы в соответствии с той областью жизни и деятельности женщин, которую они описывают. Рассмотренные в данной работе неологизмы ранее не встречались в статьях исследователей, занимавшихся проблемой гендерных и гендерно нейтральных неологизмов, они впервые введены в научный оборот.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при дальнейшем анализе неологизмов с гендерным компонентом значения. Полученные в ходе исследования данные могут представлять интерес для преподавателей английского языка, истории, обществознания, для студентов.

В ходе работы с источниками были найдены гендерные неологизмы, а также нейтральные неологизмы, описывающие различные аспекты жизни и женщин, и мужчин.

Неологизмы, входящие в состав собранного корпуса, были распределены на шесть групп по их семантическому значению. Первая группа из двух неологизмов – это те слова, которые характеризуют отношения людей с противоположным полом, при этом неологизмы могут быть использованы для характеристики представителей обоих полов. Эти лексические единицы еще не включены в словари, поэтому не существует их точного перевода. *Infla-dating* ‘инфляционное свидание’, ‘инфла-датинг’ подразумевает свидания, на которых люди предпочитают тратить скромные суммы денег из-за тяжелой экономической ситуации в стране. *Untyping* ‘антитипирование’ описывает ситуацию, когда человек предпочитает начинать романтические отношения с тем, кто не является для него привлекательным.

Во вторую группу можно включить восемь неологизмов, характеризующих роль женщины в воспитании детей. Неологизм *chauffeur mum* ‘мама-шофер’ появился из-за того, что в отсутствие надежного общественного транспорта женщины вынуждены получать водительские права и возить своих детей на машине в школу.

Ситуацию, когда родители находятся на детской площадке с ребенком, но не участвуют в его играх, описывает слово *sitervising* ‘наблюдение за детьми’, ‘ситтервайзинг’. Многие родители прилагают недостаточно усилий к воспитанию детей, не строги и балуют их, так появилось слово *jellyfish parent* ‘медуза-родитель’, ‘медуза-родительница’. Некоторые женщины перекладывают ответственность за детей на своих родителей, о чем свидетельствует неологизм *graternity leave* ‘декретный отпуск’, ‘отпуск по уходу за ребенком’, который берет бабушка или дедушка младенца.

Неологизм, схожий по своему звучанию и значению со словом *commune* ‘коммуна’ и *mom* ‘мама’, ‘мать’ – это *momtune* ‘коммуна мам’, означающий группу одиноких матерей, живущих вместе со своими детьми, разделяющих заботу о них. Женщины, которые имеют детей, часто делятся в сети своими впечатлениями и опытом, пишут *memoir* ‘мемуары матери’, то есть произведения, основанные на личном опыте матери. *Mumsplainer* ‘мама-объяснитель’ от слова *mom* ‘мама’, ‘мать’ и *explainer* ‘объяснитель’ – так называют женщину, которая дает нежелательные советы о воспитании детей на основе своего опыта. Такое слово особенно актуально в настоящее время, так как многие женщины ведут свои блоги и, не являясь специалистами, несут в массы бесполезные и опасные советы.

Некоторые женщины Великобритании и США предпочитают не иметь детей, так как считают, что население планеты и так велико, их называют *birth striker* ‘родозабастовщик’.

Третья группа включает в себя три неологизма, определяющих функции женщины в доме, семье, обществе, помимо заботы о детях. Комната или помещение в отдельно стоящем доме, в котором женщина может заниматься своими делами, – *fem den* ‘женская берлога’, ‘женское логово’. Некоторые женщины являются сторонницами традиционных ролей и брака, их называют *tradwife* ‘традиционная домохозяйка’, ‘традиционная жена’. В эту же группу входит неологизм *groomsmaid* ‘подружка жениха’.

Четвертая группа состоит из четырех слов и словосочетаний, описывающих карьерный рост, социальное положение и экономическое благосостояние женщины. *Momtern* ‘мама-стажерка’ – это женщина с маленьким ребенком, которая проходит стажировку в компании и планирует выйти на работу на полный день после окончания декрета. Неологизм образован от слова *mom* ‘мама’ и *intern* ‘стажер’.

Shecession ‘женская рецессия’, ‘рецессия’ – экономический спад, затрагивающий, в основном, женщин. Неологизм образован от слова *recession* ‘рецессия’. О гендерном неравенстве свидетельствует также неологизм *bronze ceiling* ‘бронзовый потолок’, он означает тот факт, что статуй женщин в мире намного меньше, чем статуй мужчин.

Женщины боролись за свои права с помощью создания организаций. Так, неологизм *Waspi* ‘Васпи’ является аббревиатурой названия добровольной британской организации *Women Against State Pension Inequality* ‘Женщины против государственного пенсионного неравенства’.

В пятую группу вошли шесть неологизмов из области моды и торговли. *Rich mom energy* ‘энергия богатой мамы’, ‘энергия мамочки-богачки’ является характеристикой элегантного стиля женщины, который показывает окружающим, что у женщины есть средства на очень дорогую одежду. *Coastal grandmother* ‘бабушка с побережья’, ‘прибрежная бабушка’ – это неологизм, описывающий способ одеваться, который вдохновлен простым и элегантным стилем богатых пожилых женщин с восточного побережья США. Неологизм *Queenager* ‘квинэйджер’ образован от слов *queen* и *teenager* и означает женщину среднего и пожилого возраста, ведущую активный образ жизни, следующую моде. *The Elastic Generation* ‘эластичное поколение’ – это группа материально обеспеченных женщин предпенсионного и пенсионного возраста, в которых заинтересованы рекламодатели. Мода на особый головной убор привела к появлению неологизма *powerband* ‘повязка власти’. Эту широкую повязку носят в основном молодые женщины из высшего общества.

Покупки в интернете породили неологизм *serial returner* ‘серийный возвращатель’, под которым понимают покупателя, который приобретает много одежды в интернет-магазинах и возвращает большую часть своих покупок.

К отдельной группе следует отнести многозначный неологизм *gender health gap*, описывающий гендерное неравенство в области здравоохранения и здоровья между мужчинами и женщинами. Он имеет несколько вариантов перевода: ‘неравенство между мужчинами и женщинами в области здравоохранения’, ‘гендерный разрыв в области здравоохранения’, ‘гендерный разрыв в здравоохранении’, ‘гендерный разрыв в медицине’, ‘гендерный разрыв в сфере здоровья’.

Таким образом, в ходе исследования были найдены 24 неологизма, которые относятся к сфере жизни и деятельности женщин, они были разделены на шесть групп согласно своему семантическому значению. Некоторые неологизмы являются гендерно-нейтральными и могут применяться для характеристики и мужчин, и женщин. Только из контекста можно понять, о ком ведет речь автор, использовавший такие неологизмы как, например, *jellyfish parent* ‘медуза-родитель’ или *serial returner* ‘серийный возвращатель’.

К гендерно-окрашенным неологизмам следует отнести следующие слова и фразы: *chauffeur mum* ‘мама-шофер’, *mommune* ‘коммуна мам’, *mumsplainer* ‘мама-объяснитель’, *mumoir* ‘мемуары матери’, *fem den* ‘женская берлога’, *tradwife* ‘традиционная домохозяйка’, *groomsgmaid* ‘подружка жениха’, *momtern* ‘мама-стажерка’, *shecession* ‘женская рецессия’, *Waspi* ‘Васпи’, *rich mom energy* ‘энергия богатой мамы’, *coastal grandmother* ‘бабушка с побережья’, *Queenager* ‘квинэйджер’.

Неологизм *groomsgmaid* ‘подружка жениха’ является феминитивом – наименованием лица женского пола, альтернативным номинации мужского пола. Это существительное женского рода, которое родственно существи-

тельному мужского рода *groomspan* ‘друг жениха’, ‘шафер’. Еще один феминитив – *chauffeur mum* ‘мама-шофер’. В этом случае гендерная принадлежность уточняется путем добавления лексемы женского рода *mum* ‘мама’.

Остается нерешенным вопрос о путях появления выбранных неологизмов в английском языке, как их точнее переводить на русский язык, как часто они используются в СМИ, являются ли они окказионализмами, которые используются только придумавшими их авторами и не употребляются повсеместно в языке.

Подтверждается ранее выдвинутая гипотеза о том, что неологизмы отражают деятельность женщин Великобритании и США, их роль и место в обществе.

Неологизмы регулярно появляются в языке и представляют собой бесконечный источник сведений о процессах, происходящих в социуме. Они помогают увидеть изменения в отношении положения женщин в обществе, свидетельствуют о том, каковы ее права и обязанности, роль в семье, как женщина взаимодействует с представителями мужского пола, и каким образом к ней относится ближайшее окружение.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Неологизм // Универсальная научно-популярная энциклопедия *Кругосвет* : [сайт]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/NEOLOGIZM.html (дата обращения: 31.07.2023).
2. About words // Cambridge University Press. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/> (date of treatment: 31.07.2023).
3. Szymańska M. Gendered Neologisms Beyond Social Media // *Research in Language*. 2022. Vol. 20. № 3. P. 259 –276. URL: <https://czasopisma.uni.lodz.pl/research/article/download/16345/16013> (date of treatment: 31.07.2023).
4. Стетюха Н. В. Структура и семантика английских неологизмов тематической группы «Семейная жизнь» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 2-1(56). С. 152 –155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-semantika-anglijskih-neologizmov-tematicheskoy-gruppy-semejnaya-zhizn> (дата обращения: 31.07.2023).
5. Ищенко И. Г., Филонова О. С. Семантический аспект английских неологизмов с гендерным компонентом значения // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2020. Т. 6. № 4. С. 74 – 83. URL: https://lingua.amursu.ru/upload/lingua/2020/4/thal_2020_4_07_074_083.pdf (дата обращения: 31.07.2023).
6. Бархатова Э. И. Гендерная дискриминация как вид манипуляции: когнитивные механизмы и словообразовательные тенденции // *Манипуляции и социум: язык, сознание, культура* : Сборник научных трудов, Калининград, 15-17 мая 2023 года. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2023. С. 50 –53. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53867939_24750192.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

7. Katermina V. V., Biryukova P. S. Gender-colored English Neologisms in Cinematic Discourse // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 2. P. 44 –52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-colored-english-neologisms-in-cinematic-discourse> (date of treatment: 31.07.2023).
8. Лисицына В. О, Арутюнов Э. К. Гендерный фактор в языке (на материале неологизмов английского языка экономической сферы) // ИСОМ. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-faktor-v-yazyke-na-materiale-neologizmov-angliyskogo-yazyka-ekonomicheskoy-sfery> (дата обращения: 31.07.2023).
9. Foubert O., Lemmens M. Gender-biased Neologisms: the Case of Man-X. Lexis. 2018. № 12. P. 1 – 25. URL: <https://journals.openedition.org/lexis/2453> (date of treatment: 31.07.2023).
10. Самойленко Н. С., Стекленева А. А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 126 –131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminitivy-kak-instrument-gendernoy-differentsiatsii-v-smi> (дата обращения: 31.07.2023).
11. Цыбжитова А. А., Труфанова Н. О. Феминитивы-неологизмы в современном английском языке (на материале электронного словаря Urban Dictionary) // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований : Материалы III Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Комсомольск-на-Амуре, 06-10 апреля 2020 года. Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2020. Ч. 3. С. 293 – 295. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43947454_99583566.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В. Р. Абреу-Фамлюк (Минск, Беларусь)

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ОБРАЩЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА К НАЦИИ (на материале устных публичных выступлений Э. Макрона)

В статье рассматриваются проблемы перевода текста обращения президента к нации с французского языка на русский и предлагаются возможные варианты переводческих решений, позволяющие сохранить коммуникативный эффект исходного речевого произведения. Особое внимание уделяется лингвокультурным и стилистическим особенностям президентской речи, учет которых необходим при переводе устного публичного выступления политического деятеля такого уровня.

Ключевые слова: обращение к нации; стилистический повтор; коммуникативный эффект; лексическая сочетаемость; связность; окказионализм.

The article reveals problems in translating the text of the President's address to the nation from French into Russian and offers possible translation solutions that allow to preserve the communicative effect of the original speech work. Special attention is paid to linguocultural and stylistic features of the presidential speech, which are necessary to take into account while translating an oral public speech of a political figure of such a level.

Key words: address to the nation; stylistic repetition; communicative effect; lexical compatibility; cohesion; occasionalism.

Перевод выступления политического деятеля – крайне сложная, нетривиальная задача, особенно если осуществляется в последовательном или синхронном режиме. Времени на обдумывание и углубление в семантику слов недостаточно, не хватает данных об общей направленности речи и ее цели. Тем не менее, перевод устного публичного выступления политика может происходить и постфактум, например, для дальнейшей его публикации в СМИ или на сайтах государственных учреждений. В таком случае у переводчика появляется возможность более детально проанализировать различные когнитивные, прагматические и лингвостилистические особенности речевого произведения в рамках целостного подхода, т. к. специалист, как правило, имеет на руках полный текст, а не получает его фрагментами, как это происходит при устном переводе.

Наиболее прототипической формой устного публичного монологического выступления в политической речи считается обращение главы государства к нации. Публичное выступление главы государства может интерпретироваться как политическое действие, которое имеет определенные функции (информационную, персуазивную, оправдательную и проч.) [1]. В своей речи президент (в некоторых странах премьер-министр или канцлер) не только отчитывается о проделанной работе, намечает проблемы и предлагает пути их решения, но и осуществляет стратегию позитивной самопрезентации, стремясь тем самым повысить свой авторитет в обществе.

В данной работе были проанализированы три последних выступления президента Французской Республики Эммануэля Макрона (два из которых предшествуют его переизбранию на второй срок, и одно происходит уже после выборов апреля 2022 г.). Целью работы является установление наиболее распространенных проблем, возникающих при переводе текста президентского обращения к народу, а также выделение специфических переводческих приемов, необходимых для эквивалентной и адекватной репрезентации таких текстов на русском языке. В число основных методов, использованных в данном исследовании, входят контекстный анализ и трансформационный метод.

1. Первой особенностью, учет которой необходим при переводе в принципе любого текста с французского языка на русский – передача личных местоимений и притяжательных прилагательных. Несмотря на строгий институциональный характер, тексты рассматриваемого жанра отличаются обилием личных местоимений (особенно *je* ‘я’, *nous* ‘мы’, *vous* ‘вы’), имеющих особое значение для создания коммуникативного эффекта. Так, местоимение *je* используется для концентрации на личности оратора, привлекающего внимание к тому, что ему удалось сделать, и очерчивающего свою зону ответственности. Местоимение *nous* подчеркивает стремление говорящего солидаризироваться со своей аудиторией, а местоимение *vous* – отделить себя от публики и призвать ее к определенным действиям. В иных функциональных стилях (например, научной коммуникации) личные местоимения могут опускаться, за счет чего предложение становится более нейтрально окрашенным. Однако в устном публичном выступлении главы государства подобные трансформации не оправданы, ведь цель снижения экспрессивности речи не преследуется.

Что касается притяжательных прилагательных, французское предложение может быть ими перенасыщено, поэтому переводческие преобразования более вероятны. Так, если поссессивы указывают на принадлежность разным лицам, в некоторых фрагментах перевода может потребоваться опущение хотя бы одного из них, ср.: <...> *tous ont fait part de leur respect pour nos institutions* <...> - ‘все выразили уважение к нашим государственным учреждениям’. В то же время, даже при на первый взгляд избыточном количестве притяжательных прилагательных в рамках одного предложения, они могут быть акцентно важны, особенно в однородных рядах, где их не рекомендуется опускать: <...> *avec toutes les forces de notre pays, avec le tissu de nos entreprises, avec nos salariés comme nos indépendants, nos corps intermédiaires* <...> – ‘всеми силами нашей страны, производственной базы наших предприятий, наших наемных и самозанятых работников, наших промежуточных органов управления <...>’. Данная особенность в определенной степени связана со следующей особенностью перевода текстов обращений к нации.

2. Стилистические повторы являются яркой чертой анализируемых речевых произведений. Их необходимо отличать от обычных лексических повторов, которые в прекрасно выверенных текстах обращений президента едва ли могут иметь место. Воспроизводящиеся в одних и тех же структурных частях (например, в начале или в конце абзаца) элементы особенно важно сохранять при переводе в неизменном виде, т. к. они играют важнейшую роль, выступая в качестве средства обеспечения связности и целостности текста, а также придают ему особый эмоционально-экспрессивный оттенок, ср.: *Un an de peine, d'épreuves, où nous aurons été au moins 4 millions et demi à contracter la maladie <...>. Un an d'efforts pour tous. D'angoisses, de sacrifices. <...> Un an où, ensemble, nous avons résisté et appris. Un an où nous avons tenu. <...>* 'Год боли, испытаний, где с болезнью столкнулось не менее 4 с половиной миллионов наших граждан <...> Год усилий для всех нас. Печалей, жертв. <...> Год, в который мы выстояли вместе и многому научились. <...> Год, когда мы выдержали удар. <...>'

Особенностью перевода в данном случае является то, что переводчик не делает синонимических замен для часто повторяющихся слов и понятий, если на них «настаивает» оратор, а сохраняет одно слово (в том числе однокоренные слова) на протяжении всего обращения. Так, в обращении Э. Макрона к нации от 31 марта 2021 г. четырнадцать раз встречается лексема *effort* 'усилие', семь раз – *vaccination* 'вакцинация', что без контекста делает суть его послания во времена пандемии ковид-19 очевидной. Поэтому в процессе перевода так важно сохранить те же понятия, не подбирая им равнозначных по смыслу слов и выражений (например, не стоит заменять слово «вакцинация» на «прививка»). В обращении президента Франции от 22 июня 2022 (после его переизбрания на этот пост и формирования Национального Собрании) содержится восемь повторений лексемы *responsable* 'ответственный', шесть – *clair* 'ясный' и родственных им слов. Важно, чтобы акцент на ответственном подходе к выборам и ясности проводимой Э. Макроном политики был доведен до каждого, кто слушает его обращение, поэтому при переводе желательно сохранить один и тот же эквивалент каждого из данных слов во всех фрагментах выступления, где они встречаются.

Безусловно, при невозможности синонимического варьирования переводчик сталкивается с проблемой лексической сочетаемости, поэтому важно заранее просмотреть все контексты с этими словами, чтобы подобрать наиболее универсальный эквивалент. Так, возвращаясь к понятию чистоты, ясности, прозрачности на выборах, находим следующие контексты: *choix clair, projet clair, légitimité claire*, а также однокоренное наречие (*très*) *clairement*, что, вероятно, приводит к эквиваленту с корнем -ясн-: 'ясный выбор', 'ясный проект', 'ясная легитимность', '(совершенно) ясно'. Использование иных лексем также не исключено, важна ее повторяемость на протяжении речевого произведения. Любопытно, разные формы слова могут

воспроизводиться даже в рамках одного предложения, и в таком случае синонимическая замена может быть наиболее естественным переводческим рефлексом, но и в таком случае повторы в тексте намерены и имеют стилистически обоснованы: *Vous l'avez fait sur le fondement d'un projet clair, et en me donnant une légitimité claire* – ‘Основания для этого абсолютно ясны, как ясна и та легитимность, которой вы меня наделяете’. В приведенном варианте перевода синтаксическая функция прилагательного *clair* преобразована: определение стало составным именным сказуемым, что позволяет улучшить лексическую сочетаемость слов «ясная легитимность». Это приводит к следующей проблеме, возникающей при переводе текста обращения к нации.

3. Учет лексической сочетаемости – распространенная переводческая трудность, актуальная и для рассматриваемых текстов. В данном случае особенно важно учитывать существующие в переводном языке эквиваленты и избегать буквализмов: *une fiscalité lourde* – ‘высокое налогообложение’ (не тяжелое). Отдельная проблема – сочетаемость слов в однородном ряду. В русском языке некоторые слова могут относиться к разным уровням языковой абстракции или разным смысловым группам, что мешает им функционировать в предложении совместно. Например, в предложении *Un projet de sécurité et de justice, mais aussi un projet responsable, c'est-à-dire credible et financé* эпитеты *responsable* ‘ответственный’, *credible* ‘надежный’ и *financé* ‘финансируемый’ плохо сочетаются с существительным *projet* ‘проект’ и между собой в однородном ряду. Одним из эффективных способов, позволяющих скорректировать лексическую сочетаемость, является транспозиция – переводческая трансформация, состоящая в изменении части речи слов. Этот способ можно комбинировать с синтаксическими преобразованиями (например, перемещении слов/групп слов с одновременным изменением части речи). Так, вышеприведенное предложение можно перевести следующим образом: ‘К проекту по общественной безопасности и судебной системе необходимо подойти со всей ответственностью и основательностью, что потребует финансирования’. К слову «ответственный» подобран более приемлемый по сочетаемости вариант перевода лексемы *credible* ‘основательный’, оба прилагательных преобразованы в существительные, что позволяет улучшить их комбинаторные характеристики. Слово «финансируемый» не подходит к ним по уровню абстракции, поэтому его лучше исключить из однородного ряда, сохранив в предложении в автономном виде. Проблема сочетаемости эпитетов может решаться и путем частичной транспозиции: часть прилагательных переводятся в неизменном виде, а часть – преобразуются в существительное, например *une économie forte, écologique, souveraine et solidaire* – ‘сильная и независимая экономика, основанная на принципах экологичности и солидарности’ (в данном случае также понадобилось применить трансформацию добавление – «основанная на принципах»).

4. Перевод образных выражений – другое проблемное поле перевода торжественной речи, к которой относится обращение главы государства к нации. С одной стороны сохранение образности – приоритетное решение переводчика, с другой стороны – некоторые образные выражения, даже при наличии эквивалентов в переводном языке, могут невыгодно упрощать речь. Скажем, при переводе предложения *Nous n'avons pas à rougir mes chers compatriotes de notre bilan* есть два варианта: сохранение образности ('Нам не за что краснеть') или ее нейтрализация (через антонимический перевод, например, 'Мы можем гордиться результатами'). В первом случае, по-видимому, образность негативно отразится на торжественном характере речи. Похожая ситуация с другим примером *Il faudra bâtir, comme je l'expliquais, des compromis <...> à ciel ouvert <...>* 'Как я уже говорил, нужно будет выстроить компромисс', где образное выражение *à ciel ouvert* можно перевести как 'при всем честном народе' с сохранением образности или 'во всеуслышание' с ее снятием. Нейтральный вариант, во-видимому, снова является более предпочтительным и стилистически приемлемым.

Выбор более экспрессивного образного или менее выразительного нейтрального варианта – нетривиальная переводческая задача, которая может по-разному решаться в зависимости от конкретного выражения, а также микро- и макроконтекста, в котором оно употребляется. Так, ср. фрагмент обращения к нации Э. Макрона от 31 марта 2021 г., в котором он подводит итоги борьбы с пандемией в стране: *<...> nous avons permis à des centaines de milliers de travailleurs de garder la tête hors de l'eau <...>* – (букв.) 'мы позволили сотням тысячам работников удержаться на плаву'. Перевод образного выражения *garder la tête hors de l'eau* как 'удержаться на плаву' вступает в некоторое противоречие с целью коммуникации, ведь Э. Макрон хочет подчеркнуть заслуги государственного аппарата в сложном деле разрешения кризиса в период пандемии коронавируса. «Удержаться на плаву» – это, по сути, «остаться в жизнеспособном состоянии» [2], что в таком случае не очень льстит политике, проводимой лидером государства. Из этих соображений для перевода можно рассмотреть вариант с более положительной коннотацией, например, 'выстоять'.

5. Перевод специфической терминологии (в основном, политического и экономического характера) остается проблемным вопросом и в анализируемом типе текстов. Несмотря на торжественный и официальный характер речи, она довольно насыщена тематической лексикой и узкоспециальной терминологией, что обусловлено спецификой политического дискурса. Переводчику следует очень осторожно подходить к передаче таких лексем, чтобы избежать смысловых искажений. В первую очередь можно отметить наличие в речи французского лидера «ложных друзей»

переводчика, например, слово *mobilisation* нельзя перевести просто как ‘мобилизация’, необходимо сделать дополнение или выбрать иной эквивалент – ‘мобилизация / активизация / объединение усилий’ (ведь о мобилизации в военном смысле речь в обращении не идет). Еще один пример обязательного добавления – перевод слова *travail* (не ‘работа’, а ‘занятость населения’).

Частный случай терминологии в политической речи обращения к нации – окказионализмы. Так, во время выступления 22 июня 2022 г. Э. Макрон вводит понятие *dépassement politique*, которое воспроизводит несколько раз в неизменном виде. Позже данный термин подхватывают и обсуждают французские СМИ. Сам президент поясняет значение введенного им принципа следующим образом: <...> *l'aspiration de nombre d'entre vous de sortir, au fond, des querelles et des postures politiciennes, de bâtir par le dialogue, le compromis, le travail collectif* – ‘стремление прекратить политические споры и состязания ради совместной работы на основе диалога и компромиссных решений’. Перед переводчиком возникает выбор: использовать объяснительный перевод (который кроме всего прочего приводится самим оратором) или вводить термин на русском языке (что не всегда оправдано и считается спорной переводческой тактикой). Недостаток первого способа – объяснительного перевода – состоит в его многословности и обязательном переформулировании, но приблизительным переводом может быть ‘необходимость отказа от политических притязаний и построение союза’. Вариант терминологического перевода более краткий – ‘преодоление политических амбиций’. Передача данного окказионализма, основанная на личных интерпретациях переводчика, может привести к неверному и искажающему смысл высказывания варианту ‘необходимость выхода за рамки политики’.

Таким образом, приведенные трудности и возможные пути их решения, разумеется, не исчерпывают проблематику перевода обращения главы государства к нации, при этом тесно переплетаются между собой, еще больше осложняя задачу переводчика. Важной особенностью рассматриваемых текстов являются высокая степень экспрессивности и торжественный характер, что нередко самым непосредственным образом влияет на выбор варианта перевода.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилова М. В. Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования / М. В. Гаврилова // Полит. Наука. №2. 2017 г. С. 54–72.
2. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 12.09.2023).

Т. А. Болдова (Москва, Россия)
Сюй Фань (Москва, Россия)
Нгуен Лан Ань (Москва, Россия)

КАРИКАТУРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

В статье обсуждаются вопросы перевода текстов современной карикатуры, решение которых требует сложных форм работы в ходе интерактивного общения для освоения техники перевода. Текст карикатуры – это единица семантического представления смысла и готовый блок вхождения в базу знаний определенной предметной области. В текстах карикатур закодирована не только мыслительная задача или комплекс проблем, но и ключ к их переводу, который, необходим по дешифровке авторского коммуникативного намерения в условиях иноязычного социума.

Ключевые слова: перевод; иностранный язык; культура; сетевая коммуникация; единица семантического представления смысла; готовый блок; база знаний определенной предметной области.

The article discusses the translation of texts of modern cartoons, the solution of which requires paired, group and collective forms of work during interactive communication to master the translation technique. The text of the caricature is a unit of semantic representation of meaning and a ready-made block of entry into the knowledge base of a certain subject area. The cartoon texts encode not only a thought task or a complex of problems, but also a key to their translation, which is necessary to decrypt the author's communicative intention in a foreign-language society.

Keywords: foreign language; interactive tasks; network communication; a unit of semantic representation of meaning; a ready block of entry into the knowledge base of a certain subject area.

В последнее время задаче перевода и извлечения из текста информации, а также построению психолингвистической модели понимания смыслов карикатур и их переводу посвящаются многие научные исследования, подчеркивающие нарастание доли виртуальных электронных текстовых форматов, что воплощается в интеграции различных способов коммуникации в мультимедийных формах текстов и рисунков.

Такие термины как мультимедийный гипертекст и текстовая фигура вошли в перевод иностранной литературы. Вопрос заключается в том, является ли этот термин текст вообще сравнимым с морфемой, фразой [1, 87].

Единогo лингвистического текстового термина пока не существует. Хотя в последнее время говорят об инклюзивном текстовом термине, однако, этот текстовый термин очень обобщен. Он оказывается во многих ситуациях слишком кратким, но используется в качестве рабочего определения.

Работа с такими текстами при данном подходе понимается как система восприятия, адекватного понимания и перевода множества иноязычных текстов в культурном пространстве, которая заключена в специфический технологический каркас, где есть сообщения как представленный динамический элемент межкультурного диалога на различные темы [2, 47].

Текст карикатуры – это единица семантического представления смысла и готовый блок вхождения в базу знаний определенной предметной области. В текстах карикатур закодирована не только мыслительная задача или комплекс проблем, но и ключ к их переводу, который, необходим по дешифровке авторского коммуникативного намерения в условиях иноязычного социума.

Текст карикатуры – это сложное динамическое и многомерное текстовое и коммуникативное пространство, где реализуется язык через обмен информацией.

Текст – это вариативная интеграция возможностей различных носителей (условный вербально-письменный текст, рисунок, фото и т.п.), формирующий принципиально новый вид текста и коммуникаций на иностранном языке.

Текст карикатуры – это полноценный генератор коммуникации, на основе которого можно комбинировать художественные формы и различные техники перевода для создания гибридной формы выразительности в творческой деятельности.

Проблему перевода карикатур можно прокомментировать примером, когда для выполнения одних переводов требуется умение абстрактного мышления, а для других – способы к быстрому анализу. Тогда картина перевода представляет собой наглядное поле знаний и умений по определенной теме карикатуры.

При этом объективной становится и сама оценка знаний и умений перевода, появляется возможность выведения себе перманентной оценки знаний и умений.

Работая с переводами карикатур, всегда сталкиваешься с целым рядом трудностей культурного и политического характера, которые часто можно разрешить через организацию помощи и взаимопомощи и с использованием новых технологий сети, позволяет эффективно осуществлять индивидуальные контакты, что является одним из способов перевода. Чем больше обмениваться друг с другом такими материалами в сети, тем более полно и интенсивно ими можно овладеть.

При этом формируются собственные понятия о культурно-тематическом содержании карикатур. Поэтому, нельзя работая с текстами перевода, пренебрегать проблемами новых явления – измененной средой коммуникации и появлением новых смыслов из текстов современных карикатур.

Такая работа по переводу способствует решению лингвистических и профессиональных задач, способствует проведению многокритериального и многопозиционного оценивания информации текстов, которая переводится с иностранного языка.

Обратимся к приемам перевода лексики в ходе использования культурных кластеров, это (картинки-карикатуры, указание на контекст или ситуацию, похожие слова из родного языка, интернационализмы, иллюстра-

ции), словари, (когда в текстах повышенной трудности почти нет интернационализмов, имен собственных, похожих слов из родного языка, иллюстраций т.п.).

Здесь иностранный язык является средством определения границ того самого смыслового пространства, в котором существует человек, это пространство зависит от социокультурных обстоятельств. Всегда можно использовать те же самые слова, но они приобретают иное значение. Только знания предмета помогут правильному переводу и пониманию смыслов иноязычной культуры. При переводе важна и интроспекция, то есть внутреннее наблюдение, внутренний взор за своим переводом.

Переводчик не должен быть дальтонику и видеть мир соответствующим образом. Например, в Китае есть иероглифы, но нет прямой понятийной системы потому, что, если вы переводите, например, китайское стихотворение, вы должны рядом еще и рисовать картинку, потому что иероглиф – это есть визуальный образ. В ходе работы постепенно происходит насыщение предметного содержания текстов страноведческим материалом, используется структурно-функциональный подход к отбору и организации языкового материала на основе карикатур, а также использование моделирования в сети на уровне предложений, словосочетаний и сверхфразовых единств. При этом перевод идет от фактов языка к фактам культуры.

Лексика карикатуры предъясняется без эквивалентов, фоновые знания, присущих носителям языка и отсутствующих либо иначе трактуемых в иноязычной культуре. Часто в карикатурах используются невербальные средства общения, отражающие особенности национальной ментальности носителей языка, тактик речевого поведения в различных ситуациях общения как отражение культурных традиций в кино, литературе и художественных произведениях.

Культурная информация извлекается из самих единиц языка, а объектом рассмотрения смыслов таких текстов становятся особенности отражения в языке культуры его носителей. Так, понятие *protean self* перевод на русский язык вводится Лифтоном [4, 9]. Само слово *protean* в английском языке имеет значения «многообразный, изменчивый, разносторонний, многогранный», а в применении к театральным реалиям может обозначать актера, играющего несколько ролей в одной и той же пьесе.

Таким образом, перевод с иностранного языка происходит при выделении в качестве целевой доминанты точной передачи смысла карикатуры. При этом работа ориентирует на межкультурное общение, когда появляется интерес к культуре и образу жизни носителя языка как отражение социокультурной реальности, национальной и общечеловеческой, как диалога культур. Диалог подразумевает как раскрытие одной культуры для понимания другой. Поэтому не всегда возможно простое заимствование или пересаживание культурных явлений на почву другой культуры при переводе.

При переводе текста карикатуры, мы входим в различные интерактивные диалоги как в специфическую языковую среду, стимулирующую к обретению нового языкового опыта. Это доказывает важность обеспечения связи между языком и национальной культурой той области, где используется данный язык.

Тогда мы получаем правильный перевод, точное понимание значений формальных структур изучаемого языка, что позволяет определить, какая из них может быть использована в данном речевом сообщении, в данной конкретной ситуации межкультурного дискурса. Это включает в себя процесс перевода гуманитарных целей в технические цели, связывающие разные дискурсивные универсумы. Литература как коммуникативная система всегда вступает в структурные сопряжения с другими коммуникациями охватывающей ее системы (с политикой, религией и т.д.).

Проблема социальной комплексности литературы, предлагает ряд коррекций, таких как междисциплинарные тенденции и появление социально-сетевой коммуникации, ее влияния на структурные сопряжения литературы с другими социальными системами [3, 12].

Кратко объясним пересечение разных форм или областей знания, когда в эмерджентном интерфейсе возникают свойства, феномены или объекты, которые ведут себя как объекты, не имеющие, отчетливо распознаваемой границы. Они порождают рост сложности работы с ними вследствие трудностей интерпретации, поскольку находятся между двумя взаимно несоизмеримыми языками.

Общим контекстом для возникновения эмерджентного интерфейса является ситуация «неожиданной встречи» разных областей знания. Когда интерфейс представлен в многообразии лингвистических, семиотических средств, через которые мир реальный или виртуальный выходит к переводчику, тогда он применяет приёмы перевода по принципу стратиграфии (от лат. *Statum* 'слой') [1, 31].

Они представляют собой фиксированные шаги продвижения через тексты, представляя на выходе транспарентность (от англ. *transparent* 'явный, очевидный'), что значительно облегчает перевод. Текст расскажет читателям все, потому что это сложная культурная среда. Таким образом, культура представляет собой текст, в котором зафиксированы значения, а значит, закодирован смысл.

Иностранная культура – есть закодированный текст, с которым переводчик ведёт диалог, и постепенно он даёт полную расшифровку этого диалога. Здесь важна интуиция переводчика, которая складывается из собственного знания иностранного языка, образного мышления, умения работать с информационным полем. А результатом такой деятельности будет формирование нового знания, которое основывается на имеющемся знании.

Мы имеем дело с личностным знанием, внутренним пониманием переводчика, который как мастер чувствует материал. Это и есть итог творческого процесса. Чем более сложной является переводческая деятельность, тем в большей степени ее результаты определяются личностными знаниями переводчика, его креативностью.

Профессиональный переводчик обладает глубинными, внутренними знаниями. Он размышляет о предмете литературного перевода, что ему позволяет точно зафиксировать касающееся его знание, попросту говоря, обратить на него особое внимание, запомнить пришедшую в голову мысль. Это и есть имплицитное знание, неявное, латентное, его можно назвать личностным знанием, которое неразрывно связано со своим носителем. Это знание называют интуитивным.

В структуру перевода входит все то, что делает его фактом культуры, который сжат в литературном произведении до определённых признаков содержания; до современных ассоциаций; оценок, новых слов, которые не просто приплюсовываются к известным ранее, а встраиваются в живую функциональную речь. Такие образные ассоциации и аналогии, которые делают язык перевода живым, «привязывают» читателя к переводу.

В контексте современного подхода к иноязычному переводу важна готовность переводчика к осознанию социальной важности и значимости своей профессии, что определяется тем, что он является медиатором литератур и культур, проводником в постижении зарубежной литературы. Его работа основывается на самоконтроле и совершенствовании. Переводчик должен быть готовым и способным к отбору литературных средств, соответствующих коммуникативному контексту и поставленным профессиональным задачам. Тогда происходит процесс диффузии дискурсов науки, культуры, литературы, который расширяет культурологический, лингвистический и коммуникативный опыт переводчика, и который позволяет организовать работу по переводу через повышение уровня владения иностранным языком, уровня профессиональной подготовки переводчика как самостоятельной формы, через энергию языков, культуры и искусств, постигаемой переводчиком.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болдова Т. А. Монография. Дорожная карта для изучения иностранных языков в гипертекстовой сети [Текст]. Киров, 2016. 446с.
Boldova T. A. Monografiya. Dorozhnaya karta dlya izucheniya inostrannykh yazykov v gipertekstovoj seti [Tekst]/T.A. Boldova. – Kirov, 2016. – 446s. (p. 1.). In Russian
2. Болдова Т. А. Обучение студентов старших курсов иностранному языку на основе использования электронных гипертекстов (немецкий язык, языковой вуз). Автореф. д-ра пед. наук. М., 2014. 53 с.
Boldova T. A. Obuchenie studentov starshikh kursov inostrannomu yazyku na osnove ispol'zovaniya ehlektronnykh gipertekstov (nemeckij yazyk, yazykovoj vuz). Avtoref. d-ra ped. nauk. M., 2014. 53 s. In Russian
3. P. Landow, Hypertext 3. 0. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization. Hopkins University Press. 2000. 135 p.
4. Lifton R. J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ КИНОТЕКСТА

Передача аспектов национальной культуры носителей того или иного языка в аудиовизуальном переводе представляют собой сложную проблему. С одной стороны, рамки аудиовизуального перевода не оставляют переводчику пространства для снабжения текста развернутым переводческим комментарием, с другой, пренебрежение культурным подтекстом может привести к ложному пониманию зрителем исходного замысла кинотекста, потере коммуникативного эффекта. Настоящее исследование фокусируется на анализе сложностей, связанных с передачей лингвокультурной информации при аудиовизуальном переводе кинотекста (на материале китайских фильмов и сериалов).

Ключевые слова: кинотекст; аудиовизуальный перевод; переводческие трансформации; переводческий комментарий; лингвокультурная адаптация

The transmission of national cultural aspects and the translation of certain cultural features of the language speakers in audiovisual translation represent a complex problem. On the one hand, the limits of audiovisual translation do not leave space for the translator to provide the text with an extensive translation comment. On the other hand, neglecting cultural subtext may lead to a false understanding by the viewer of the original concept of the cinematic text, resulting in a loss of communicative effect. This study focuses on analyzing the difficulties related to the transmission of linguistic and cultural information in audiovisual translation of cinematic texts, using Chinese films and TV series as examples.

Key words: cinematic text; audiovisual translation; translation transformations; translation comment; linguistic and cultural adaptation.

Одним из актуальных направлений российского переводоведения на настоящем этапе выступает исследование кинофильмов, так как большую часть кинопродукции, транслируемую на отечественном кинорынке, составляют зарубежные фильмы [1, с. 3]. При этом в последние годы возрастает интерес к азиатской культуре, в том числе, китайской. В частности, это выражается в увеличении числа аудиовизуальных произведений на китайском языке, которые требуют перевода на русский: фильмы, сериалы, видео, игры и т. д.

Несмотря на возрастающую популярность аудиовизуальных произведений на китайском языке, аудиовизуальный перевод с китайского языка осуществляется преимущественно на любительском уровне, так как на сегодняшний день отсутствует теоретическая база в области данного перевода в паре языков «русский – китайский», на которую могли бы опираться переводчики. Отмечается, что перед современным переводчиком ставится сложнейшая задача эффективно использовать все имеющиеся на данный момент технологические ресурсы и регулярно осваивать новые технические средства в связи с возрастающим потоком информации [2, с. 317].

Одной из основных задач переводчика является донесение до реципиента перевода художественных и культурных особенностей оригинала. Аудиовизуальный перевод не является исключением, исследователи выделяют данную проблему в качестве одной из ключевых, подчеркивая при этом, что переводчик волен использовать абсолютно любые переводческие приемы для наиболее достоверной передачи культурной специфики [3, с. 37].

Китайские лингвисты также считают проблему передачи культурного аспекта одной из важнейших в аудиовизуальном переводе. В оптимального они называют адаптивный перевод, основанный на культуре языка перевода с целью сокращения разницы между культурами [4, с. 99]. Преимущество указанной стратегии видится в том, что она делает перевод более ярким и аутентичным, и потому способствует устранению культурного барьера.

Развивая так называемую «теорию гармонии», предложенную профессором Чжэн Хайлином в начале XXI в., исследователь Ван Е предлагает «слияние» и «разделение» в качестве отправных точек перевода аудиовизуальной продукции. «Слияние», согласно автору, реализуется в учете особенностей как оригинального аудиовизуального материала, так и специфики языка перевода, что позволяет зрителям понять оригинальный замысел создателей фильма при адаптации культурных особенностей. Суть «разделения» состоит в том, чтобы познакомить зрителя с другой культурой, отличной от его собственной [5, с.15], переводчику таким образом вменяется в обязанность одновременно и адаптировать текст перевода с учетом культурных особенностей языка перевода, и сохранять в тексте перевода специфику, позволяющую раскрыть культуру оригинального произведения.

Вышесказанное подтверждает тот факт, что переводчику следует владеть системными знаниями о мире, не просто качественно передавать основную информацию переводимого произведения, но и уметь корректно интерпретировать экстралингвистические составляющие [6, с. 72]. Ему необходимо глубоко разбираться не только в культуре языка оригинала, но и в культуре языка, на который производится перевод. При переводе аудиовизуального произведения с китайского языка на русский переводчик должен решить проблему передачи культурологического аспекта.

Материалом исследования послужили первый эпизод сериала «Бескомпромиссные двадцать» (2020 г.) режиссера Ли Чжи и художественный фильм «Возвращение» (2014 г.) режиссера Чжан Имоу. В ходе предпереводческого анализа были выделены лингвокультурные особенности, представляющие трудности при переводе данных аудиовизуальных произведений, требующие особых переводческих решений, а именно: имена собственные; этикетные формулы; лакуны; фразеологизмы; сленг; диалектизмы; лексика общественно-политического характера.

При переводе имен персонажей уместно использовать преимущественно такой переводческий прием как транскрипция на основе общепринятой транскрипционной системы Палладия [7, с. 81]. Например: 小果 Xiǎo Guǒ ‘Сяо Го’, 段家宝 Duàn Jiābǎo ‘Дуань Цзябао’, 石头 Shítou ‘Шитоу’.

Иногда имена персонажей трансформируются в ласковые обращения. Так, например, мама героини Сяо Го иногда обращается к ней просто 果 Guǒ ‘Го’. Для передачи ласкового оттенка высказывания здесь может быть использована адекватная замена: 果 переводится на русский язык как ‘плод, фрукт, ягода’, в русском языке существует такая форма ласкового обращения как «ягодка». Еще одним примером является обращение Сяо Го к Да Бао, когда первая называет вторую 宝宝 Bǎobǎo ‘Баобао’, что совпадает с заимствованным из английского языка обращением baby ‘малыш’, которое можно было бы использовать в переводе.

Для перевода названий различных организаций могут быть применены такие приемы как адекватная замена, синтаксическое уподобление и транскрипция. Выбор приемов здесь должен быть обусловлен, во-первых, существующими в русском языке устоявшимися вариантами перевода [там же, с. 82]. Например, 招行 Zhāoháng дословно переводится на русский язык как ‘торговый банк’, однако в русском языке уже укрепилась транслитерация с английского языка ‘Чайна Мерчантс Банк’, поэтому при переводе правильно было бы использовать именно ее. Во-вторых, учитывается аспект благозвучия для названий, эквивалентов которым нет в русском языке. Так, для перевода названия ресторана 老地方 Lǎo dìfāng (досл. ‘Старое место’) разумно прибегнуть к синтаксическому уподоблению ‘На старом месте’, так как в русском языке существует выражение «встретиться /увидеться на старом месте», поэтому подобный перевод представляется адекватным.

Говоря об этикетных формулах, затруднение вызывает перевод формального обращения к старшей коллеге женского пола 姐 jiě. На русский язык данное обращение дословно переводится как ‘старшая сестра’, но в нашей стране такое обращение используется либо в случае действительного обращения к кровной сестре, либо в случае обращения члена религиозной общины к другому члену женского рода, поэтому в данном случае уместнее прибегнуть к замене на обращение ‘госпожа’ или опущению.

В процессе перевода аудиовизуального произведения с китайского на русский язык переводчик сталкивается со значительным количеством лексики, обозначающей культурные лакуны. Для перевода таких единиц можно применять трансформации. Например, 螺蛳粉 luósīfěn обозначает ‘специфический вид лапши с бульоном на основе улиток и свиных костей’. Наименование слишком длинное для того, чтобы уместить его в рамки

экранного времени эпизода, кроме того, для понимания сцены русскоязычному зрителю не принципиально, какая именно лапша имеется в виду, поэтому будет уместен перевод с помощью генерализации ‘лапша’.

Разговорная речь характеризуется в том числе употреблением сленга. При переводе сленговых выражений могут быть использованы замены. Например, выражение 问号脸 wèn hào liǎn (досл. ‘лицо-вопросительный знак’), обозначающее популярный интернет-мем, может быть переведено как ‘быть в шоке’.

Сленговое выражение 墙头粉 qiáng tóu fěn (досл. ‘трава на гребне стены’, т. е. человек без твердых убеждений, человек-флюгер), обозначающее человека, у которого постоянно сменяются любимые артисты, и не имеющее аналога в русском языке, может быть переведено с помощью замены ‘менять кумиров’.

Китайский язык обладает богатейшей идиоматической системой, и перевод фразеологизмов традиционно представляет значительную сложность, так как переводчик должен не только предложить читателю понятный для восприятия текст, но и сохранить в нем лексическое богатство языка исходного произведения, при переводе которого необходимо стремиться к сохранению стиля и культуры оригинала [8, с. 307]. В китайских кинофильмах персонажи нередко используют фразеологические единицы в речи. Подбор аналога является основной переводческой трансформацией при их переводе. Например, идиома 寿终正寝 shòu zhōng zhèng qǐn (досл. ‘мирно скончаться в главной жилой комнате’) должна быть переведена как ‘мирно упокоиться, отойти в мир иной’; для перевода устойчивого выражения 一举两得 yī jǔ liǎng dé (досл. ‘одним действием добиться двойной выгоды’) может быть использован фразеологизм ‘убить одним выстрелом двух зайцев’.

Сложность при переводе представляют собой диалектные слова. Герои разговаривают на путунхуа, но в речи иногда встречаются элементы северо-восточного диалекта. Для их перевода можно использовать функциональные аналоги: диалектизм 啥 shá (досл. ‘что’) может быть переведен просторечным ‘че’. Для перевода диалектного глагола 唧歪 jī wāi (досл. ‘яростно спорить’) возможно использование аналога ‘беситься’.

Показательным примером важности лингвокультурных и экстралингвистических факторов в кинопереводе служит лексика общественно-политического характера: патриотические лозунги, агитационные песни, например, 《红色娘子军》 Hóng sè niáng zǐ jūn ‘Красный женский отряд’ (китайский художественный фильм, 1960 г.); 《大海航行靠舵手》 Dà hǎi háng xíng kào duò shǒu ‘Плавание по морям зависит от кормчего’ (песня, посвященная Мао Цзэдуну, 1964 г.).

Отметим, что киноперевод невозможно отнести ни к устному, ни к письменному переводу, он объединяет оба вида перевода. Так, для переводчика каналами получения информации могут быть не только реплики персонажей, но и невербальные компоненты, немаловажными являются элементы, требующие навыков письменного перевода, а именно записки, агитационные надписи, демонстрируемые в кадре газеты или городские вывески. Навыки письменного перевода применяются и при работе с письмами, когда переводчик воспринимает написанное письмо в устной форме, одновременно применяет навыки устного и письменного переводов. Для создания адекватного перевода кинотекста особенно важным предстает анализ культурных и экстралингвистических факторов: эпохи повествования, социального положения героев, символов духовной жизни.

При этом переводчик непременно вкладывает в перевод частицу своей души, отражает свое мировосприятие, передает собственное понимание описанных событий. Таким образом происходит адаптация китайского кинотекста при переводе на русский язык: сохраняя идею произведения, переводчик неизбежно трансформирует образы, меняет эстетическую оболочку, делая перевод понятным массовому русскоязычному зрителю [9, с. 71].

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Матасов Р. А. Методические аспекты преподавания кино/видеоперевода // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 94. С. 155–166.
2. Технологический аспект подготовки современного переводчика / О. А. Сулейманова, Э. В. Нерсесова, Е. М. Вишневская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 7. С. 313–317.
3. Pérez-González, L. The Routledge Handbook of Audiovisual Translation. UK: Routledge, 2019. 553 p.
4. 元姝人. 电影字幕翻译之翻译策略 // 语言研究. 2012. №3. 99页.
5. 王晔. 从“和谐说”看俄语影片的汉译 // 北京第二外国语学院报. 2007. №8. 14–18页.
6. Гулиянц А. Б., Гулиянц С. Б. Применение интегративного подхода в профессиональной подготовке переводчиков в вузе // Интеграция в образовании: проблемы и пути решения, Чебоксары, 24 сентября 2017 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2017. С. 71–75.
7. Вашквявичус В. Ю., Павлова О. В. Проблема переводческих решений при передаче имен собственных (на материале китайских художественных текстов). Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 3(39). С. 79–88.
8. Вашквявичус В. Ю., Павлова О. В. Проблемы перевода китайских фразеологических единиц в дискурсе художественной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 12. С. 304–307.
9. Скворцов А. В., Кондратова Т. И. Трансформация поэтических образов при переводе стихотворения Бо Цзюйи «Старый торговец углем» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 3(35). С. 62–72.

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена проблеме интерпретации значения и переводу английских общественно-политических неологизмов. Определяется роль анализа структуры слова для определения значения неологизма и анализируются наиболее продуктивные способы образования общественно-политических неологизмов. Делается вывод, что для осуществления профессионального перевода, переводчику необходимо установить значение новой лексической единицы, знать основные способы перевода и уметь правильно выбрать рациональный путь передачи значения общественно-политического неологизма.

Ключевые слова: общественно-политические неологизмы; способы перевода; анализ структуры неологизма; динамика переводческих решений.

The article is devoted to the interpretation of the meaning and translation of English socio-political neologisms. The role of word structure analysis in stating the meaning of neologisms is determined, and the most productive ways of coining socio-political neologisms are analyzed. It is concluded that in order to carry out a professional translation, the translator needs to state the meaning of a new lexical unit, know the basic methods of translation and be able to choose the most rational way to convey the meaning of a socio-political neologism.

Key words: socio-political neologisms; methods of translation; analysis of the structure of the neologism; dynamics of translation variants.

Словарный состав любого языка является наиболее динамической системой, подверженной постоянным изменениям. С конца XX века языки во всем мире регистрировали значительный рост количества новых слов, что послужило основанием для утверждения, что мир переживает «неологический бум». По данным *Global Language Monitor*, словарь английского языка увеличивается на 14,7 слов в день. Следовательно, за год в английском языке появляется 5366 новых слов. Большинство неологизмов связано с развитием экономики, науки, техники, культуры и политики.

Изменение языка в периоды бурного политического и общественного развития является показателем динамики социальных изменений, а изучение неологизмов позволяет более точно охарактеризовать и оценить происходящие перемены и определить их роль в современной общественно-политической жизни. Другим важным моментом при изучении неологизмов является возможность отслеживать тенденции и закономерности в развитии языка, пути и способы его пополнения, а также способы перевода новообразований на другие языки. Этим и определяется актуальность темы исследования.

Для переводчиков общественно-политическая сфера представляет особый интерес, поскольку в настоящее время общественно-политические тексты занимают значительное место на рынке переводческих услуг. Кроме того, неологизмы играют важную роль в развитии межкультурной компетенции переводчиков, а их знание ведет к повышению эффективности межкультурной коммуникации в сфере профессиональной деятельности [1].

В данной статье будут рассмотрены вопросы, связанные с появлением в языке общественно-политических неологизмов, и описаны приемы, с помощью которых можно определить значение и перевести новые лексические единицы.

Опыт преподавания курса перевода и проведенное нами исследование показали, что знание системы семантизации новых лексических единиц, а также способов их перевода на всех этапах социализации и лексикализации повышает уровень языковой и культурной компетенции переводчиков, что является основой получения более высоких результатов при переводе текстов общественно-политического характера.

Прежде чем перейти к проблеме перевода новых лексических единиц, необходимо дать определение термину неологизм. Важную роль в раскрытии сущности понятия неологизм играют определенные критерии: хронологический, психолингвистический, локальный, лексикографический и лингвокультурологический.

Многие лингвисты определяют временной фактор (время появления нового слова) как «наиболее важный момент, характеризующий сущность нового слова» [2, с. 168]. Данный фактор неразрывно связан с фактором новизны слова. И в связи с этим возникает вопрос – как долго слово может оставаться в статусе нового слова? По мнению И. В. Арнольд, «любое новое слово имеет качество неологизма, т.е. временную коннотацию новизны, пока коллективное языковое сознание реагирует на него как на новое» [3, с. 246].

С позиций лингвокультурологического подхода неологизмы рассматриваются в качестве единиц с культурно-значимой информацией. Как отмечает И. В. Рец, необходимость разработки лингвокультурологического подхода продиктована тем, что содержание неологизмов формируется под влиянием не только лингвистических, но и культурологических факторов. По мнению автора, неологизмами являются «лексические единицы, не только новые по форме или содержанию в некоторый фиксированный момент времени, но и имеющие новую социокультурную референцию и функционирующие в востребованных данным социумом понятийных сферах» [4, с. 10].

Взаимодействие языка и культуры проявляется в том, как распределяются новые лексические единицы по различным понятийным сферам в различных языках. Доминирование той или иной сферы, характеризующейся активными процессами неологизации, иллюстрирует тот факт, что номинация новых реалий и порождение новых смыслов происходят с учетом ценностных установок языкового коллектива и являются следствием взаимодействия языковой и культурной картин мира [4, с. 14].

В данной статье неологизмами будут считаться слова, новые значения слов и фразеологические обороты, вошедшие в английский язык в XXI веке в связи с изменением и развитием общественно-политических отношений.

Политический дискурс представляет большой интерес для переводчиков. Область, в которой он функционирует, отличается повышенной речевой ответственностью. Это официальный язык государственной власти, средства

воздействия которого отличаются от языковых средств, используемых в художественной, публицистической и разговорной речи. Чтобы выполнить адекватный перевод политического текста, переводчик должен учитывать психолингвистические и социокультурные факторы. Одной из лексических особенностей политического дискурса являются неологизмы. Это не только наименования новых политических и общественных реалий, но и трансноминативные и семантические неологизмы.

Все общественно-политические неологизмы можно разделить на три группы: а) неологизмы, вошедшие в англо-русские словари, разговорники и пособия; б) неологизмы, вошедшие в англо-английские толковые словари и словари новых слов; в) неологизмы, не нашедшие свое отражение в словарях и справочниках. В первом случае главная задача переводчика – проанализировать возможные способы передачи английских неологизмов на русский язык и выбрать тот, который наилучшим образом отвечает условиям коммуникации. Во втором случае задача усложняется. Во-первых, необходимо понять значение неологизма, опираясь на определение, данное в англо-английском толковом словаре и примеры употребления данной лексической единицы. Во-вторых, проанализировать примеры перевода текстов, содержащих данный неологизм, и, в-третьих, предложить свой наиболее удачный (адекватный и удобный) вариант перевода.

Самую сложную задачу предстоит решить переводчику при передаче неологизмов, не нашедших свое отражение в словарях и справочниках. Фиксация новой лексической единицы в словарях занимает, как правило, несколько лет. «Лексикографы не торопятся заносить неологизмы в словари, поскольку границу, проходящую между окказионализмами и неологизмами, бывает очень трудно установить. Кроме того, прежде чем попасть в словарь, слово должно «прижиться» в языке, а жизнь новых лексических единиц в языке зачастую скоротечна» [5, с. 99].

Существование онлайн-словарей существенно упрощает задачу переводчика, так как во многих словарях существуют разделы 'Новые слова' (*New Words Section*). Однако далеко не всегда неологизмы можно найти даже в англо-английских онлайн-словарях. В этом случае необходимо провести в СМИ поиск текстов, содержащих данный неологизм и его перевод. Если переводчик не находит вариант перевода, ему самому предстоит установить значение неологизма, опираясь на контекст, справочную литературу, на свое языковое чутье и эрудицию. Значительную помощь в этом случае может оказать знание истории возникновения неологизма и собственный переводческий опыт.

Важную роль при переводе неологизмов играет умение определять значение нового слова, используя анализ его структуры [6, 7]. Большинство новых лексических единиц образуются на базе уже существующих слов и морфем, поэтому определить значение неологизма можно разделив его на смысловые части. Особенно этот способ эффективен, если неологизм образован путем словосложения:

After a good blamestorming session, the government decided to blame the current problems with the economy on factors beyond their control: the global recession; the previous government etc. 'После напряженного поиска виноватых, правительство решило «списать» текущие экономические проблемы на факторы, от него не зависящие – глобальную рецессию, работу предыдущего правительства и т.д'.

Неологизм *blamestorming* представляет собой сложное слово, состоящее из двух основ: *blame* 'обвинять' и *storming* 'штурм'. Анализ структуры слова помогает понять его значение – 'метод коллективного или индивидуального спонтанного поиска человека, виноватого в чем-то, или причины, вызвавшей невыполнение поставленной задачи'. Слово уже вошло в русский язык и употребляются в своей исходной форме, т.е. транслитерируются 'блеймсторминг'. Однако часто в зависимости от ситуации общения прибегают к объяснительному переводу 'поиск виноватого'.

Вторым по продуктивности образования общественно-политических неологизмов является аффиксальный способ.

Not everyone identifies as male or female. This is what it's like to be nonbinary in a world that wants to box you in. 'Не все идентифицируют себя как мужчины или женщины. Вот каково это быть небинарным в мире, который хочет загнать тебя в рамки'.

Nonbinary – 'небинарный человек, который не ощущает себя исключительно мужчиной или женщиной'.

Префикс *non-* является высокопродуктивным, с его помощью образуется множество новых слов: *non-act* 'бездействие', *non-adult* 'несовершеннолетний', *non-content* 'голосующий против предложения (в палате лордов)', *non-addictive* 'не вызывающий привыкания'.

Наше исследование показало, что одним из продуктивных способов образования общественно-политических неологизмов становится слияние (телескопия) – соединение либо усечённого корня одного слова с целым словом, либо соединение двух усечённых корней:

clicktivism (*click* + *activism*) – 'активизм, суть которого сводится к выполнению простых и не занимающих много времени задач в интернете';

pickade (*picket* + *blockade*) – 'пикетирование, которое намеренно перекрывает движение транспорта'.

Образование телескопных номинаций относится к экономии речевых средств. Среди них преобладают частичные слова-слитки, т.е. единицы, в которых соединяется одно усечённое слово и полная форма другого слова. Наиболее продуктивен тип финального усечения первого элемента:

Voluntourism (*volunteer* + *tourism*) – 'путешествие, включающее в себя волонтерскую работу';

Crimmigration (*criminal* + *immigration*) – 'нарушение иммиграционных законов'.

Среди полных телескопных слов преобладают единицы с финальным усечением первого и инициальным усечением второго слова:

Twitchfork (*Twitter* + *pitchfork*) – ‘агрессивный протест в Твиттере с целью поиска справедливости или мести’.

The Internet has been good at spawning neologisms. One that is particularly indicative of the times is “twitchfork mob:” a group of people using Twitter to protest, harangue, or expose people they don’t like or agree with. In 2011, after the British High Court barred media from revealing the identity of a soccer player who had an extra-marital affair, over 70,000 people took to Twitter to name and shame the sportsman (The Christian Science Monitor). Интернет способен породить неологизмы. Одним из них, который особенно показателен для того времени, является *twitchfork mob*: группа людей, использующих *Twitter*, чтобы протестовать, разглагольствовать или разоблачать людей, которые им не нравятся или с которыми они не согласны. В 2011 году, после того, как Высокий суд Великобритании запретил СМИ раскрывать личность футболиста, у которого была внебрачная связь, более 70 000 человек воспользовались *Twitter*, чтобы назвать и пристыдить спортсмена’.

При рассмотрении основных способов перевода новых слов на русский язык необходимо учитывать, что на выбор способа перевода влияет ряд факторов: целевая аудитория, переводческая стратегия, наличие фоновых знаний, контекст, функции исходного текста и межкультурные различия. Многие общественно-политические неологизмы имеют два и более вариантов перевода (что и фиксируют словари). Например, *body positive* ‘бодипозитив’, ‘социальное течение, которое учит позитивному отношению к своему телу и свободе от постоянно меняющихся стандартов красоты’ (транскрипция, описательный перевод); *craftivism* ‘крафтивизм’, ‘использование предметов ручной работы (например вязания) в общественно-политических целях’ (транскрипция, описательный перевод); *greencollar* ‘зеленый воротничок’, ‘защитник окружающей среды’ (калькирование, описательный перевод); *straw man* ‘соломенный человек’, ‘ненадежный человек, подставной кандидат, выдвигаемый с целью отвлечь внимание избирателей от другого кандидата’ (калькирование, описательный перевод).

При появлении неологизма наличие различных вариантов перевода является неизбежным. Постепенно происходит отбор предлагаемых вариантов, и остается лишь самый «удачный» вариант. Однако даже устоявшиеся варианты перевода могут с течением времени изменяться. Это происходит в результате уточнения значения новой лексической единицы и сферы ее распространения. Так, например, политический неологизм *top level talks/summit* прошел несколько переводческих стадий: ‘а) переговоры/совещание глав правительств; б) переговоры на высоком уровне; в) переговоры на высшем уровне; д) саммит’.

Таким образом, для осуществления профессионального перевода общественно-политических неологизмов, переводчику необходимо установить значение новой лексической единицы, знать основные способы перевода и уметь правильно выбрать рациональный путь передачи значения общественно-политического неологизма, учитывая характер целевой аудитории, тенденции и динамику перевода.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Коннова З. И., Гладкова О. Д. Обучение пониманию и переводу неологизмов при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации (на примере английского языка) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23019> (дата обращения: 28.07.2023).
2. Пасечная Л. А., Попова Т. В. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 167–171.
3. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие. 2-е изд. перераб. М. :ФЛИНТА : Наука, 2012. 376 с.
4. Рец И. В. Лингвокультурологические и эколингвистические аспекты неоломинации // автореф. дис. ... канд. филол. наук, 10.02.19 – теория языка. Волгоград, 2014. 25 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/593377/a/#?page=22> (дата обращения: 07.08. 2023).
5. Коротких Ж. А. Обучение переводу общественно-политических неологизмов как важный аспект подготовки переводчиков // Язык. Общество. Образование : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования». Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2021. С. 98–103.
6. Ibraheem A. Kh. Translating New Words: The Effect of Neologism on Translation. // Al-Ustath Journal for Human and Social Sciences. 2021. Vol. 60. No. 2. URL: <https://www.iasj.net/iasj/download/443c754524a5d2a1> (дата обращения: 12.07.2023).
7. Sayadi F. The Translation of Neologisms. // Translation Journal. 2011. Vol. 16. No. 2. URL: <https://translationjournal.net/journal/56neologisms.htm> (дата обращения 22.07.2023).

Н. В. Курбаленко (Минск, Беларусь)

К ПЕРЕВОДУ НЕМЕЦКИХ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛОМ LASSEN НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Несмотря на наличие в белорусском языке синтаксических каузативных конструкций, эквивалентных немецким структурам с глаголом lassen, последние при переводе претерпевают серьезные изменения. При этом выбор того или иного варианта перевода может быть объяснен наличием многочисленных межкатегориальных связей, сопряженностью категории каузативности с целым рядом других языковых категорий, таких как агентивность, пассивность, посессивность, рефлексивность, модальность и др.

Ключевые слова: каузативность; каузация; каузатор; объект каузации; каузативная конструкция; межкатегориальные связи.

Despite the presence in the Belarusian language of syntactic causative constructions equivalent to German structures with the verb lassen, they undergo serious changes during translation. The choice of translation can be explained by the existence of numerous intercategory relations, the connection of the category of causativity with other linguistic categories, such as agentivity, passivity, possessivity, reflexivity, modality etc.

Key words: causativity; causation; causator; object of causation; causative construction; intercategory relations.

В настоящей работе под каузативной конструкцией (КК) понимается синтаксическая структура, ядерная модель которой включает в свой состав следующие элементы: субъект каузации, связочный каузативный глагол, объект каузации и результат каузации.

Рассматриваемый нами немецкий глагол *lassen* в организуемых им КК может выражать как побуждение к действию (со значениями ‘заставлять, побуждать’), так и допущение действия (со значениями ‘давать, позволять’). Реализация того или иного каузативного значения осуществляется в контексте и обусловлена многими лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Белорусскому языку совмещение двух каузативных значений в одной КК не свойственно. Здесь значения побуждения и допущения выражаются дифференцированно, поэтому при переводе немецких КК с глаголом *lassen* на белорусский язык для передачи значения побуждения используются КК с глаголом ‘прымусіць’ (пример 1), в то время как значение допущения передается при помощи КК с глаголами ‘дазволіць и даць’ (примеры 2 и 3):

1) ... *da Sie mich hier nutzlos meine Zeit versäumen lassen*... ‘... но поскольку вы заставляете меня здесь напрасно тратить свое время...’ [1]; ... ‘паколькі Вы прымушаеце мяне дарэмна траціць тут час’... [2];

2) ... *dann erst ließ sie [Greta] die Mutter eintreten* ‘... только потом она [Грета] позволила маме войти’ [1]; ... ‘і толькі потым [Грэта] дазволіла маці ўвайсці’ [2];

3) ... *mein ganzes vergangenes Leben und Lieben war falsch ... von dem Augenblick an, wo ich Rosa an jenem Sonntag hatte davonlaufen lassen* ‘... вся моя прошлая жизнь и любовь были неправильными ... с того самого воскресенья, как я позволил Розе уйти’ [3]; ... ‘усё маё былое жыццё і каханне былі няправільныя ... з таго часу, як я ў тую нядзелю даў Розе сысці’ [4].

Любопытной особенностью организации КК, присущей как немецкому, так и белорусскому языкам, является их способность передавать так называемую субъектную каузацию, когда объектом каузации становится сам субъект КК, на что указывает возвратное местоимение: *Nun ließ er sich gegen die Rücklehne eines nahen Stuhles fallen*... ‘Сейчас он позволил себе откинуться на спинку ближайшего стула...’ [1]; ‘Цяпер ён дазволіў сябе ўпасці на спінку крэсла...’ [2].

Кроме того, одушевленный субъект КК в сопоставляемых языках может быть каузатором и одновременно объектом каузируемого действия, т. н. пациенсом, что также выражается при помощи возвратного местоимения: ... *[der Vater] ließ sich von den Frauen bis zur Türe führen*... ‘...[отец] позволил женщинам довести себя до дверей...’ [1]; ... ‘[бацька] дазваляў ім давесці сябе да дзвярэй...’ [2].

Однако, в отличие от белорусских аналогов, глагол *lassen* может сочетаться не только с одушевленными субъектом и объектом каузации, как в вышеприведенных примерах, но и с неодушевленными, что позволяет ему отражать разные ситуации: 1) воздействие человека на предмет, событие или другого человека; 2) воздействие события или предмета на человека или на другое событие или предмет: ... *denn selbst das kleine Geräusch ... hatte alle verstummen lassen* ‘... так как малейший шум ... заставлял всех умолкать’ [1]; ... ‘бо нават да таго слабога стуку ... усе за сцяной прыслухоўваліся і адразу

сцішваліцца’ [2]; *Geschichten] über unsre Kindheit einst die erste dämmernde Ahnung einer andern Welt, eines Übermenschlichen ergehen ließen...* ‘... священные истории, которые когда-то побудили die [die heiligen вырисоваться в нашем детстве смутному представлению о другом мире, о сверхчеловеческом...’ [3]; ... ‘святшчэнныя гісторыі, з іх героямі і дзівосамі, якія асянілі калісьці наша дзяцінства першым цьмяным уяўленнем пра іншы свет, пра нешта звышчалавечае...’ [4].

Возможности белорусских глаголов в этом плане более ограничены, они не могут управлять неодушевленным объектом каузации и редко употребляются с неодушевленным субъектом, что объясняет невозможность их использования при переводе вышеприведенных примеров.

К тому же в КК с глаголом *lassen* неодушевленный объект каузации часто выражается при помощи имен существительных, связанных с субъектом отношениями притяжательности, что можно рассматривать как разновидность субъектной каузации, и что также не свойственно КК белорусского языка: ... *auf ihrer rauhen Fläche ließ ich bei Tage oft meine Augen ausruhen...* ‘... на ее грубой поверхности я днем часто давал своим глазам отдохнуть...’ [3]; ‘... удзень вочы мае часта адпачывалі на яго няроўнай плоскасці...’ [4].

Таким образом, в белорусском языке есть КК, выступающие с некоторыми оговорками в качестве аналогов немецким КК с глаголом *lassen*.

Несмотря на наличие в белорусском языке КК, эквивалентных немецкой КК с глаголом *lassen*, при переводе КК немецкого языка часто претерпевают существенные изменения. Так, из 121 КК с глаголом *lassen*, извлеченных методом сплошной выборки из 4 немецкоязычных художественных произведений, только 26 примеров переданы на белорусский язык при помощи КК.

Отметим, что в процессе передачи немецких КК средствами белорусского языка авторы переводов опираются не только на свою эрудицию и лингвистические способности; выбор подходящего варианта обусловлен также системой языка, на который выполняется перевод, и наличием многочисленных межкатегориальных связей между каузативностью и другими языковыми категориями.

Так, о связи каузативности и агентивности свидетельствуют не только то обстоятельство, что субъект каузации часто выражается при помощи одушевленного имени существительного, но и тот факт, что в переводе каузатив сам становится активным действующим лицом: *Wir ... sahen Grammophone an, klappten sie auf und zu, ließen sie uns vorspielen...* ‘Мы ... рассматривали граммофоны, открывали и закрывали их, просили продемонстрировать нам, как они играют...’ [3]; ‘... мы пачалі аглядаць грамафоны, мы іх адчынялі, зачынялі, заводзілі...’ [4].

Также объект – исполнитель каузируемого действия в переводе выступает часто сразу в качестве субъекта предложения, при этом инициатор каузируемого действия выражен в предложении при помощи других языковых средств (пример 1) или известен из контекста (пример 2):

1) *Sie [die Kinder]... lachten von Herzen über die Sprünge, die der Herr des Abends die Leute machen ließ* ‘Они [дети] смеялись от души над прыжками, что заставлял делать людей хозяин вечера’ [5]; ‘Яны [дзеці]... ад душы рагаталі з выбрыкаў дарослых дзядзькоў, якія скакалі па волі валадара вечара’ [6];

2) *... in Wirklichkeit verwendeten wir ihn zu nichts anderem als zu unschuldigen Botengängen, ließen ihn das Telephon bedienen und die Akten ordnen...* ‘... в действительности мы использовали его только для безобидных дел, поручали ему отвечать на звонки и систематизировать документы...’ [7]; ‘Давалі мы яму толькі самыя нявінныя даручэнні: ён адказваў на тэлефонныя званкі, насіў пошту, падшываў паперы...’ [8].

При коррелентности каузатора и его объекта, выраженного возвратным местоимением *sich* (т. н. субъектной каузации) наблюдается взаимодействие каузативности и рефлексивности, что проявляется в использовании в переводе вместо КК возвратных глаголов белорусского языка: *Wenn er sich auf diese Weise aus dem Bett fallen ließ, blieb der Kopf ... unverletzt* ‘Когда он таким образом позволял себе упасть с постели, голова ... оставалась неповрежденной’ [1]; ‘Калі б ён гэтакім чынам зваліўся на падлогу, галава ... засталася б непашкоджаная’ [2].

А возможность употребления при глаголе *lassen* имен существительных, связанных с субъектом каузации отношениями притяжательности, указывает на связь каузативности и посессивности, что находит свое воплощение в переводе в виде притяжательных местоимений (пример 1) или притяжательных прилагательных (пример 2):

1) *... machte jetzt der Prokurist im Nebenzimmer ein paar bestimmte Schritte und ließ seine Lackstiefel knarren* ‘... в тот момент доверенный сделал несколько шагов в соседней комнате и заставил заскрипеть свои лакированные сапоги’ [1]; ... ‘выканаўчы дырэктар у суседнім пакоі цяпер зрабіў некалькі рашучых крокаў; пры гэтым зарыпелі ягоныя лакіраваныя боты’ [2];

2) *... daß ich leise das Geräusch nachahmte, mit dem Cipolla seine Reitpeitsche hatte durch die Luft fahren lassen* ‘... что я тихо сымитировал звук, с которым Чипола заставил свою плетку разрезать воздух’ [5]; ‘... я міжволі паўтарыў губамі гук, з якім Чыполава плётка рассякала паветра’ [6].

Связь каузативности и пассивности проявляется в том, что в КК с глаголом *lassen* одушевленный субъект может быть инициатором и вместе с тем объектом каузируемого действия (пациентом), последний выражается при этом при помощи возвратного местоимения *sich*. Эта связь позволяет в переводе прибегать к использованию пассивного залога: *Ich begehre ja nichts anderes als zu büßen, zu büßen, zu büßen, den Kopf unters Beil zu legen und mich strafen und vernichten zu lassen* ‘Я не желаю ничего более, кроме как поплатиться, поплатиться, поплатиться, положить свою голову под топор и позволить себя наказать и уничтожить’ [3]; ‘Ды калі я чаго хачу, дык толькі акупіць, акупіць сваю віну, пакласці галаву на плаху, прыняць кару, быць знішчаным’ [4].

Связь каузативности и категории состояния наглядно иллюстрирует следующий пример перевода КК с глаголом *lassen* на белорусский язык: *Aber da stellte sich heraus ... daß sie [die Tante] überhaupt sich von dem fremden Menschen schon hatte einfangen und bezaubern lassen* ‘Но тут выяснилось ... что она [тетя] уже позволила чужому человеку себя поймать и очаровать’ [3]; ‘Але тут выявілася ... што яна [цётка] наогул ужо зачараваная і ўпакораная абаяльнасцю незнаёмага’ [4].

Поскольку КК с глаголом *lassen*, употребленном в прошедшем времени, всегда результативны, имеет место связь между каузативностью и результативностью, что также используется в переводе, когда сразу называется результат: ... *mußte ich mir gestehen, daß ich mich da hatte übertölpeln lassen...* ‘... я был вынужден признаться себе, что я позволил себя перехитрить...’ [3]; ‘... я быў вымушаны прызнацца сабе, што застаўся ў дурнях...’ [4].

Как отмечалось нами ранее [9], каузативность тесно связана с различными аспектами модальности: возможностью, волеитивностью, необходимостью, долженствованием, желательностью, разрешением и др., т. к. характер отношений между каузативом и объектом каузации играет очень важную роль. Так, акту каузации предшествует волеизъявление субъекта, его отношение к каузируемому действию как к чему-то желательному либо нежелательному, поэтому в переводах КК с глаголом *lassen* может использоваться модальный глагол *lassen*: *Aber Czentovic ließ sich keineswegs drängen* ‘Но Чентович никоим образом не позволял себя торопить’ [7]; ‘Чэнтавіч, аднак, не хацеў спяшацца’ [8].

Также элемент принуждения, содержащийся в семантике модальных глаголов со значениями необходимости и долженствования, позволяет переводчикам прибегать к их использованию при переводе КК с глаголом *lassen* на белорусский язык: ... *sie [meine Eltern] haben mich Latein und Griechisch und all das Zeug lernen lassen* ‘...они [мои родители] заставили меня учить латынь, греческий язык и все те вещи’ [3]; ‘... яны [бацькі] змушалі мяне да латыні і грэцкай і ўсё такое’ [4].

Тесная онтологическая связь каузативности и императивности приводит к активному использованию переводчиками разных средств выражения категории императивности: белорусских перформативных глаголов типа *патрабаваць*, *загадаць*, *папрасіць* и др. (пример 1), повелительной частицы *хай* (пример 2):

1) *Wir ... ließen ... nicht nur unseren Tisch, sondern auch die Nachbartische für das bevorstehende Match im voraus reservieren* ‘Мы ... распорядились заранее забронировать для предстоящего матча не только наш стол, но и соседние’ [7]; ‘Мы ... патрабавалі пакінуць нам на матч не толькі наш столік, але і ўсе суседнія...’ [8];

2) *Ich sagte ja und nein, lachte ein wenig, ließ sie reden* ‘Я сказал “да” и “нет”, немного посмеялся и дал говорить ей’ [3]; ‘Я адказаў з ухількаю, крыху пасмяяўся, – хай гаворыць сама’ [4].

Таким образом, каузативность оказывается взаимосвязанной с целым рядом других языковых категорий: агентивностью, рефлексивностью, посесивностью, пассивностью, модальностью, императивностью и др., что активно используется переводчиками при передаче немецких КК с глаголом *lassen* на белорусский язык.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kafka, F. Die Verwandlung. URL: http://imwerden.de/pdf/kafka_die_verwandlung.pdf (дата обращения: 11.08.2023).
2. Кафка, Ф. Ператварэнне. URL: <http://www.vuchoba.org/franc-kafka-franz-kafka.html> (дата обращения: 11.08.2023).
3. Hesse, H. Der Steppenwolf. URL: https://royallib.com/book/Hesse_Hermann/Der_Steppenwolf.html (дата обращения: 11.08.2023).
4. Гесэ, Г. Стэпавы воўк. URL: https://bookscafe.net/read/gesse_german-stepavy_vouk-251936.html#p1 (дата обращения: 11.08.2023).
5. Mann, Th. Mario und der Zauberer. URL: <https://epdf.pub/mario-und-der-zauberer-eintragisches-reiseerlebnis.html> (дата обращения: 11.08.2023).
6. Ман, Т. Марыё і штукар. URL: https://royallib.com/read/man_tomas/naveli.html#0 (дата обращения: 11.08.2023).
7. Zweig, S. Schachnovelle. URL: <http://www.stefanzweig.de/arbeiten/schachnovelletext13.pdf> (дата обращения: 11.08.2023).
8. Цвэйг, Ш. Шахматная навэла. URL: http://knihi.com/Stefan_Cvajh/Sachmatnaja_navela.html (дата обращения: 11.08.2023).
9. Курбаленко, Н. В. О межкатегориальных связях (на примере каузативности, модальности и императивности) // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. 2020. № 4 (107). С. 80–86.

О. В. Павлова (Москва, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КНР: ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена политическому дискурсу КНР, раскрывающий свою специфику и жанровое пространство. Политический дискурс, обладая манипулятивным потенциалом, обладает важным инструментом – прецедентными высказываниями, которые апеллируют к национально-исторической памяти народа. Анализ переводческих решений прецедентных высказываний на материале политического деятелей КНР выявил наиболее продуктивные способы их передачи на русский язык.

Ключевые слова: политический дискурс; прецедентные высказывания; интерпретация; переводческие трансформации; китайский язык.

The article is devoted to the Chinese political discourse which is revealing its specificity and genre space. Political discourse with the manipulative potential has a precedent statement as an important tool which appeal to the national historical memory of the people. Precedent statements of Chinese political figures translation solutions analysis revealed the most productive ways of transmitting them into Russian.

Key words: political discourse; precedent statement; interpretation; translation transformations; Chinese language.

Политический дискурс представляет собой одну из наиболее быстро развивающейся отрасли коммуникативной лингвистики. Главной целью политического дискурса является одержать победу в гонке за властью, вследствие чего в данной сфере активно применяются различные лингвистические приемы, помогающие в достижении успешного акта коммуникации. Актуальность данной проблемы обусловлена развитием теории дискурса как одной из перспективных областей лингвистической науки, изучающей дискурсивную природу текстов различного жанра, а также моделирование жанров конкретного дискурса, исходя из его соотносительности с другими видами дискурса, составляющими целостное коммуникативное пространство социума [1, с. 85].

Как утверждает Н. Н. Воропаев, политический дискурс является специфической разновидностью дискурса, поскольку его целью является захват и удержание политической власти [2, с. 120]. Согласно Ю. Ю. Суханову, к главным характеристикам политического дискурса можно отнести агрессивность, оценочность, эффектность, отстаивание точки зрения [3, с. 62]. Политический дискурс включает как институциональные, так и не институциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание сообщения [4, с. 20], поскольку переплетается с чертами художественного, публицистического, масс-медийного дискурсов.

Изучение политического дискурса в Китае началось в конце XX века и получило широкое распространение только в начале XXI века. В настоящее время активно ведутся исследования политических текстов, политической лексики, политической метафоры.

Сюй Вэйгуан рассматривает политический дискурс как процесс, который выражается в переходе от полного набора политических теорий и доктрин к реальному обществу, и таким образом способствует развитию и преобразованию реальной общественно экономической формации и политической системы [5, с. 132]. Автор отмечает, что политический дискурс должен охватывать как можно больше политических идей. Первая задача, которую необходимо осуществить политическому дискурсу – стать концепцией, которая сможет пробудить политический энтузиазм участников.

Политический дискурс КНР обладает жанровыми пространствами, идентичными политическому дискурсу любой другой страны, а именно, ритуальными, ориентационными, агональными [6, с. 129].

Говоря о функциях политического дискурса, Сюй В. отмечает, что, во-первых, политический дискурс как база для построения знания служит основным источником полемики и аргументации для поддержания и трансформации политического строя [6, с. 5]. Политический дискурс рассматривается как процесс проникновения идеологии как целостной концептуальной системы в язык и повседневную жизнь; в этом процессе различные социальные группы пытаются привести дискурс в соответствие со своими

собственными образом жизни и интересами [там же, с. 5]. В данном процессе политический дискурс поддерживает или изменяет самосознание людей в определенном политическом строе, удовлетворяет или вредит им, тем самым выражая лояльность или сопротивление по отношению к существующему политическому порядку, и, таким образом, поддерживает политический строй или способствует его трансформации [там же, с. 5]. Во-вторых, политический дискурс стал нормой определенного политического строя и критерием обоснованности легитимности [там же, с. 6].

Известно, что типологические характеристики китайского языка формируют особенности китайской лингвокультуры, которые, довольно условно, можно выявить в разных языковых областях: фонетике, лексике, грамматике и проследить в процессе построения дискурса на китайском языке [7, с. 32–33]. Политический дискурс СМИ КНР, обладая манипулятивным потенциалом, включает прецедентные выражения, поскольку они обладают сильной ассоциативной связью с широко известными событиями и явлениями, что позволяет апеллировать к эмоциям слушателей, вовлекать их в акт коммуникации, а также склонять к осуществлению необходимых действий [8, с. 48]. Можно утверждать, что в прецедентных явлениях наиболее наглядно проявляется аккумулярующая функция языка, поскольку они вмещают в себя знания о многоаспектных явлениях и ситуациях, кодируют информацию о них и, становясь культурными знаками, передают её во времени и пространстве [9, с. 71]. Как утверждает китайский лингвист Ху Яюнь (胡亚云), использование в речи исторического факта или известных цитат располагает к себе слушателей [10, с. 53]. Декодирование прецедентных высказываний и их перевод на другой язык требует определенных операций, поскольку интертекстуальные блоки могут быть по-разному интерпретированы и чаще всего становятся для переводчика почти непреодолимой проблемой [9, с. 48].

В современной лингвистике уделяется большое внимание феномену прецедентности. Термин «прецедентное высказывание» был упомянут Ю. Н. Карауловым и далее предложен советскими учеными В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой, которые описывали его как «единицы, полученные в результате текстовой редукции» [11, с. 75] и рассматривали явление прецедентного высказывания как сжатие какого-либо текста до размеров словосочетания или слова. Схожие трактовки встречаются у А. А. Потеня, писавшего о «сгущении мысли» целого текста в сжатом изречении [12, с. 352]. Рассматривая прецедентное высказывание, нам близко определение В. В. Красных, который считает, что данное явление представляет собой репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченную и самодостаточную единицу, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [13, с. 102].

Исходя из того, что прецедентные высказывания отличаются многообразием семантики и форм, то их можно распределить по определенным группам:

1. Обладающие только поверхностным значением, чей смысл понятен без фоновых знаний. Например, фраза *为人民服务* ‘служить народу’, которую впервые произнес выдающийся политический деятель Мао Цзэдун, восхваляя героя страны Лэй Фэна и призывая молодежь сделать его своим идеалом, понятна и без знания прецедентной ситуации.

Приведем еще пример: *看待中美关系, 要看大局, 不能只盯着两国之间的分歧, 要风物长宜放眼量*. ‘Что касается китайско-американских отношений, то это зависит от общей ситуации, а не только от различий между двумя странами, необходимо **шире смотреть на вещи и события**’. Накануне государственного визита в Соединенные Штаты Америки Си Цзиньпин в интервью американскому изданию, отвечая на вопросы о Южно-Китайском море, кибербезопасности и важных факторах поддержания и развития китайско-американских отношений, использовал прецедентное высказывание *风物长宜放眼量* в форме цитаты из «Избранных произведений» Мао Цзэдуна [14]. В данном контексте уместен перевод с применением функциональной замены, поскольку дословный перевод звучит как ‘широкий пейзаж следует смотреть с широкой перспективы’.

2. Обладающие поверхностным и глубинным значениями, чье истинное понимание без знания прецедентного феномена может быть ошибочно. К примеру, *阿豺折箭* употребляется для подчеркивания того, что единство – сила (глубинное значение), а не для рассказа о том как Ачай сломал стрелы (поверхностное значение).

保护主义政策如饮鸩止渴, 看似短期内能缓解一国内部压力, 但从长期看将给自身和世界经济造成难以弥补的伤害. ‘Протекционистская политика – это не что иное, как **временные меры**, она сможет облегчить внутреннее давление только в течение короткого периода времени, но в итоге нанесёт непоправимый ущерб себе и мировой экономике’.

Продолжая свою речь на саммите в Ханчжоу в 2016 году Си Цзиньпин применил прецедентное высказывание в виде фразеологизма *饮鸩止渴* дословный перевод ‘выпить отравленное вино, утолять жажду’ [15]. В данном случае следует прибегнуть к применению экспликации – временные меры, что, с одной стороны, позволяет раскрыть смысл интертекстуального послания, осуществляя верный акт коммуникации, но с другой – лишает прецедентное высказывание национально-специфического компонента.

При анализе прецедентных высказываний китайского языка можно разделить их на два типа по источнику происхождения:

1. Прецедентные высказывания в виде фразеологизма, которые в свою очередь включают подтипы:

1.1 Из истории: *行胜于言* ‘поступки важнее слов’, которое широко известно каждому гражданину Китая.

1.2 Из культуры: *知行合一*, фразеологизм, пришедший из древней китайской философии и передающий то, что ‘истина понимания вещей и использование этой истины в реальности неразделимы’.

Приведем фразу: *我总记得一句古训：生于忧患，死于安乐。前人给我们奠定了很好的基础，但是摆在我们面前还有许多困难和问题，还要我们继续进行开创式的工作。* ‘Я всегда помню древнюю заповедь: **пройдя через беды, человек окрепнет и сможет жить, а веселье и спокойная жизнь приведут к смерти.** Предшественники заложили для нас хорошую основу, но перед нами по-прежнему много трудностей и проблем, поэтому нам необходимо продолжать нашу новаторскую работу’.

Премьер Вэнь Цзябао на съезде Всекитайского собрания народных представителей и Народного политического консультативного совета Китая в 2003 году, отвечая на вопросы журналистов процитировал строки из древнего конфуцианского трактата «Мэн-цзы» [16]. Дословно их можно перевести как ‘родиться в печали, умереть в спокойствии’. Однако при переводе чаще используется вариант с описательным переводом ‘пройдя через беды, человек окрепнет и сможет жить, а веселье и спокойная жизнь приведут к смерти’.

1.3 Из литературы: *弄潮儿向涛头立, 手把红旗旗不湿* ‘первопроходцы плывут к приливу, флаги, которые они держат, никогда не промокают’, представляющее собой строки из стихотворения известного поэта династии Сун Пан Вэя.

Обратим внимание на предложение: *我国知识分子历来有浓厚的家国情怀, 有强烈的社会责任感。‘先天下之忧而忧, 后天下之乐而乐’, 这个思想为一次又一次一代知识分子所尊崇。* ‘Интеллигенция Китая всегда имела сильное чувство патриотизма и социальной ответственности. **Первыми встречать трудности и последними получать блага** – эту идею уважают поколения интеллигенции’.

В выступлении на встрече с выдающимися гражданами КНР Си Цзиньпин процитировал строки *先天下之忧而忧, 后天下之乐而乐* из произведения Фань Чжунъяна «Терем Юэян» [17]. В данном случае перевод универсально-прецедентного, актуализованного в оригинальном тексте в буквальном, нетрансформированном виде прецедентного высказывания ‘первым горевать над горем Поднебесной и последним радоваться её радостям’ для более корректного перевода целесообразно использовать лексико-грамматическую трансформацию в виде компенсации: ‘первыми встречать трудности и последними получать блага’.

2. Прецедентные высказывания в виде широко известной цитаты, которая может быть двух видов:

2.1 Цитата из произведения. Например, строки *己所不欲, 勿施于人* ‘не делать людям того, чего не желаешь себе’, которые являются знаменитой цитатой из главной книги конфуцианства «Беседы и суждения».

Приведем еще пример: *满招损, 谦受益, 中国已经取得举世瞩目的发展成就, 但我国仍是一个发展中国家, 仍然面临一系列严峻挑战。* ‘**Гордость приносит ущерб, скромность пожинает свои плоды,** Китай добился всемирно

известных достижений в области развития, однако все еще является развивающейся страной, а также продолжает сталкиваться с рядом серьезных проблем’.

На переговорах с иностранными экспертами в 2015 году председатель Си Цзиньпин использовал прецедентное высказывание *满招损，谦受益* в форме цитаты из древнего произведения «Шаньшу» [18]. На наш взгляд, дословный перевод вполне передает верный смысл высказывания в контексте данного выступления.

2.2 Афоризм известного человека. Так, выражение – *我是中国人民的儿子，我深情地爱着我的祖国和人民。* ‘Я – сын китайского народа, я очень люблю свою родину и народ’ – слова выдающегося политического деятеля КНР XX века Дэн Сяопина.

Проиллюстрируем данный тип рядом примеров: *我们要始终牢记毛泽东同志关于书记和委员之间的‘谅解、支援和友谊，比什么都重要’的教导。* ‘Мы всегда должны помнить наставление товарища Мао Цзэдуна о том, что в отношениях чиновников и членов комитетов ‘**взаимопонимание, поддержка и дружба важнее всего**’.

В своем выступлении на мероприятии, посвященном новоизбранным партийным представителям, Си Цзиньпин процитировал слова известного политического деятеля прошлого столетия Дэн Сяопина [19].

历史和现实都告诉我们，只有社会主义才能救中国，只有中国特色社会主义才能发展中国，这是历史的结论、人民的选择。 ‘История и реальность говорят нам, что **только социализм способен спасти Китай**, и только социализм с китайской спецификой способен развить Китай, это вывод истории и выбор народа’.

Размышляя о проблемах поддержки и развития социализма с китайскими характеристиками Си Цзиньпин употребляет прецедентное высказывание *只有社会主义才能救中国* в виде цитаты китайского государственного и политического деятеля Мао Цзэдуна [20]. Очевидно, что структура данных прецедентных высказываний довольно прозрачна и при переводе на русский язык можно сохранить дословный перевод.

Таким образом, в китайском политическом дискурсе наблюдается тенденция простоты и лаконичности речевых оборотов, и в то же время, политический дискурс обладает яркими особенностями, позволяющими максимально эффективно воздействовать на реципиента, сформировать у него определенное представление. Использование фразеологизмов как одним из типов прецедентных высказываний, предполагает привлечение внимания и вовлечения во все сферы жизни со стороны граждан. С помощью языковых единиц речь деятелей политиков может в доступной и краткой форме передать сложную идею или информацию, подчеркнуть выдвинутые концепции, придать эмоциональную окраску теме высказывания, построить авторское видение, помочь адресату мыслить, сформировать определенное представление о мире, усилить сенсационность сообщения, дать оценку какому-либо политическому явлению.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradygm / M. R. Zheltukhina, L. G. Vikulova, S. V. Mikhaylova [et al.] // *XLinguae*. 2017. Vol. 10, No. 2. P. 85–100.
2. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена и другие прецедентные феномены в китайскоязычном политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. Раздел 2. Политическая коммуникация. Вып. 1 (35). 2011. С. 119–125.
3. Суханов Ю. Ю. Специфика политического дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. С. 147–149.
4. Гусейнова Т. С. Определение содержания дискурса // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2010. № 13 (194). Вып. 43. С. 26–33.
5. 徐伟. 现代中国政治话语的范式转换. 上海: 复旦大学, 2006. 161 页.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : монография / Волгоград : Перемена, 2004. 367 с.
7. Гурулева Т. Л., Калинин О. И. АПФ&ПЛ. Тематический выпуск : Взаимодействие языков и культур : традиции и инновации. 2021. № 3. С. 26–40.
8. Солопова О. А. Прецедентные высказывания в президентском дискурсе : переводческий аспект (на материале английского и китайского языков) / О. А. Солопова, А. П. Чудинов, Е. Д. Шлемова // *Политическая лингвистика*. 2017. Т.2. Вып. 62. С. 47–54.
9. Чупрына О. Г. Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход) // *Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2014. № 3 (15). С. 71–79.
10. 胡亚云. 政治语言的涵义与特征初探 // *天中学刊*. 2002. № 3. 53–54页.
11. Костомаров В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // *Русский язык за рубежом*. 1994. №1. С. 73–76.
12. Потебня А. А. Слово и миф. М. : Правда, 1989. 622 с.
13. Красных В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности // *Язык, сознание, коммуникация*. М., 1997. С. 128–144.
14. 崔东. 习近平 : 看待中美关系要看大局. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0922/c1001-27621108.html> (дата обращения 20.09.2023).
15. 王萌萌. 习近平 : 中国共产党要永远做中国人民和中华民族的主心骨. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018lh/2018-03/20/c_1122563267.htm (дата обращения 15.09.2023).
16. 温家宝谈当前面临的主要问题. URL: http://www.china.com.cn/zhuanti2005/txt/2003-03/18/content_5295244.htm (дата обращения 23.09.2023).
17. 钱中兵. 习近平: 在知识分子、劳动模范、青年代表座谈会上的讲话. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-04/30/c_1118776008.htm (дата обращения 21.09.2023).
18. 常雪梅、程宏毅. 习近平同外国专家代表座谈时强调: 中国是合作共赢倡导者践行者. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1206/c64094-19806788.html> (дата обращения 21.09.2023).
19. 谢磊、赵娟. 习近平“打好团结牌”让我们明白了啥道理? URL: <http://cpc.people.com.cn/pinglun/n/2013/0509/c241220-21425596.html> (дата обращения 18.09.2023).
20. 宋晨、姜萍萍. 习近平 : 关于坚持和发展中国特色社会主义的几个问题. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/0331/c64094-31005184.html> (дата обращения 26.09.2023).

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В СВЕТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ
(на материале поэмы *LES FEUX DE PARIS* Луи Арагона)

В статье рассмотрены способы реализации концептуальной метафоры в поэтическом переводе на материале поэмы «Огни Парижа» (*Les feux de Paris*, 1960) французского поэта Луи Арагона и ее русского перевода, выполненного Морисом Ваксмахером. Сопоставительный анализ оригинальных метафорических образов и их переводных соответствий показывает, что переводческое решение основывается на концептуальной метафоре, а не ее оригинальной языковой реализации.

Ключевые слова: метафора; концептуальная метафора; поэтический перевод; гипотеза когнитивного перевода.

The article describes the realization of conceptual metaphor in poetic translation comparing the poems ‘The Lights of Paris’ (*Les feux de Paris*, 1960) by the French author Louis Aragon with its Russian translation by Maurice Wachsmacher. The article compares the original metaphorical images with their translation correspondences. It shows that poetic translation is based on the conceptual metaphor, and not on its original linguistic realization.

Key words: metaphor; conceptual metaphor; poetry translation; Cognitive Translation Hypothesis.

Поэзия представляет собой особый путь освоения мира и «отличается от [поэтического – *E.P.*] перевода, как чувство от сопереживания» [1, с. 48]. И поскольку, согласно известному утверждению, «стихи непереводимы, переводимы только мысли» [2, с. 62], то поэтический перевод непредставим без «проникновения» в сознание автора.

Концептуальная метафорическая модель – систематическое отождествление сущностей из разных сфер опыта – является универсальной формой мышления [3, с. 11]. Следовательно, вариантный характер поэтической метафоры определяется не постоянным возникновением новых, но «креативным переосмыслением» регулярных концептуальных соответствий, наличествующих в сознании каждого носителя языка [4, р. 236]. Поэтому единообразию структур сознания противостоит в поэтическом переводе несопоставимости не только двух языков, но и двух разных поэтических систем. Возникающая неизбежность «неверного» перевода – результат попыток творческого преодоления несоизмеримости концептуальной модели и бесконечного многообразия ее потенциальных языковых реализаций.

За стереотипом «неверного» перевода зачастую скрывается стратегия модуляции, представляющая собой итог изменения «взгляда» на описываемую ситуацию (наиболее рекуррентный случай – именование части вместо целого) [5, с. 40]. Отдельно отметим дискуссионное отнесение к

данной переводческой стратегии приемов генерализации и конкретизации, отражающих родовидовые связи между лексической единицей оригинального текста и ее переводным соответствием.

В предлагаемой статье предпринимается попытка лингвокогнитивного обоснования известного в переводоведении допущения: поэтическая метафора лучше сопротивляется воздействию «преобразующего катаклизма перевода», нежели иные «поэтические элементы» [6, с. 141]. Выбор материала – поэмы «Огни Парижа» (*Les feux de Paris*, 1960) французского поэта Луи Арагона (1897–1982) и его русского перевода – обуславливает художественное равенство между французской и переводной версиями поэмы. Русский перевод был выполнен Морисом Ваксмахером (1926–1994) – мастером художественного перевода, специализировавшимся на французской поэзии и прозе XX века. В соответствии с поставленной целью – выявлением характера реализации концептуальной метафоры в поэтическом переводе – методика исследования опирается на процедуру идентификации метафорических словоупотреблений [7], определение областей-источников метафоризации [8], контекстуальный и сопоставительный анализ.

Метафора является давней переводческой и переводоведческой проблемой [9; 10]. Когнитивные концепции перевода (например, [11]) характеризуют метафору не как компаративный троп, но как один из основополагающих способов авторского мировосприятия. В свою очередь, Гипотеза когнитивного перевода (*Cognitive Translation Hypothesis*), рассматривающая метафору в свете распознавания и ретрансляции мысли, описывает два основных сценария перевода метафоры. Первый сценарий представлен аналогичным метафорическим проецированием (*Similar Mapping Conditions*), т.е. отсутствием концептуального смещения между оригинальной метафорой и ее ожидаемым переводом. Второй сценарий приводит в действие процесс иного метафорического проецирования (*Different Mapping Conditions*) в условиях концептуального смещения между оригинальной метафорой и ее ожидаемым переводом [12]. В первом случае переводчик прибегает к сохранению оригинальной концептуальной метафоры, во втором – изыскивает иную концептуальную метафору. Первый сценарий, несомненно, предполагает возможность языковой вариативности в пределах оригинальной концептуальной метафоры.

Так, сопоставительный анализ следующих стрóf показывает, что языковая реализация концептуальной метафоры ‘Париж → женщина’ в оригинале и переводе неодинакова. В переводе город уподоблен кокетливой, искушенной в любовных делах даме, тогда как в оригинальном сравнении Париж – это молодая девушка: *Lorsque j'appris à voir les choses / O lenteur des métamorphoses / C'est votre Paris que je vis / Il fallait pour que Paris change / Comme bleuissent les oranges / Toute la longueur de ma vie / Mais pour courir ses*

aventures / La ville a jeté sa ceinture / De murs d'herbe verte et de vent / Elle a fardé son paysage / Comme une fille son visage / Pour séduire un nouvel amant [13] 'Промчались годы словно грозы / О длительность метаморфозы / Я ваш **Париж** еще застал / Он с той поры преобразился / И век в нем новый отразился / А я давно уж старым стал / А он спешил подобно даме / Пренебрегающей годами / Своих любовников сменить / Как брови выщипать газоны / И сбросить плащ зеленой зоны / И модной стрижкой мир пленить' (перевод М. Ваксмахера) [14].

Ход сопоставительного анализа дает возможность убедиться, что концептуальная метафора представляет собой модель, направляющую творческую деятельность переводчика. Модуляция есть не что иное, как результат обращения переводчика непосредственно к оригинальной концептуальной модели. Так, перевод следующей строфы демонстрирует результат вариантной языковой реализации оригинальных концептуальных метафор 'статуя → женщина' и 'огни → живые существа': *Les femmes de bronze et de pierre / Que déshabille la lumière / D'un pont à l'autre de Paris / Se penchant sur les bateaux-mouches / Dont les **projecteurs** effarouchent / A terre les couples surpris* [13] 'И льется отсвет желтоватый / Над наготою женских **статуй** / И смотрят на воду они / Туда где плавно проплывая / Речного светятся трамвая / Неугомонные огни' (перевод М. Ваксмахера) [14].

Вместе с тем, в переводе нередки примеры творческой когниции – создания концептуальных метафор, не обнаруживаемых в оригинале. Такая переводческая стратегия, не описанная гипотезой когнитивного перевода, следует из анализа следующих строф: *A tes pas les nuages bougent / Va-t'en dans la rue à l'oeil rouge / Le **monde** saigne devant toi / Tu marches dans un jour barbare / Le temps présent brûle aux snack-bars / Son aube pourpre est sur les toits / Les grands boulevards s'illuminent / De corail et d'algue-marine / Par un miracle d'harmonie / Qui jette une torche aux fenêtres / Et fait des lèvres de salpêtre / Aux morts-vivants de l'insomnie* [13] 'И выйди в ночь где над тобою / Метутся облака толпою / Багрово **мир** кровоточит / И ты пойдешь вдоль улиц старых / Где новый день горит в снэк-барах / В огнях реклам **заря кричит** / Кораллом и аквамарином / Велит бульварам и витринам / Пылать гармония огней / И окна жечь с ухмылкой хитрой / И рты подкрашивать селитрой / Рекою быть и плыть по ней' (перевод М. Ваксмахера) [14]. Как видим, хотя антропоморфная модель 'мир → живое существо' едина для оригинала и перевода, концептуальные метафоры 'облака / заря / бульвары / витрины → живые существа' отсутствуют в оригинале, выступая результатом творческой когниции переводчика.

Вышесказанное дает основания полагать, что перевод метафоры в поэзии ориентирован на концептуальные, а не языковые соответствия. Несводимое к поиску эквивалентных образов, метафорическое творчество переводчика поэзии должно изучаться на уровне поэтической когниции.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Самойлов Д.С. Поденные записи / В 2 т. Т. 1. М.: Время, 2002. 416 с.
2. Самойлов Д.С. Поденные записи / В 2 т. Т. 2. М.: Время, 2002. 384 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
4. Semino E., Steen G. Metaphor in literature // The Cambridge Handbook of metaphor and thought: R.W. Gibbs (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 232–246.
5. Делиль Ж., Ли-Янке Х., Кормье М. К. Терминология перевода: Толковый словарь-справочник переводческих терминов / научн. координатор К. Аллинболь; пер. А. М. Горлатов [и др.]. Мн.: МГЛУ, 2003. 128 с.
6. Табачникова О. Жизнь как метафора и метафора как опора поэтического перевода // Питання літературознавства. 2020. № 101. С. 126–145.
7. Praggeljaz GROUP. MIP: a method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and Symbol. 2007. V. 22, N. 1. P. 1–39.
8. Reijnierse W. G., Burgers C. MSDIP: A Method for Coding Source Domains in Metaphor Analysis // Metaphor and Symbol. 2023. Vol. 38 (4). P. 295–310.
9. Антипов Н.П. Эстетика и поэтика предпереводческого анализа // Вестн. Иркутск. гос. лингв. ун-та. Серия Филология. 2008. № 4. С. 5–17.
10. Dagut M. Can Metaphor be Translated? // Babel. 1979. Vol. 12 (1). P. 21–33.
11. Schäffner C. Metaphor and Translation: Some Implications of a Cognitive Approach // Journal of Pragmatics. 2004. Vol. 36. P. 1253–1269.
12. Mandelblit N. The Cognitive View of Metaphor and its Application for Translation Theory // Translation and Meaning. 1995. Vol. 3. P. 483–495.
13. Aragon L. Les feux de Paris. URL: <https://www.wikiopoemes.com/poemes/louis-aragon/les-feux-de-paris.php>. (дата обращения 20.12.2023).
14. Арагон Л. Огни Парижа: перевод с франц. М. Ваксмахера. URL: <https://www.vekperevoda.com/1900/mvaksmaher.htm> (дата обращения: 20.12.2023).

Е. Ю. Хрисонопуло (Санкт-Петербург, Россия)

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРЕДИКАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И УПОТРЕБЛЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С АНГЛИЙСКИМ ПРЕДЛОГОМ *BY*

В статье анализируются функциональные свойства причастных словосочетаний с английским предлогом *by* (*из-за, по причине*) в высказываниях с глаголом *surprise* (*удивлять*), отобранных из корпуса американского варианта английского языка (СОСА). Языковой материал свидетельствует в пользу того, что предлог *by* во всех случаях своего употребления указывает на то, что последующая именная группа осмысляется как единство субстанции и признака, которые детерминируют смысловую взаимосвязь внутри первичной либо вторичной предикации в высказывании.

Ключевые слова: предлог; словосочетание; конструкция; высказывание; дискурсивный акт; предикация; детерминация предикативного отношения.

This paper analyzes the functional qualities of participial phrases with the English preposition *by* in utterances with the verb *surprise*, drawn from the Corpus of Contemporary American English (COCA). As evidenced by linguistic data, the preposition *by* regularly indicates that the subsequent nominal phrase is construed as a unity of a substance and its property that predetermine a sense relationship between a primary and a secondary predication in an utterance.

Key words: preposition; phrase; construction; utterance; discursive argument; predication; determining the predicative relationship.

Предлоги представляют собой служебные слова, семантика которых связана, с одной стороны, с выражением определенного содержания в высказывании, с другой, - с указанием на характер синтаксической взаимосвязи (объектной, определительной, обстоятельственной) между словами в рамках словосочетания и предложения. Обе семантические функции предлогов находят отражение в их определениях. Например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [1, с. 394] предлоги относят к разряду служебных слов, «выражающих различные отношения между зависимыми и главными членами словосочетания и осуществляющих подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения». В работах, выполненных в рамках конкретных лингвистических направлений, делается акцент на существенном для исследователя аспекте в общей семантике предлогов.

Изучение категориального грамматического значения предлогов, представленное в работе М. Я. Блоха [2, с. 64], подводит автора к выводу о том, что это значение заключается в выражении «зависимостей и взаимозависимостей субстантивных референтов». Понимание автором предлогов на уровне синтагматики согласуется с их трактовкой в парадигматическом ключе. В частности, в описании английской грамматики Д. А. Штелинга [3, с. 134 – 148] показано, что семантика предлогов актуализируется в их регулярных оппозициях при употреблении в структурно аналогичных предложных словосочетаниях. Изучение подобного рода семантических противопоставлений в максимально сходных контекстах подводят к выводу о том, что предлоги, как показано в работах О. Н. Селиверстовой [4; 5] (см. также [6; 7]), задают определенный способ осмысления денотатов знаменательных слов, объединенных в предложных словосочетаниях.

В настоящей работе ставится цель выявить закономерности выбора английского предлога *by* /из-за/ по контрасту с *with* / в связи с/ в причастных конструкциях со значением эмоционального состояния (*be surprised by* vs. *with the news* ‘удивляться из-за новости’ vs. ‘в связи с новостью’). Сама постановка цели исследования предполагает учет парадигматической соотнесенности исследуемых единиц. С другой стороны, в контексте упомянутых исследований семантика предлога будет анализироваться на основании характеристик денотата именной группы, которую вводит предлог в процессе синтагматического развертывания словосочетания и высказывания. Материалом для исследования послужили высказывания с анализируемыми словосочетаниями, собранные в Корпусе современного американского

английского (COCA: Corpus of Contemporary American English [8]). В целом, в данном корпусе, содержащем тексты самых различных жанров и стилей с 1995 по 2017 годы, имеется 5235 примеров словосочетаний с предлогом *by* и 280 примеров с предлогом *with*. При этом во многих случаях словосочетания с разными предлогами описывают очень сходные ситуации удивления: *Though he was surprised with the news, he insisted that he isn't the 'joke' entry of the competition* / 'Хотя он был удивлен **в связи с** этой новостью, он настаивал, что его не «в шутку» внесли в список участников конкурса'; *ESPN interviewed me and asked if I was surprised by the news* / 'В агентстве ESPN у меня взяли интервью и спросили не был ли я удивлен **из-за** этой новости'. Очевидно, что и в первом, и во втором примерах речь идет о наступлении эмоционального состояния в связи с тем, что человек узнает новость. Использование различных предлогов в сочетаниях *surprised by / with the news* / 'удивляться из-за' / 'в связи с новостью' может указывать как на различное осмысление денотата слова *news* / 'новости', так и на различные взаимосвязи этого слова с другими знаменательными словами в высказывании.

Задача идентификации смыслов, передаваемых предлогом *by* / 'из-за' по контрасту с *with* / 'в связи с', обуславливает обращение к двум основным методам исследования: анализу смыслов на уровне диктемы как минимальной тематической единицы текста и анализу структурно-семантических связей предложного словосочетания в составе высказывания.

Со структурно-семантической точки зрения, в обоих приведенных примерах с причастной формой глагола *surprise* / 'удивлять(ся)' предлоги входят в состав дополнения, указывающего, соответственно, на объектное отношение между референтами глагольной формы и именной группы. Следовательно, для определения способа осмысления данных референтов при употреблении различных предлогов необходимо обратиться к мысленному представлению сценария эмоции, элементы которого, как и система связывающих их отношений, могут получить различное выражение в языке.

Согласно описанию сценария эмоции, предложенного в работе Ю. Д. Апресяна [9, с. 458 – 459], этот сценарий включает три основных этапа: (1) наличие некоторого положения вещей / события; (2) восприятие этого положения вещей и оценка его содержания со стороны воспринимающего лица; (3) эмоциональное переживание лица (и внешние проявления переживания) в связи с произведенной оценкой. В предложенном сценарии можно выделить два события субъективно-личностного характера. С одной стороны, это событие восприятия и оценки со стороны лица определенного положения дел. С другой стороны, лицо испытывает эмоциональное переживание (в том числе удивление), которое обусловлено произведенной оценкой.

Упомянутый сценарий эмоций во многом согласуется с лексикографическими описаниями глагола *surprise* / 'удивлять(ся)'. Суммируя данные словарных дефиниций, представленные в [10] и [11], в значенекоторого ие глагола *surprise* входят следующие смысловые компоненты: (1) наличие

положения вещей (*something has happened*/ ‘что-то произошло’); (2) восприятие этого положения вещей со стороны лица (*having the feeling you get* / ‘переживание ощущения, которое возникает’) и оценка его содержания как неожиданного (*when something happens that you did not expect* / ‘когда происходит нечто неожиданное’); (3) переживание эмоции удивления (*feeling or showing surprise* / ‘переживание либо проявление удивления’), которое обусловлено произведенной оценкой (*because of something unexpected* / ‘по причине чего-то неожиданного’).

Два личностных события, представленные в словарных дефинициях, - восприятие, совмещенное с оценкой внешнего положения вещей, и переживание эмоции удивления, - предполагают два типа отношений в рамках эмоционального сценария: **отношение предметного характера**, которое заключается в восприятии и оценке определенного положения дел, а также **межсобытийные отношение** между положением дел, осмысленным как неожиданное событие, и эмоциональным состоянием удивления, возникающим как следствие неожиданности. Это дает основание предположить, что выбор предлога *by* ‘из-за’ или *with* ‘в связи с’ обусловлен актуализацией в высказывании одного из двух упомянутых типов отношений. Последние, в свою очередь, зависят от способа осмысления денотата вводимых предлогом именных групп: либо как содержания, на которое направлено восприятие и оценка лица, либо как целостного внешнего события, которое послужило причиной возникновения эмоции.

Как показывает анализ тематически важных слов на уровне диктемы, конструкция с предлогом *with* ‘в связи с’ выбирается в тех случаях, когда в диктеме развивается мысль о содержании описываемого положения дел. Например: *I really was pleasantly surprised with it. It's going to be fun for people to watch, I hope. Now Harry Thomason was on "Equal Time" on CBNC on Tuesday night. This is the show that Mary Matalin and Jane Wallace host, and here's just a little clip from that show* / ‘Я действительно был приятно удивлен в связи с этим. Это будет интересно людям посмотреть, как я надеюсь. Вот Гарри Томасон был среди участников программы «Равное время» по каналу CBNC вчера вечером. Это как раз видео-шоу, где ведущими являются Мэри Маталин и Джейн Уоллас. А вот и небольшой клип из этого шоу’. В приведенном примере в качестве приятной неожиданности со стороны говорящего рассматривается впечатление, которое может оставить обсуждаемая телепередача (*fun for people to watch* / ‘интересно людям посмотреть’), участие в ней известного собеседника лица (*Harry Thomason was on "Equal Time"* / ‘Гарри Томасон был среди участников программы «Равное Время»), а также имена организаторов и ведущих этой передачи (*the show that Mary Matalin and Jane Wallace host* / ‘видео-шоу, где ведущими являются Мэри Маталин и Джейн Уоллас’).

В диктемах, где при описании удивления используется конструкция с предлогом *by* ‘из-за’, основной акцент делается не столько на различных содержательных аспектах внешнего положения дел, сколько на его нежиданности.

данности для воспринимающего лица и на его способности послужить причиной переживаемой эмоции. Сказанное может проиллюстрировать следующий пример: *My husband woke up much earlier than usual today. He usually does not get up until after I do. This morning I was pleasantly surprised by the smell of bacon and eggs in the air. When I went downstairs he told me that he felt great. A friend of his had recommended a ... treatment that worked. My husband said that he was able to breathe through his nose well* / ‘Мой муж проснулся сегодня намного раньше обычного. Как правило, он не просыпается раньше меня. Этим утром я была приятно удивлена **по причине запаха яиц с беконом**. Когда я спустилась, муж сказал мне, что **чувствует себя замечательно**. До этого друг порекомендовал мужу лечение, которое помогло. Муж сказал, что **может хорошо дышать через нос**’. В приведенном отрывке из устного нарратива все ситуации, вызвавшие удивление, представлены во временной перспективе. Именно содержательное изменение во времени, а не просто различные содержательные аспекты всех описанных событий (связанных с улучшением состояния здоровья человека) вызывают эмоцию удивления у говорящего.

В некоторых случаях временной аспект положения дел, которое обозначается именной группой, вводимой предлогом *by* / ‘из-за’, не выражается явно, но тем не менее имплицитно в контексте. Ср.: *One of the things that I think a lot of people have been impressed by -- have been surprised by, Mr. Chance, is the absence of anger, the absence of animosity, the absence of -- of bitterness* / ‘Одним из моментов, **из-за** которых многие были поражены либо **из-за** которых удивлялись, господин Чанс, - это отсутствие озлобленности, отсутствие враждебности, отсутствие чувства горечи.’ В приведенном отрывке говорящий рассказывает о своем опыте пребывания в заключении. Согласно стереотипным представлениям, подобного рода опыт должен вызывать изменение во внутреннем эмоциональном мире человека, в частности, появлению у него - с течением времени - озлобленности (*anger*), враждебности (*animosity*), чувства горечи (*bitterness*). Отсутствие всех этих предполагаемых качеств действует в качестве самостоятельной причины, которая вызывает эмоцию удивления говорящего. В семантической структуре предложения явно прослеживается выделение двух смысловых групп. Одна группа представлена субъектно-предикатным сочетанием с глаголами *impress* ‘поражать’ и *surprise* ‘удивлять’: *A lot of people have been impressed, surprised* / ‘Многие были поражены, удивлены.’ Другую смысловую группу вводит предлог *by* ‘из-за’. В ней указано целостное событие-причина удивления: *the absence of anger, the absence of animosity, the absence of bitterness* / ‘отсутствие озлобленности’, ‘отсутствие враждебности’, ‘отсутствие чувства горечи’.

При употреблении причастных конструкций с предлогом *with* ‘в связи с’, в которых описывается содержание эмоции, наблюдается более тесная смысловая связь между глаголом и вводимым предлогом дополнением. Ср.: *...The Wife's hamburger was large, flavorful and came with a few onion rings for*

the comparatively low price of \$7.49. I took a single bite and was surprised with how good it was / ‘Гамбургер моей жены был большим, со множеством приправ, и его подавали вместе с нарезанным луком по относительно невысокой цене в семь с половиной долларов. Я попробовал лишь небольшой кусочек и был удивлен **в связи с** тем, насколько вкусным он оказался’. Приведенный пример, в котором описывается удивление по поводу вкусовых качеств гамбургера, едва ли допускает семантическую трансформацию, в котором этот повод был бы представлен отдельно от состояния удивления: *I was surprised with how good it was. - ??The hamburger was good and that was surprising for me* / ‘Я был удивлен в связи с тем, насколько вкусным он оказался. - Гамбургер оказался вкусным, и для меня это было удивительным.’ В то же время подобная трансформация вполне возможна, когда в причастной конструкции с глаголом *surprise* ‘удивляться’ употребляется предлог *by* ‘из-за’: *Many people were surprised by the absence of animosity, the absence of anger, the absence of bitterness. - There was no animosity, anger or bitterness and that was surprising for many people* / ‘Многие удивлялись из-за отсутствия враждебности, отсутствия озлобленности, отсутствия чувства горечи. - Не было никакой враждебности, озлобленности или чувства горечи, и это было для многих удивительным.’

Относительная самостоятельность в осмыслении денотата именной группы либо номинализации, вводимой предлогом *by* ‘из-за’ (по контрасту с *with* ‘в связи с’), подтверждают и факты обособленного употребления подобного рода именных групп (в корпусе примеров с предлогом *with* ‘в связи с’ таких случаев не найдено): *He dipped his chin, looking surprised by, or shy of, his height* / ‘Он нагнулся, и вид его выражал удивление **из-за** либо робость в виду его роста’; *We were thus surprised by, and initially skeptical of, the apparent paucity of Bifidobacteria in nearly all of our samples* / ‘И вот мы были удивлены **из-за** и чувствовали скепсис по поводу малого количества бифидобактерий почти во всех наших пробах’; *I was surprised by, at least to my ear, the clarity with which he said in the concession speech, “I'm sorry I'm not going to be here to fight for you”* / ‘Я был удивлен **из-за** (по крайней мере мне так показалось) той четкости, с которой она говорила о том, что пошла на уступку: «Мне жаль, но я здесь не для того, чтобы бороться за тебя»’.

Сказанное выше дает основание предположить, что предлог *by* ‘из-за’ указывает на осмысление референта именной группы как некоторого события, которое служит детерминантом эмоционального состояния лица, в результате чего актуализируется межсобытийная взаимосвязь между именной группой в позиции дополнения и субъектно-предикатной группой: *He was surprised | by the news* / ‘Он был удивлен | из-за новостей’. Напротив, предлог *with* ‘в связи с’ задает осмысление последующей именной группы как содержания, составляющего субстанциональную основу восприятия и оценки чего-либо как «неожиданного». При этом осуществляется указание на собственно предметную направленность глагольного действия (эмоции) на

объект (содержание эмоции): *He | was surprised with the news* / ‘Он | был удивлен в связи с новостями’.

Упомянутые различия в осмыслении именной группы либо номинализации или дополнительного придаточного, вводимого предлогами *by* ‘из-за’ и *with* ‘в связи с’, можно описать в терминах актантов описываемой ситуации. Эти актанты не могут быть собственно семантическими (в смысле Ч. Филлмора), поскольку каждый из них выражается только одним предлогом (по Филлмору, один тот же семантический актант может иметь различные формы выражения). Предположительно, осмысление денотата вводимой предлогом именной группы можно связывать с **дискурсивным актантом** ситуации. Проведенный в работе анализ языкового материала свидетельствует в пользу того, что предлог *by* ‘из-за’ регулярно указывает на именную группу, денотат которой осмысляется как **детерминант субъектно-предикатного отношения**, т.е. как сущность, предопределяющая предизируемое лицу эмоциональное состояние. В свою очередь, предлог *with* ‘в связи с’ указывает на осмысление денотата именной группы как субстанциональной основы состояния, т.е. **релевантной субстанции**, указание на которую встроено в семантику соответствующего глагольного предиката.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. 7-е изд., перераб. и доп. Дубна: Феникс+, 2017. 460 с.
3. Штелинг Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учебное пособие. М.: МГИМО, ЧеРо, 1996. 254 с.
4. Селиверстова О. Н. Имеет ли предлог только грамматическое значение? // Вопросы филологии. 1999. № 3. С. 26–33.
5. Селиверстова О. Н. Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей / Отв. ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М.: Русские словари, 2000. С. 189–242.
6. Кириченко А. С. Проблема дифференциации предлогов *by* и *with* в сочетании с причастием *surrounded* // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 2 (6). С. 40–45.
7. Кириченко А. С. Семантика предлогов: от геометрии к психоанализу // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. статей к юбилею О. А. Сулеймановой. М.: ФЛИНТА, 2016. С. 108–115.
8. COCA: Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 15.09.2023).
9. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348–388.
10. Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (дата обращения: 15.09.2023).
11. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 15.09.2023).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ТЕКСТА ПЕРЕВОДЧИКОМ-НОСИТЕЛЕМ ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА

В статье рассматривается вопрос о возможности сохранения национально-культурной специфики текста оригинала, в случае выполнения перевода переводчиком-носителем языка оригинала. С целью выявления большей зависимости выбора конкретной стратегии перевода от индивидуальной переводческой манеры или от специфики исходного текста применяется модель экоперевода, которая предполагает ориентацию не на следование переводчика эквивалентностному или функциональному подходу, а на сочетание нескольких элементов переводческой среды: автор, читатель, язык оригинала, язык перевода, текст, при этом ключевая роль в этом процессе принадлежит не автору, не читателю, не тексту, а переводчику.

Ключевые слова: переводчик-носитель языка оригинала; экоперевода; национально-культурная специфика; язык перевода.

The article deals with the question of the possibility of preserving the national-cultural specificity of the original text in the case of translation by a native-speaker translator. In order to reveal the greater dependence of the choice of a particular translation strategy on the individual translation style or on the specifics of the source text, the ecotranslation model is applied, which implies the orientation not on the translator's following the equivalence or functional approach, but on the combination of several elements of the translation environment: author, reader, source language, target language, text, with the key role in this process belonging not to the author, not to the reader, not to the text, but to the translator.

Key words: source language translator; ecotranslation studies; national-cultural specificity; target language.

Художественный перевод, несомненно, относится к сфере лингвистических проблем и, будучи сложной и обширной частью общей проблемы перевода, ставит вопрос о его культурологическом значении. Художественный текст является источником культуры, выразителем национального характера и менталитета того или иного народа, и исследователи часто уделяют внимание художественному тексту как единице культуры. Еще Э. Сепир говорил, что «язык — это символический инструмент понимания культуры, а лексика — очень чувствительный фактор культуры народа» [1, с. 56].

Можно сказать, что система норм, ценностей, знаний, традиций и обычаев культуры закрепляется в ее художественных текстах. Перевод художественного текста раскрывает историческую и этическую информацию народной жизни. Существует несколько подходов к исследованию художественного перевода. Впервые о возможности применения двух противоположных стратегий – культурного освоения и культурного отчуждения писали еще немецкие философы 18 века И.В.ф.Гете, Ф. Шлейермахер [2, с. 32]. Позже Л. Венути ввел термины «доместикация» и «форенизация», обозначающие две основные стратегии перевода. По его мнению, доместикация основывается на этноцентрическом подходе: на первый план, как правило, выдвигается культура языка перевода, а «автор приближается к читателю» [3,

с. 75]. Испанский филолог и историк Антонио де Капмани-и-Монтпалау уверял, что «перевод будет несовершенным, пока с его помощью мы не можем узнать и исследовать характер нации автора оригинала» [4].

Принимая во внимание эту позицию, мы можем говорить о том, что переводчик неизбежно столкнется с проблемой сохранения культурной специфики текста во время перевода, который, в свою очередь, должен одновременно а) сохранить национальные особенности оригинала и б) быть понятным и близким реципиенту.

В процессе перевода переводчики-носители языка оригинала имеют преимущество в передаче культурной специфики текста, так как обладают более глубоким пониманием культуры, из которой происходит текст, однако, при передаче культурной специфики в переводе, переводчики-носители языка оригинала сталкиваются с рядом существенных проблем в процессе рекодификации оригинального текста, который должен быть понятен иностранному читателю без возникновения ощущения чужеродности текста, а также без осложняющих понимание несчитываемых реалий.

Настоящее исследование является частью совместного переводческого проекта, разработанного в русле модели экопереводоведения. Автор этой концепции Ху Гэншэнь полагает, что процесс перевода включает две стадии: 1) переводческая экосреда «выбирает» подходящего для решения конкретной задачи переводчика, который в свою очередь адаптируется к исходному тексту; 2) переводчик осуществляет выбор переводческих стратегий и принимает решение о форме переводного текста, то есть является центральным звеном процесса перевода, выполняющим двойную функцию — «читателя и писателя, слуги и хозяина, в качестве реципиента и отправителя сообщения» [5, с. 285].

В рамках проекта была поставлена задача выполнить и сравнить два авторских перевода испанской волшебной сказки «*Los Caballeros del Pez*», написанной известной писательницей и собирательницей испанского фольклора Фернан Кабальеро (настоящее имя Сесилия Бель де Фабер) [6]. Один из переводов выполнен переводчиком-носителем языка оригинала, другой — переводчиком-носителем языка перевода. Гипотеза исследования заключается в следующем: переводчик является носителем определенной культурной экосреды, к которой он адаптируется и которая обуславливает дальнейший отбор им переводческих стратегий и языковых средств.

Далее представлены результаты постпереводческого анализа автоперевода, выполненного переводчиком-носителем языка перевода.

Одна из основных проблем, обнаруженных в ходе работы над текстом перевода, заключается в необходимости передачи культурных коннотаций, которые могут быть незнакомы русскоязычным читателям. Например, некоторые фразеологизмы могут иметь совершенно другой смысл в культуре перевода. Переводчик-носитель языка оригинала должен быть в состоянии передать эти коннотации с помощью знакомых русскоязычному читателю выражений, но при его более ограниченном знании литературы языка перевода могут возникнуть трудности. Разберём это на примере (см. Таблица 1):

Т а б л и ц а 1

переводчик-носитель языка оригинала	переводчик-носитель языка перевода
<i>так что была свадьба, был банкет, было пиво, и конечно же коррида.</i>	<i>тотчас свадьба, тотчас пир, и я там был, мёд пиво пил, да усы лишь обмочил.</i>

Наблюдаем, как переводчик-носитель языка оригинала, пытается преобразовать фразеологизмы оригинального текста таким образом, чтобы в переводе были сохранены культурные элементы оригинального текста, опираясь на фоновые знания читателя, в то время как переводчик-носитель языка перевода, доместицируя этот элемент текста, использует известные клише из сказок, существующих в его языке и культуре.

При переводе сказки возникла дополнительная трудность, заключающаяся в том, что рецептором текста сказки, как правило, являются дети, чьи фоновые знания весьма ограничены, поэтому подход переводчика-носителя языка к переводу, основанному на фоновых знаниях читателя, можно назвать весьма несостоятельным – неизбежно возникнут трудности в виде элементов или концепций другой культуры, неизвестных читателю.

Еще одна проблема заключалась в передаче культурно-специфичных оттенков смысла реалий. Например, некоторые географические названия, имена персонажей или обычаи могут быть чужды читателям другой культуры. В этом случае, переводчик должен использовать генерализованные термины или прибегать к описательному переводу (Таблица 2).

Т а б л и ц а 2

переводчик-носитель языка оригинала	переводчик-носитель языка перевода
<i>Плакали все, даже статуя Венеры, в центре площади Пуэрта-дель-Соль.</i>	<i>Все плакали, даже статуя Марибланка с площади Пуэрта-дель-Соль.</i>

В этом примере наглядно видно (см. Таблица 2), каким образом передают на русский язык переводчики культурно-специфичные понятия: «Mariblanca» и «Puerta del sol» в переводе ставятся перед словами «статуя» и «площадь» соответственно, что автоматически дает читателю понять, о чем идет речь, даже если эти понятия ему не известны. Реалии оба переводчика передают при помощи транслитерации с той лишь разницей, что в случае с названием «Mariblanca» переводчик-носитель языка, обладающий более широким знанием культуры, использует одно из других имен, данных той же статуе, «Венера» — имя, которое также является частью универсальной культуры, и представляет для русскоязычного читателя более знакомый образ.

Одной из самых больших проблем, выявленных в ходе этого исследования, было большое количество аллитераций, которые присутствовали в оригинальном тексте. Перевод аллитерации может быть трудной задачей из-за необходимости сохранения стилистического и художественного замысла автора, который часто выражается в использование определенных языковых средств, таких как рифма, ритм, размер и аллитерация. Аллитерация, в частности, может быть сложна для перевода, поскольку она включает повторение звуков в начале соседних слов, что может быть трудно воспроизвести на другом языке, сохраняя тот же смысл. Поэтому переводчики часто прибегают к компенсационным методам, чтобы сохранить компоненты значения, сохраняя при этом аллитерацию в переведенном тексте. Эти техники могут включать использование синонимов, изменение порядка слов или изменение синтаксиса, чтобы достичь желаемого результата [7].

Т а б л и ц а 3

переводчик-носитель языка оригинала	переводчик-носитель языка перевода
<p>— <i>жениться на Вас, которой сто лет? Вы сумасшедшая, да еще и глупая.</i></p> <p>— <i>Верно, верно — сказали отголоски.</i></p> <p>— <i>Чего я хочу, — продолжал рыцарь,</i></p> <p>— <i>так это обыскать замок и уйти после того, как я это сделаю.</i></p> <p>— <i>Аминь, Аминь! — вздохнули отголоски на латыни.</i></p>	<p><i>-Почему я должен жениться на тебе, столетней старухе? Ты сумасшедшая, да еще и дурында.</i></p> <p><i>-Да, да, да, - отозвалось эхо.</i></p> <p><i>-Что я хочу, - продолжал рыцарь, - так это обследовать замок и уйти, осмотрев, сие пристанище богинь.</i></p> <p><i>-Аминь! Аминь! - прошептало эхо на латыни.</i></p>

В приведенном выше сравнении между двумя переводами (см. Таблица 3) мы видим, как аллитерация была полностью утрачена в переводе переводчика-носителя языка из-за его более ограниченного словарного запаса, в то время как переводчик-носитель языка перевода смог найти разные слова на языке перевода, чтобы сохранить устройство аллитерации, использованное автором исходного текста.

В результате проведенного анализа двух переводов, выполненных в рамках совместного проекта, мы можем сделать следующие выводы: 1) объективно существующая аппроксимативность перевода художественного текста не гарантирует идентичности смысла текста оригинала и текста перевода; 2) переводчик-носитель языка оригинала не является гарантом сохранения идентичности этого смысла, равно как им не может являться и переводчик-носитель языка перевода; 3) предпринимаемые переводческие модуляции зависят и от особенностей интерпретации, и от индивидуальной переводческой манеры, таким образом, не может быть отдано предпочтение какой-либо стратегии перевода как более правильной.

Полученные выводы находят подтверждение в модель экоперевода-ведения, упомянутой выше, которая предполагает ориентацию не на следование переводчика эквивалентностному или функциональному подходу, а на сочетание нескольких элементов переводческой среды: автор, читатель, язык оригинала, язык перевода, текст, при этом ключевая роль в этом процессе принадлежит не автору, не читателю, не тексту, а переводчику.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Sapir. E., *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*. Berkeley, 1949. 162 p.
2. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р.Валент, 2007. 244 с.
3. Venuti L., *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference*. L.: Routledge, 1999. 210 p.
4. Lafarga F., Alcalá Galiano y V. Salvá *Ante la Traducción. A Propósito de una Nueva Edición del Arte de Traducir de A. De Campany*. Barcelona, 2002. 159 p.
5. Hu G. Translation as adaptation and selection. *Perspectives: Studies in Translatology*, 2003, vol. 11, no. 4, pp. 283–291.
6. Caballero F., *Cuentos, oraciones, adivinas y refranes populares é infantiles*. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1878. 288 p.
7. Позднышева. Г. В. К вопросу об особенности передачи аллитерации при переводе (на материале английского языка). Белгород, Россия, 2019.

П. В. Гибкий (Минск, Беларусь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ «ОБУЧЕНИЕ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ» В ХОДЕ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (на примере занятия «Эффект прошедшего времени»)

В статье рассматривается использование инновационных образовательных технологий в процессе изучения такого синтаксического явления китайского языка, как «эффект прошедшего времени». Применяется образовательная технология «Обучение в сотрудничестве».

Ключевые слова: образовательные технологии; обучение в сотрудничестве; китайский язык; синтаксис; эффект прошедшего времени.

The article examines the use of innovative educational technologies in the process of studying such a syntactic phenomenon of the Chinese language as the “past tense effect”. The educational technology “Cooperative learning” is used.

Key words: educational technologies; cooperative learning; Chinese language; syntax; past tense effect.

И. Г. Якимович определяет «обучение в сотрудничестве» как совместное обучение, в результате которого учащиеся работают вместе, коллективно конструируя, продуцируя новые знания, а не потребляют их в уже готовом виде [1]. По мнению А. И. Чепурной, Р. В. Чвалун и Е. А. Грудневой, основная идея «обучения в сотрудничестве» заключается в создании условий для активной совместной учебной деятельности учащихся в различных учебных ситуациях [2, с.114]. Впервые данная методика была проанализирована и разработана американскими учеными Р. Славиным, Р. Джонсоном, Д. Джонсоном и Дж. Арнсоном.

Преимущества:

- 1) быстрый темп решения задач повышает интерес и мотивацию;
- 2) необходимость решать проблемные ситуации стимулирует критическое мышление;
- 3) возможность более эффективно применять коммуникативный подход к обучению (студенты используют знания, навыки и умения в естественных коммуникативных ситуациях).

Рассмотрим четыре основных метода использования данной технологии:

- 1) «обучение в команде»;
- 2) «мозаика» («ажурная пила»);
- 3) «ролевая игра»
- 4) «учимся вместе».

1. «Обучение в команде», прежде всего, направлено на создание благоприятных условий для активной работы студентов в группах. По мнению И. Ю. Щемелевой, данный метод обучения сводится к трем основным принципам:

1) «награда»: команда получает одно на всех «поощрение» в виде оценки совместной деятельности;

2) индивидуальная ответственность: понимая, что успех всей команды зависит от вклада каждого ее представителя, студенты вынуждены как можно активнее взаимодействовать в микрогруппах и помогать друг другу;

3) равные возможности для достижения успеха, каждый студент имеет возможность заработать очки для своей группы [3, с. 26].

2. Реализуя метод «мозаика» («ажурная пила»), преподаватель объединяет студентов в команды по четыре-шесть человек, которые впоследствии работают над учебным материалом, распределенным на смысловые блоки, каждая команда работает со своим фрагментом текста. Через некоторое время (10-15 минут или более, в зависимости от сложности предоставляемого материала, вида урока и т. д.) предварительно назначенные эксперты по сигналу преподавателя переходят в другие микрогруппы, где сообщают о результатах своей работы и сами получают недостающую информацию. Этот вид обучения в сотрудничестве целесообразно использовать в процессе работе с узкоспециализированными / узколингвистическими текстами и позволяет задействовать все виды речевой деятельности: аудирование, письмо, чтение и говорение. При этом важно, реализуя принцип дифференциации, выбрать текст, подходящий по уровню сложности и грамотно распределять задания между учащимся/студентами.

3. В процессе ролевой игры группа делится на небольшие команды, студентам / учащимся предлагаются коммуникативные ситуации, максимально приближенные к естественным, распределяются роли. Данный метод предлагает множество различных возможностей для практики иноязычного общения, развивает творческое и критическое мышление (предусматривает постановку и решение проблемных задач). Внутри группы студенты самостоятельно распределяют роли и задания между собой, каждый участник несёт ответственность за выполнение своей задачи.

4. «Учимся вместе» предусматривает разделение группы из трех-четырёх человек, которые могут быть как достаточно однородными, так и различными по уровню владения иностранным языком. Во втором случае студенты с более высоким уровнем иностранного языка будут вынуждены помогать более «слабым» студентам так как от каждого зависит результат совместной работы. Соответственно, можно выделить следующие преимущества использования метода: побуждает к взаимопомощи и взаимобучению, развивает навыки взаимоконтроля [4, с. 29].

Чтобы применение данных методов в обучении иностранному языку было эффективным, необходимо на постоянной основе включать его в образовательный процесс, грамотно распределять роли между обучаемыми, контролировать то, как они выполняют задания в микрогруппах.

Предыдущее исследование было посвящено использованию технологии «Обучение в сотрудничестве» в ходе изучения временных отношений в китайском языке», в данной статье рассматривается использование выше-названной технологии на занятии «Эффект прошедшего времени». Данная тема является узко-лингвистической и затрагивает достаточно сложное синтаксическое явление китайского языка. Следовательно, если излагать данный материал в лекционном формате либо в форме фронтальной работы с группой, маловероятно, что студенты смогут быстро им овладеть. По этой причине предлагается использовать технологию «Обучение в сотрудничестве», и в частности, метод «мозаика», распределяя фрагменты текстов между всеми обучаемыми, что позволяет экономить время и активизирует деятельность студентов.

План занятия

1. Преподаватель вводит понятие «Эффект прошедшего времени», под которым понимается временной промежуток, возникающий между двумя или более процессами в прошлом [5, с. 165]. На занятии рассматриваются такое процедуральное синтаксическое средство создания эффекта прошедшего времени в китайском языке, как комбинация полусуффиксов 了 (-le).

2. Предъявляются примеры, иллюстрирующие создание эффекта прошедшего времени в китайском языке: *他会见了外国朋友, 并设宴招待了他们* («Он встретил иностранных друзей и устроил в их честь банкет»). *他给了我一本书, 一支钢笔, 此外还给了我一些钱* («Он дал мне книгу, ручку и вдобавок немного денег») [6].

3. Демонстрируется образец анализа фрагментов, иллюстрирующих создание эффекта прошедшего времени: «одни процессы в прошлом («встретил иностранных друзей», «дал ручку») предшествуют другим («устроил в их честь банкет», «дал немного денег»). Ёгены 见 («встречать») и 给 («давать») благодаря наличию полусуффиксов 了 (-le), содержат информацию о завершённости процессов в прошлом. Эффект прошедшего времени создан комбинацией данных служебных языковых знаков.

4. Студентов распределяют по «станциям», представители каждой из которых выполняют определенную задачу:

а) прочитать текст и выявить примеры, иллюстрирующие создание эффекта прошедшего времени;

б) выписать новые слова, встречающиеся в тексте;

в) выявить активную лексику и т. д.

5. Студенты систематизируют анализ выявленных синтаксических явлений, распределяют найденные новые слова и активную лексику по лексико-семантическим группам, преподаватель следит за работой, выслушивает ответы студентов, делает комментарии (10-15 минут).

6. Назначенные эксперты по одному переходят на другие станции, сообщают о результатах работы своей команды и записывают информацию, полученную от своих коллег.

Упражнения и другие материалы, выполненные на материале данной статьи, планируется разместить на Telegram-канале «Китайский язык в срезе современности [7].

Таким образом, план занятия «Эффект прошедшего времени», составленный с использованием технологии «Обучение в сотрудничестве» (метода «мозаика») состоит из следующих этапов: объяснения значения понятия «Эффект прошедшего времени», иллюстрации теоретического объяснения примерами, работы в группах, обмена знаниями и подведения итогов. Благодаря использованию вышеназванной методики изучение синтаксических явлений происходит быстрее, чем в процессе фронтальной работы с преподавателем в силу следующих причин: за счёт распределения ролей и обязанностей, расходуется меньше времени и обеспечивается более активная включенность всех обучаемых в образовательный процесс; более «сильные» студенты помогают более «слабым», поскольку от каждого участника зависит результат работы всех членов команды.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Якимович И. Г. Технология обучения в сотрудничестве на практических занятиях в вузе // Вопросы методики преподавания в вузе. 2015. №4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-obucheniya-v-sotrudnichestve-na-prakticheskikh-zanyatiyah-v-vuze> (дата обращения: 20.11.2023).
2. Chepurnaya A. I., Chvalun R. V., Grudeva E. A. Cooperative learning of foreign languages: high school experience // Аграрный вестник Северного Кавказа. 2016. №51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cooperative-learning-of-foreign-languages-high-school-experience> (дата обращения: 20.11.2023).
3. Щемелева И. Ю. Применение инновационных методов обучения иностранным языкам в школе: учебно-методическое пособие. Орск, Издательство ОГТИ, 2009. 118 с.
4. Фахретдинова Г. Н. Технология обучения в сотрудничестве в преподавании иностранных языков в неязыковом вузе // Казанский вестник молодых учёных. 2018. №5 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-obucheniya-v-sotrudnichestve-v-prepodavanii-inostrannyh-yazykov-v-neyazykovom-vuze> (дата обращения: 22.11.2023).
5. Гибкий П. В. Эффект прошедшего времени в китайском языке // Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов университета, 25-29 апр. 2022 г. : в 4 ч. Ч. 4 / отв. ред. Н. Е. Лаптева. Минск: МГЛУ, 2022. С. 165 – 166. URL: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/11228> (дата обращения: 17.05.2023).
6. БКРС. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 24. 11. 2023).
7. Гибкий П. В. Китайский язык в срезе современности. URL: <https://t.me/gibkayanauka> (дата обращения 23.03.2023).

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ УЧЕБНО-ПРОГРАММНОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ»

В статье рассматривается опыт разработки учебной программы «Семиотика культуры» для студентов 4 курса переводческого факультета Минского государственного лингвистического университета (иностранный отдел). Учебная дисциплина «Семиотика культуры» является составной частью лингвистической подготовки специалистов по межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: семиотика культуры, учебная программа, межкультурная коммуникация, культура и язык, семиотика общения, технологии.

The article discusses the experience of developing the curriculum «Semiotics of Culture» for 4th year students at the translation faculty of Minsk State Linguistic University (foreign department). The academic discipline «Semiotics of Culture» is an integral part of the linguistic training of specialists in intercultural communication.

Key words: semiotics of culture, curriculum, intercultural communication, culture and language, semiotics of communication, technologies.

В течение продолжительного времени изучение этноязыков и этнокультур происходило на основе разных понятийно-терминологических парадигм. Освоение одних языков и культур носителями других языков и культур направлено на установление межкультурной коммуникации, так как ни отдельный человек не может жить изолированно, ни отдельно взятая культура не может развиваться обособленно от других культур.

Каждый язык и культура являются носителями какой-либо информации, обмен информацией порождает коммуникацию. Информация носит знаковый характер и передается при помощи знаков. Это позволяет нам рассматривать межкультурную коммуникацию с позиции универсальной науки семиотики [1, с. 99].

Для формирования способности и готовности осуществлять межкультурную коммуникацию на основе семиотического анализа культурологических единиц и явлений для студентов переводческого факультета (иностранный отдел), будущих специалистов в области внешнеэкономических связей, разработана учебная программа «Семиотика культуры» учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности: 1-23 01 02 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций» (по направлениям) направление специальности 1-23 01 02-05 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций» (внешнеэкономические связи)), (составители Т.И. Свистун, заведующий кафедрой теории и практики английского языка учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет», кандидат филологических

наук, доцент и Т. Г. Дементьева, доцент кафедры теории и практики английского языка учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет», кандидат филологических наук, доцент). Учебная программа утверждена 15 марта 2023 года. Регистрационный № УД-294/02/68-П.

Учебная дисциплина «Семиотика культуры» является составной частью лингвистической подготовки специалистов по межкультурной коммуникации.

Основными задачами изучения учебной дисциплины являются: формирование у студентов представлений о семиотике культуры как науке, ее связях с другими науками и о базовых единицах языка культуры; ознакомление со знаковыми способами выражения единиц языка культуры и принципами взаимодействия естественного языка и языка культуры в функциональном плане; формирование навыков определения полисемиотической структуры текстов, написанных на разных языках культуры; формирование навыков обобщения в одной научной парадигме понятия о культурно-историческом типе и семиосфере как знаковом пространстве; совершенствование навыков анализа причин коммуникативных неудач в сфере межкультурного общения и развития умений формулировать рекомендации по семиотическим способам их преодоления.

В системе подготовки специалистов с высшим образованием в соответствии с учебным планом направления специальности 1-23 01 02-05 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (внешнеэкономические связи)», учебная дисциплина «Семиотика культуры» является составным компонентом модуля «Культурологические основы коммуникации» государственного компонента.

В общей системе профессиональной подготовки специалистов по межкультурным коммуникациям содержание учебной дисциплины «Семиотика культуры» базируется на знании учебной дисциплины «Культурология».

Знание учебной дисциплины «Семиотика культуры» необходимо для изучения следующей учебной дисциплины «Культурный контекст профессионального общения».

В результате изучения учебной дисциплины «Семиотика культуры» студенты должны **знать**: знаковые способы выражения единиц языка культуры; принципы взаимодействия естественного языка и языка культуры в функциональном плане; причины и результаты неравномерного развития национальных семиосфер; семиотические способы нейтрализации негативного воздействия этностереотипов в процессе межкультурного общения.

Студенты должны **уметь**: определять полисемиотическую структуру текстов, написанных на разных языках культуры; объяснять особенности семиотического поведения людей-носителей разных культурных ценностей; анализировать причины неудач в сфере межкультурного общения и формулировать рекомендации по семиотическим способам их предупреждения и преодоления.

Студенты должны *владеть*: методами анализа этнического самосознания; приемами выявления культурологических единиц.

В соответствии с образовательным стандартом по специальности 1-23 01 02 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (по направлениям)» изучение учебной дисциплины должно обеспечить формирование универсальной компетенции: работать в команде, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные, культурные и иные различия.

В соответствии с учебным планом направления специальности 1-23 01 02-05 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (внешнеэкономические связи)», общее количество часов, отводимое на изучение учебной дисциплины «Семиотика культуры», составляет 90 академических часов, из них количество аудиторных часов составляет 36 часов (20 часов лекционных и 16 часов семинарских занятий). Самостоятельная работа студентов планируется в объеме 54 академических часов.

Студентам 4 курса переводческого факультета (иностранный отдел) предлагается изучение следующих тем и разделов:

1) Семиотика как наука и ее связь с другими науками (Назначение и возможности семиотики. Биологические, культурные и искусственные семиотики. Одноуровневые и многоуровневые семиотики. Понятие о знаке. Отличие языкового знака от знаков, применяемых в семиотиках культуры. Междисциплинарный характер семиотики культуры и ее место среди гуманитарных наук).

2) Исторические этапы становления семиотики культуры (Античное осмысление знаков и знаковых систем. Основные этапы становления науки. Платон и его диалог «Кратил, или о Правильности имени (теория «тесей» и «фюсей»)). Основоположники современной семиотики).

3) Основные школы современной семиотики культуры (Французская школа (К. Леви-Стросс, Ван Геннеп, Р. Барт). Итальянская школа (У. Эко). Франкфуртская и московско-тартуская школы (Ю.М. Лотман)).

4) Языки семиотики (Язык запахов, пищи, поз и жестов, язык одежды).

5) Культура и язык (Трактовка культуры в истории культурологических знаний. Взаимосвязь языка и культуры. Диалог культур. Этнолингвистика. Лингвокультурология).

6) Базовые единицы языка культуры (Культурема как комплексная единица языка культуры. Лингвокультуремы. Безэквивалентные единицы и лакуны. Фразеологизмы как языковые носители национальной культуры).

7) Семиотика культуры в функциональном аспекте (Семиотические функции языка культуры. Коммуникативная и познавательная функции; побудительная, или регулятивная, функция; экспрессивная (эмоционально-экспрессивная) функция; метаязыковая функция, фатическая (контактоустанавливающая) функция, эстетическая функция, креативно-моделирующая функция).

8) Знаковые системы культуры (Танец как самое древнее из искусств. Язык танца как семиотическая система. Театр как сумма знаковых систем. Музыка как самое чувственное из искусств. Структура языка музыки. Кино как «текст культуры». Язык кино как семиотическая система).

9) Язык и семиотика общения (Понятие коммуникативной и речевой ситуации. Официальный и неофициальный характер общения. Коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный ход. Роль невербальных средств общения в межличностной коммуникации. Универсальные и национально-специфические невербальные средства общения. Особенности речевой коммуникации. Принцип кооперации Г. П. Грайса. Принцип вежливости Дж. Лича и его максимы. Культурные конфликты и семиотические способы их преодоления. Принцип оптимистического настроения коммуникантов (принцип Поллианны)).

В ходе преподавания учебной дисциплины используются информационно-коммуникационные технологии (технология дистанционного обучения) и личностно-ориентированные технологии (технологии "коллективного взаимообучения", технология коммуникативная (дискуссионная) и технология рефлексивная).

Образовательный процесс по учебной дисциплине «Семиотика культуры» может быть организован в удаленном режиме по технологии онлайн-обучения, в том числе в комбинированном формате, в соответствии с требованиями Положения об организации образовательного процесса с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, утвержденным 24.01.2020 № 123а.

Для организации образовательного процесса в удаленном режиме используются информационно-коммуникационные технологии в системе электронного обучения Moodle и ресурсы видеоконференций (Zoom, BigBlueButton), а также образовательные платформы МГЛУ «E-learning» и «МГЛУ-тест», программная оболочка iSpring и др.

Содержание самостоятельной работы студентов и формы контроля отражены в учебно-методической карте и графике самостоятельной работы, которые утверждаются заведующим кафедрой на учебный семестр. Учебно-методические и учебные материалы для выполнения самостоятельной работы размещаются в системе электронного обучения Moodle.

Студентам предлагается следующий перечень заданий для осуществления самостоятельной работы: выполнение тематических мини-тестов, выполнение электронных тестов в Moodle, подготовка тематических докладов и презентаций, составление тематической подборки информационно-справочных интернет-источников, составление тематических глоссариев.

Для контроля выполнения самостоятельной работы студентов разрабатывается и формируется фонд оценочных средств, который включает: проверку тематических мини-тестов, проверку тематических глоссариев,

проверку электронных тестов в Moodle, проверку составления тематической подборки информационно-справочных интернет-источников, проверку тематических докладов и презентаций.

Итоговая диагностика результатов учебной деятельности студентов по учебной дисциплине «Семиотика культуры» осуществляется в ходе промежуточной аттестации, которая проводится в соответствии с Положением о рейтинговой системе оценки учебных достижений студентов в МГЛУ, утвержденным 03.06.2013 г. №45.

В соответствии с учебным планом специальности 1-23 01 02-05 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (внешнеэкономические связи)» формой промежуточной аттестации по учебной дисциплине «Семиотика культуры» является экзамен по завершении изучения учебной дисциплины в VII семестре, на 4 курсе.

Промежуточная аттестация может проводиться в удаленном формате с использованием технологий онлайн-обучения. Промежуточная аттестация в удаленном формате осуществляется на основании приказа ректора и в соответствии с Методическими рекомендациями по организации текущей аттестации в удаленном онлайн-формате, утвержденными 18.12.2020.

На экзамен выносятся материал, изученный на протяжении всего курса освоения учебной дисциплины. Экзамен включает выполнение двух заданий:

- 1) устный ответ на теоретический вопрос;
- 2) выполнение практического задания.

Таким образом, содержание учебной дисциплины «Семиотика культуры», которое нашло свое отражение в представленной учебной программе по данной дисциплине, формы контроля и технологии обучения направлены не только на приобретение обучающимися теоретических знаний, практических умений и навыков, необходимых для освоения специальности, но и на развитие ценностно-личностного, духовного потенциала обучающихся, формирование у них гражданско-патриотических качеств, готовности к активному участию в экономической, социально-культурной и общественной жизни страны.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. И. В. Дукальская Роль семиотического подхода в рамках реализации межкультурной и лингвокультурной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филологические науки. 2018. Вып. 114. № 10 (420). С. 99–103.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ МУСУЛЬМАНСКИМИ СТУДЕНТАМИ

В данной статье рассматривается социокультурный аспект обучения русскому языку как иностранному мусульманскими студентами. Автор исследует специфику культурной адаптации студентов из стран, где преобладает ислам, и выявляют особенности, связанные с религиозными, культурными особенностями этих студентов. В статье проанализированы трудности, с которыми сталкиваются мусульманские студенты в процессе изучения русского языка и предложены рекомендации для преодоления этих трудностей. Статья может быть полезна преподавателям, которые занимаются обучением русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: Социокультурный аспект; рки; традиция; обычай; культура; ислам; пасха; рамадан; байрам; межкультурный диалог.

This article examines the socio-cultural aspect of teaching Russian as a foreign language by Muslim students. The author explores the specifics of the cultural adaptation of students from countries where Islam predominates, and reveals the features associated with the religious and cultural characteristics of these students. The article analyzes the difficulties faced by Muslim students in the process of learning the Russian language and offers recommendations for overcoming these difficulties. The article may be useful for teachers who teach Russian as a foreign language.

Key words: sociocultural aspect; rki; tradition; custom; culture; islam; easter; ramadan; bayram; intercultural dialogue.

Русский язык, являющийся одним из наиболее распространенных и влиятельных языков мира, привлекает все больше и больше людей, принадлежащих к различным культурам, религиям и этническим группам, включая мусульман. Ислам является одной из самых распространенных религий в мире, и многие из его последователей стремятся изучать русский язык, чтобы расширить свои возможности в области образования, работы и культурного обмена. Каждый язык несет в себе историю, традиции, обычаи и ценности своего народа. Когда студенты изучают русский язык, они открывают перед собой двери к богатой российской культуре. Это позволяет им понимать не только структуру языка, но и контекст, в котором он используется.

Одной из главных причин, по которой мусульмане изучают русский язык, является наличие широкого спектра русскоязычной литературы и научных работ по религиозным и философским темам. Многие мусульманские ученые и исламские богословы стремятся изучать такие работы на родном языке, чтобы лучше понимать и испытывать глубину контента. Кроме того, русский язык также предоставляет мусульманам возможность осуществлять обмен знаниями и культурой с носителями языка. Например, мусульманские студенты из разных стран могут совершать обмены или учиться в российских университетах, где они смогут познакомиться с русской культурой и языком более близко.

С другой стороны, русский язык как иностранный также представляет свои уникальные вызовы для мусульманских студентов. Русский язык характеризуется сложной грамматикой, необычным произношением и широким словарным запасом. Это может потребовать дополнительного времени и усилий для его освоения.

Изучение русского языка может быть сложным и для студентов, для которых это не родной язык. Русский алфавит отличается от арабского, поэтому мусульманским студентам может быть сложно освоить новую систему. Кроме того, русский язык имеет звуки, которые отсутствуют в арабском языке, такие как "щ", "ы" и "э". Для преодоления этой трудности рекомендуется уделить особое внимание грамматике и правилам произношения, а также прослушивать русскую речь и практиковать произношение этих звуков.

Русская грамматика имеет свои особенности, такие как склонение, спряжение, падежи и т. д., которые мусульманским студентам могут быть сложными для освоения. Постоянная работа над грамматикой и осознание правил поможет улучшить уровень владения языком. Регулярное выполнение грамматических упражнений и общение на русском языке с носителями языка способствует повышению уровня грамматической грамотности.

Социокультурный аспект при обучении русскому языку как иностранному имеет ключевое значение, поскольку язык является неразрывно связанным с культурой и обществом. Он включает в себя изучение не только грамматики и лексики русского языка, но и различных аспектов культуры, традиций, обычаев и социальных норм.

Социокультурный аспект при РКИ включает в себя анализ социальной и культурной среды студентов, их ценностей, обычаев, норм и традиций, а также социальных взаимодействий и отношений. При обучении РКИ необходимо учитывать многообразие культурных и религиозных убеждений студентов. Преподаватель РКИ должны быть готовы адаптировать свои методы обучения, чтобы быть инклюзивными и учитывать разнообразие студентов.

Социокультурный аспект включает в себя межкультурное общение и взаимодействие между студентами разных культур. Это создает возможность для обмена знаниями, идеями и опытом, что способствует более глубокому пониманию других культур и развитию толерантности и уважения к ним.

Социокультурный аспект также включает изучение и понимание культурных деловых норм и протокола в России, социальных обычаев и традиций, праздников и общественных празднеств, роли и значения идиом, пословиц и поговорок в русском обществе. Важно учить студентов применять языковые навыки в реальных социальных ситуациях и развивать их межкультурные коммуникационные навыки [1,2].

Изучение социальных обычаев и традиций также является важным аспектом обучения русскому языку как иностранному. Например, русские отмечают такие праздники, как Новый год и Пасху. Знание этих обычаев и умение участвовать в них может помочь иностранным студентам лучше интегрироваться в русское общество. Изучение праздников и общественных празднеств дает студентам представление о важных событиях в русской истории, культуре и религии. Например, День Победы отмечается в России в честь окончания Второй мировой войны, а Масленица является традиционным русским праздником перед Великим постом [3]. Для изучения и сравнения социальных обычаев и традиций можем дать тест для чтения:

Рамадан	Пасха
<p>Рамадан — это месяц поста и молитвы в исламе. В этот месяц мусульмане по всему миру воздерживаются от пищи и напитков в течение светлой части дня и проводят больше времени на молитве, чтении Корана и делая благие дела. В течение месяца Рамадан верующие мусульмане отказываются от многих удовольствий, чтобы привлечь своё внимание и усилить свою духовность. Утренние и вечерние молитвы проводятся в группах в мечетях. В этом месяце также проводится молитва Таравих, которая проходит после вечерних молитв и выполняется вместе с сообществом. Концом Рамадана является праздник Ид аль-Фитр, который отмечается праздничным столом и молитвой вместе с семьей и друзьями. В этот день мусульмане также делают садака, добрые дела и подарки нуждающимся.</p>	<p>В этот день верующие отмечают торжественные богослужения в церкви, где они вспоминают и празднуют воскрешение и подтверждают свою веру. Церкви украшены цветами и свечами, а пастыри проповедуют историю и значение воскрешения. Одной из важных традиций Пасхи является поедание особого блюда, такого как пасхальные яйца и пасхальная выпечка. Кроме того, многие верующие принимают участие в благотворительных акциях и оказывают помощь тем, кому это необходимо.</p>

Важно отметить, что оба поста способствуют укреплению веры и созданию более глубокого понимания религиозных учений для мусульман и христиан.

Обучение русскому языку как иностранному с учетом социокультурного аспекта помогает студентам лучше понять русскую культуру, народные традиции и особенности мышления. Это способствует развитию их культурной компетенции и способности эффективно общаться и взаимодействовать с носителями русского языка в различных социальных ситуациях.

Социокультурный аспект при обучении русскому языку как иностранному укрепляет связь между языком и культурой, помогая студентам осознавать и уважать различия и сходства между своей собственной культурой и русской культурой. Это способствует более глубокому и контекстуальному пониманию русского языка и обеспечивает более успешное взаимодействие в русскоязычной среде[4].

Учет культурных фонов студентов способствует созданию инклюзивной учебной среды. Когда преподаватель ориентируется на разнообразие культур и представлений студентов, это помогает им чувствовать себя принятыми и уважаемыми. Инклюзивность способствует лучшей мотивации студентов и их активному участию в учебном процессе. Соотнося культурные фоны студентов, мы также проявляем уважение к разнообразию. Это важное качество в современном образовании, которое способствует формированию у студентов толерантности и понимания различий. Обучение русскому языку может стать мостом, соединяющим разные культуры и нации, и уважение к культурным особенностям способствует этому процессу.

Опора на многообразие культурных фонов студентов при обучении русскому языку как иностранному является ключевым аспектом успешного обучения, что способствует созданию инклюзивной среды, адаптации к различным уровням знаний, уважению к разнообразию и интеграции культурных аспектов в учебный процесс. Такой подход не только обогащает образовательный опыт студентов, но и способствует более глубокому и продуктивному изучению русского языка как иностранного. Когда студенты видят, что их культурный опыт учитывается в учебном процессе, они чувствуют себя более мотивированными и заинтересованными в обучении. Это может способствовать более высоким результатам и активному участию в классах.

Для того чтобы создать истинно инклюзивную образовательную среду, необходимо учитывать мусульманские традиции, обычаи и верования, которые могут оказать влияние на обучение и адаптацию студентов. Мусульманские студенты могут столкнуться с рядом особых культурных и религиозных аспектов, которые важно учитывать в учебном процессе:

1. Религиозные обязанности: В исламе есть религиозные обязанности, такие как молитвы и пост в месяц Рамадан. Мусульмане исполняют пятикратные молитвы в течение дня. Образовательные учреждения могут предоставить студентам время и место для выполнения молитв. Российские университеты дают светское образование, поэтому университеты не выделяют отдельное помещение для молитвы. Были случаи, когда студент - мусульманин совершал намаз во время перерыва в классе. В одном топовом университете Москвы, который считается флагманом РКИ, когда студент молился в уголке коридора почти незаметном месте заместитель декана по учебной части сделал строгое замечание и запретил студенту - мусульманину молиться в помещении университета. Когда студент-мусульманин спросил заместителя декана по учебной части, почему она не запрещает латинским

студентам публично целоваться в коридоре на диване. Ответа на свой вопрос студент не получил, так как заместитель декана по учебной части (она также является заведующей кафедрой русского языка как иностранного), приказным тоном запретила ему молиться, непослушание грозит отчислением из университета. Хотя мы говорим, что преподаватель РКИ может учесть религиозные обязанности, предоставив студентам необходимое время и место для их выполнения. Подход, основанный на уважении и понимании культурных различий, способствует более успешному обучению.

2. Диетические ограничения: Мусульмане придерживаются определенных диетических ограничений, включая запрет на употребление свинины и алкоголя.

3. Уважение к священным текстам: Коран считается священным текстом, и студентам следует предоставить возможность учиться и читать его в соответствии с их религиозными обычаями.

4. Соблюдение святых дней и праздников: важно учитывать священные дни и праздники мусульман, такие как Ид аль-Фитр и Ид аль-Адха, и, при необходимости, предоставлять студентам возможность отсутствовать на занятиях в эти дни.

Уважение к мусульманским традициям, обычаям и верованиям в процессе обучения РКИ является не только актом культурного уважения, но и неотъемлемой частью создания инклюзивной образовательной среды. Этот подход способствует успешному обучению и помогает студентам мусульманской веры чувствовать себя членами образовательного сообщества, где их уникальность и культурный багаж приветствуются и уважаются.

Таким образом, социокультурный аспект является важным аспектом в процессе обучения русскому языку как иностранному мусульманскими студентами. Религиозные и культурные особенности этих студентов должны учитываться преподавателями, чтобы создать комфортную и благоприятную обучающую среду.

Важно понимать, что мусульманская культура имеет свою специфику и особенности, которые могут сказываться на процессе усвоения языка. Преподавателям необходимо быть готовыми к работе с разнообразными культурными контекстами и обеспечивать равноправное обучение для всех студентов.

Более того, понимание социокультурных аспектов мусульманской культуры может привести к более глубокому взаимопониманию и уважению студентов друг к другу, что будет способствовать формированию толерантного и инклюзивного образовательного процесса, где каждый студент может чувствовать себя принятым и уважаемым.

Однако, чтобы в полной мере использовать потенциал социокультурного аспекта в обучении русскому языку, необходимо провести дальнейшие исследования и разработать специальные методики и материалы. Это позволит преподавателям эффективно интегрировать социокультурные аспекты в свою практику и достичь оптимальных результатов обучения для мусульманских студентов.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов А. Л., Кожевникова М. Н. Роль культурологического аспекта обучения в процессе социокультурной адаптации иностранных учащихся. На примере учебного пособия «Из истории русской культуры» // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 205–212.
2. Хамраева Е. А., Кожевникова М. Н., Рязова О. Ю., Юдушкина О. В. Формирование социокультурной среды средствами лингвострановедческого контента при обучении РКИ // Наука и школа. 2021. № 6. С. 162–172.
3. Исмаилова Х. Э. Внеаудиторная работа как средство формирования толерантности. В сб.: Актуальные проблемы методики обучения РКИ в условиях модернизации. М., МГПУ. 2011. С. 147–150.
4. Володина Д. Н. Формирование социокультурной компетенции на уроках русского языка как иностранного (сфера делового общения) // Молодой ученый. 2011. № 7 (30). Т. 2. С. 83–86.

М. А. Комарова (Минск, Беларусь)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается понятие этнокультурной сообразности в построении структурно-содержательного компонента образовательного процесса по иностранному языку в контексте формирования поли- и этнокультурной личности. Автор приходит к выводу, что этнокультурный компонент в лингводидактике обусловлен как универсальными реалиями сталкивающихся культур, так и контрастирующими особенностями последних, что и должно предопределять учебный контент современных учебно-методических комплексов.

Ключевые слова: поликультурная и этнокультурная личность; этническая культуросообразность; учебный контент.

The article examines the concept of ethnocultural conformity in the construction of the structural and content component of the educational process in a foreign language in the context of the formation of a multi- and ethnocultural personality. The author comes to the conclusion that the ethnocultural component in linguodidactics is determined both by the universal realities of colliding cultures and by the contrasting features of the latter, which should predetermine the educational content of modern educational and methodological complexes.

Key words: multicultural and ethnocultural personality; ethnic cultural conformity; educational content.

Антропоцентрическая парадигма современного образования не только диктует определенные правила его учебно- и организационно-методической составляющим, но и призвана императивно обусловить структурно-содержательный компонент последнего. Лингводидактика в равной, а, может быть, и в большей степени подвержена этому процессу в связи с целеполаганием формирования поликультурной личности, готовой вступать в межкультурное взаимодействие с носителями иных культур. А. Валеева и Н. Богданова

обоснованно отмечают, что сегодня «владение иностранным языком рассматривается как элемент общей культуры, посредством которого личность приобщается к мировой культуре» [1, с. 87]. При этом межкультурное общение может быть реализовано только как диалог культур, который взаимно обогащает и способствует лучшему взаимному познанию. Не вызывает сомнения факт, что одним из тематических блоков, которым необходимо обучить студента на иностранном языке, является блок родной культуры, поскольку именно она будет интересна в реальной ситуации общения партнеру по коммуникации. Белорусские студенты, в том числе в своей будущей профессиональной деятельности, так или иначе будут выступать трансляторами своей культуры, ее популяризаторами и пропагандистами, если будут готовы выражать на иностранном языке свое отношение к тому, что их окружает, что им близко, чем они гордятся в родной культуре и чем готовы поделиться со своими партнерами по общению.

Между тем, впечатляющему количеству учебников и учебных пособий, предлагающих для изучения особенности национальной культуры носителей изучаемого иностранного языка, противостоят лишь фрагментарные материалы об этнокультурных реалиях родной страны.

Лингвокультурологи отмечают, что при интеркультурных контактах коммуникант проходит ряд этапов: нулевая фаза, адаптация, вживание в культуру, этап равновесия и адаптация «по возвращению». Восприятие иной культуры, по мнению Р. Хенви, «глазами» ее носителя возникает тогда, когда у субъекта коммуникации развивается способность к эмпатии в различных социокультурных ролях в контексте своей культуры. Парадоксально, но опыт показывает, что прекрасно разбирающиеся в реалиях стран изучаемого иностранного языка студенты едва ли готовы интерпретировать аналогичные реалии своей культуры. Этот феномен предопределил возникновение в лингводидактике понятия «этнической культуросообразности».

Принцип «обучай культуросообразно», сформулированный А. Дистервегом, означает обучение в контексте культуры, ориентацию образования на культурные ценности, на освоение ее достижений и их воспроизводство, на принятие социокультурных норм и включение человека в их совершенствование. Причем, в отличие от культурологического и лингвострановедческого подходов, предполагающих включение в образовательный процесс культурологической информации, ее творческое осмысление и сравнение с фактами родной культуры, этот принцип означает построение всего образовательного процесса с учетом основных характерных черт этнокультуры обучаемых, что будет несомненно способствовать формированию зрелой этнокультурной личности средствами иностранного языка.

Обзор источников по теме этноориентированного обучения позволяет констатировать попытки многих исследователей инкорпорировать указанный компонент в учебный контент отдельных сфер профессиональной подготовки. Среди них Е. Невмержицкая, Н. Богданова, А. Валеева, Т. Басанова,

О. Сухих, А. Ооржак и др. Однако глубокой научной трактовки этот компонент обучения иностранным языкам не получил. Исключение составляет только обучение русскому языку в качестве иностранного.

Опираясь на популярную сегодня технологию педагогического дизайна, учитывающей, по мнению С. Асанова и Г. Акименко «потребности студентов, приоритетные цели и задачи образовательного процесса высшей школы, апробацию и эмпирическое обоснование результативности выбранной стратегии обучения» [2, с.4], был реализован опрос студентов с целью выявления фактов и реалий белорусской культуры, которыми они хотели бы поделиться со своими гипотетическими зарубежными партнерами по коммуникации. Кроме общеизвестных историко-культурных достопримечательностей страны респонденты называли традиции, блюда и напитки, красивые пейзажи и природу. Вне поля зрения студентов остались социокультурные особенности нашей страны, национальный белорусский характер, знаменитые белорусы, семейные традиции, виды отдыха и досуга, интерактивные музеи и театры.

Между тем, под этнокультурной личностью следует подразумевать человека-носителя культуры, «способного идентифицировать и сохранять свою самобытность, приобщаясь к ценностям и традициям других культур» [3, с.6]. В рамках лингводидактики эта мысль вписывается в целеполагание изучения иностранного языка. Таким образом, этнокультурный компонент обучения иностранному языку подразумевает единую систему развития личности, в которой обучение и воспитание реализуются с помощью родной культуры и культуры изучаемого языка.

Учебный контент пособий и учебников по иностранному языку, в котором факты и реалии культуры изучаемого языка представляются параллельно с фактами и реалиями родной культуры, будет способствовать формированию этнокультурной и одновременно поликультурной личности. Имеющиеся сегодня в распоряжении преподавателей французского языка учебники и пособия для вузов этому критерию не соответствуют, они являются зачастую маргинальными в пользу культуры страны изучаемого языка и ассиметричными, поскольку родная культура представлена в них в лучшем случае только фрагментарно.

Одно из решений обозначенной проблемы связано, на наш взгляд, с последовательной репрезентацией в учебных материалах как универсальных, так и аутентичных составляющих культурного наследия в образовательном процессе. В этой связи необходим рациональный отбор качественных материалов поли- и этнокультурного характера с ориентированием на диалог культур, определение способов реализации отобранных материалов в образовательной среде вуза с учетом контингента обучающихся и их будущей профессиональной деятельности. Отдельно следует определить этнические константы и этнокультурные единицы учебных материалов, их когерентность по тематике и востребованности, способную обеспечить релевантное восприятие ценностно-смысловых ориентиров и сформировать жизненные и профессиональные установки и идеалы личности.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валеева А. Ф. Этнокультурный аспект в обучении иностранным языкам в полиэтническом регионе / А. Ф. Валеева, Н. Р. Богданова // Наука и современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 октября 2021 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.), 2021. С. 86–90.
2. Асанов С. А., Акименко Г. В. Педагогический дизайн и педагогическое проектирование как эффективные технологии организации образовательного процесса в вузе / С. А. Асанов, Г. В. Акименко // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2020. № 8(44). С. 4.
3. Невмержицкая, Е. В. Этноориентированная методика обучения иностранному языку в системе среднего профессионального образования: автореф... дис. докт. пед. наук. М.: 2011. 51с.

Е. А. Конева (Курск, Россия)

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВОГО КОЛЛАЖА НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Современное развитие образовательной системы сопровождается поиском новых путей реализации информационных технологий на практике. Широкое распространение в методике преподавания иностранных языков получил прием коллажирования. Цифровой коллаж как средство обучения может быть эффективно использован как в рамках дистанционного обучения, так и при самостоятельной работе в очном формате. В качестве основы для создания цифрового коллажа высокий потенциал демонстрирует онлайн-сервис Jamboard.

Ключевые слова: цифровой коллаж; дистанционное обучение; онлайн-сервис Jamboard; информационные технологии; преподавание иностранных языков.

The modern development of the educational system is accompanied by the search for new ways to implement information technologies in practice. The collage technique is widely used in foreign language teaching methodology. Digital collage as a teaching tool can be effectively used both in the framework of distance learning and in independent work in the face-to-face format. The online service Jamboard demonstrates high potential as a basis for creating a digital collage.

Key words: digital collage; distance learning; online service Jamboard; information technology; language teaching.

На сегодняшний день невозможно представить систему высшего образования без активного внедрения в образовательный процесс информационных технологий. Цифровые технологии – это реалии сегодняшнего дня. Еще двадцать лет назад работа с компьютером сводилась только лишь к набору текста в формате Word, созданию презентации в Power Point и поиску информации в сети Интернет. Жизнь современного человека не

обходится без информационной среды. Скоростной ритм жизни требует получения актуальной информации в кратчайшие сроки. Особенно актуально использование информационно-коммуникационных технологий в системе образования. Применительно к системе высшего образования мы можем говорить об использовании электронных учебников, обучающих компьютерных программ, электронных досок. Период пандемии коронавируса подчеркнул необходимость дальнейшей работы по внедрению информационных технологий в образовательный процесс. В этот период особенно остро встал вопрос о системе дистанционного и онлайн-образования. В связи с чем активное распространение в вузах получила электронная информационная образовательная среда (ЭИОС). Популярность приобрели и системы оперативного общения, к которым можно отнести чаты, видеоконференции, вебинары. Неотъемлемой составляющей комфортной работы во время занятия помимо видеообщения является интерактивная доска.

Широкое распространение в образовательной среде получила интерактивная доска *Jamboard*. Разработчики *Google* представили ее в 2016 году как часть цифровой экосистемы *G Suite* (набор облачных приложений для командной работы, в том числе для работы в учебной группе), в которую также входят текстовые редакторы, таблицы, мессенджеры, календари и другие инструменты.

Jamboard – простая в использовании виртуальная доска. Помимо занятий онлайн ее можно использовать в рамках традиционных аудиторных занятий и во внеаудиторное время, например, для выполнения студентами заданий для самостоятельной работы. Доска содержит набор необходимых инструментов: ручку, ластик, стикеры, лазерную указку. Кроме того, данный сервис позволяет добавлять изображения. Доска *Jamboard* может быть многостраничной, что весьма необходимо на языковом занятии, когда преподаватель использует доску для работы с серией следующих друг за другом упражнений, например, при отработке лексики (подстановочные задания, определение слова по его дефиниции и др.) или при работе над текстом (вопросы к тексту, задание «*Richtig / falsch*», расположение отрывков текста в хронологическом порядке). Данная функция является также полезной, когда речь идет об индивидуальной работе студентов в форме контроля. В этом случае преподаватель сразу после выполнения задания может проверить его и обсудить допущенные ошибки. При этом сам вариант ответа студента может быть удален, а задание будет сохранено в исходном виде для последующего использования.

Многостраничный режим использования *Jamboard* позволяет преподавателю организовать проектную деятельность студентов, основная часть которой отводится на внеаудиторное время, а итоговый контроль и демонстрация полученных результатов – в рамках аудиторных занятий. В этом

случае проекты могут быть как индивидуальные, парные, так и представлять собой работу в группе. Разновидностью проектной деятельности является создание коллажа или коллажирование.

Коллаж с уверенностью можно считать эффективным средством обучения иностранному языку, поскольку он включает в себя не только визуальные элементы (рисунки, фотографии и др.), но также и вербальные компоненты. В результате чего коллаж имеет ряд дидактических преимуществ. В процессе создания коллажа предполагается, что студенты выполняют следующие действия: «рецептивные (визуальное восприятие вербальных и невербальных компонентов коллажа, антиципацию, идентификацию, дискурсивность как осознание материала, понимание); репродуктивные (имитацию, подстановку, конструирование, трансформацию, комбинирование, вызов лексической единицы, вызов модели образования форм по аналогии); продуктивные (трансформация, конструирование, комбинирование – на уровне единиц более высокого порядка)» [1, с. 28].

Основу современного иноязычного образования составляет коммуникативное обучение. В связи с этим достоинством коллажа, как справедливо отмечает Ю. А. Макковеева, является то, что «он способен функционировать как средство, организующее общение, коллаж и коллажирование также могут выступать в роли самих средств общения», помимо этого коллаж «может играть роль полифункционального средства общения», так как способен включать в себя большой объём разноплановой информации [1, с. 29].

С позиции личностно-деятельностного подхода в обучении иностранным языкам, который предполагает «создание условий для развития гармоничной, нравственно совершенной, социально активной, профессионально компетентной и саморазвивающейся личности через активизацию ее внутренних резервов» [2, с. 320], коллаж – это средство наглядности, являющееся неотъемлемой составляющей учебного процесса, а процесс коллажирования способствует формированию личности с обозначенными выше характеристиками. В качестве аргументации следует привести цитату из книги Н. В. Семенюченко, И. Б. Рыжкиной «Коллаж как средство обучения иностранному языку» (2016): «Во-первых, коллажирование – это активная самостоятельная продуктивная творческая деятельность, а только в такой деятельности может сформироваться личность, нужная современному обществу, т.е. отвечающая соцзаказу. Во-вторых, у коллажа неограниченные возможности в подаче любой информации (страноведческой, лексической, грамматической) и кодировании ее смешанным (вербально-невербальным) способом. В-третьих, коллаж – это основа, повод, толчок для содержательного общения сверстников, т.е. для отличной коммуникации на уроке иностранного языка» [3, с. 18].

Стоит также учитывать современные реалии. Мы живем в мире, насыщенном электронными коммуникациями, что способствует формированию в большей степени у сегодняшнего школьника и студента клипового или коллажного типа восприятия и мышления [3; 4], что предполагает «соединение внешне несоединимых разрозненных смысловых фрагментов, предпочтение нетекстовой, невербальной информации и снижение роли вербальных, описательных ее источников» [4, с. 53-54]. Этот факт еще раз подчеркивает актуальность использования коллажа как дидактического средства в процессе обучения.

В отличие от традиционного коллажа, который предполагает создание некоего продукта путем наклеивания на какую-то основу различных материалов (изображений, фотографий, вырезок из газет и журналов, стикеров и т.д.) и оформления полученной композиции соответствующим текстом, цифровой коллаж – это композиция, включающая такие же, как у традиционного коллажа, составляющие визуального и вербального характера, и созданная в каком-либо цифровом редакторе или посредством онлайн-сервиса. Однако при выборе инструмента создания цифрового коллажа предпочтение стоит отдать виртуальной доске *Jamboard*. Бесспорным преимуществом цифрового коллажа, созданного при помощи данного онлайн-сервиса является обеспечение оперативной консультационной помощи преподавателя во внеаудиторное время. Отслеживание изменений на рабочем пространстве и своевременная корректировка результатов экономит, по меньшей мере, время. Речь идет как об индивидуальном проекте, так и о парном проекте или проекте в группе. Независимо от количества участников проекта по созданию коллажа работа в виртуальном пространстве экономит время на демонстрации полученных результатов в аудиторное время. Каждый участник определяет, как правило, для себя цель – создать не просто визуально привлекательный коллаж, но грамматически корректный, если мы говорим о создании коллажа на иностранном языке. До этапа размещения вербальной информации на коллаж требуется проверка текста преподавателем. Если коллаж выполняется на доске *Jamboard*, то преподаватель может контролировать процесс работы по ссылке как синхронно (заранее обговорив, например, время работы во внеурочное время), так и асинхронно (в удобное для него время он может при помощи стикеров оставить замечания на доске, а может сам исправить добавленный студентами текст).

Если речь идет о подготовке коллажа, над созданием которого работают два и более студентов, то и в этом случае цифровая среда позволяет осуществить данную работу в любое время и в любом месте, независимо друг от друга или параллельно по договоренности, подключившись в определенное время по ссылке.

Коллаж, созданный на основе доски *Jamboard* – это яркий, красочный продукт с качественными изображениями, текстом разного шрифта. При этом не исключается возможность внести в проект авторские подписи, ремарки посредством опции «ручка», т.е. добавить некую «изюминку».

Как показывает практика, предлагать студентам данный вид работы можно в рамках любой языковой дисциплины. Так, например, в рамках дисциплины «Основы устной иноязычной коммуникации на первом иностранном языке» студентам рекомендуется подготовить монологическое высказывание по теме «*Meine Lieblingsjahreszeit*», используя цифровой коллаж как опорный элемент, где тезисно будут представлены основные пункты выступления. При ответе студент может продемонстрировать одноклассникам свой коллаж как на большом экране посредством его отображения на электронной доске, так и распечатав как раздаточный материал, поскольку информацию с доски можно сохранить как изображение и в формате pdf.

У студентов, начинающих изучать немецкий язык с нуля, часто возникают проблемы с произношением ряда звуков и правилами чтения. В рамках дисциплины «Практическая фонетика первого иностранного языка» можно организовать коллективную работу по подготовке одного или серии коллажей, включающих некие ассоциации в форме картинок, мемов, позволяющих запомнить особенности артикуляции звуков и правильного чтения.

На семинарских занятиях по дисциплине «Теоретическая фонетика» можно предложить студентам подготовить серию коллажей по теме «Фонетика в лицах», разместив по фреймам информацию об ученых-фонетистах, с последующим выступлением в рамках круглого стола.

Подводя итог, следует отметить, что *Jamboard* – это многофункциональная интерактивная доска. Процесс коллажирования с использованием данного сервиса позволяет, с одной стороны, разнообразить традиционные занятия в университете, при этом получаемый в результате продукт – цифровой коллаж выполняет функцию наглядного пособия. С другой стороны, процесс создания цифрового коллажа способствует развитию у студентов не только лингвистической компетенции, креативного мышления, но и формирует навыки работы с информационными технологиями.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Макковеева Ю. А. Коллаж как арт-технология в обучении иностранным языкам // Казанский вестник молодых ученых. 2018. Т. 2, №5 (8). С. 26-29.
2. Яцевич Л. П. Личностно-деятельностный подход в обучении иностранным языкам // Экономика и социум. 2016. № 12(31). С. 318-321.
3. Семенюченко Н. В., Рыжкина И. Б. Коллаж как средство обучения иностранному языку : Методические рекомендации. Санкт-Петербург : КАРО, 2016. 240 с.
4. Рыжкина И. Б. Образовательные возможности коллажа как дидактического средства // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 6. С. 53-60.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ CHATGPT ДЛЯ РАЗРАБОТКИ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФРАЗОВЫМ ГЛАГОЛАМ

Одной из активно внедряемых программ искусственного интеллекта является нейросеть ChatGPT. В работе рассматривается потенциал данной языковой модели для создания учебных материалов при обучении наиболее трудно усвояемому аспекту английского языка – фразовым глаголам. Необходимость обращения к возможностям искусственного интеллекта при обучении данному типу лексики обусловлена двумя проблемами. Во-первых, фразовые глаголы в силу их отсутствия в русском языке достаточно трудны для запоминания, и поэтому требуют дополнительные ресурсы для их закрепления. Во-вторых, существующие учебные пособия, как правило, реализуют «списочный» подход к их изучению, который не является достаточно эффективным. Для повышения эффективности при изучении фразовых глаголов рекомендуется применять контекстный подход, который позволяет усваивать единицы в рамках заданных ситуаций. В работе описаны типы заданий и упражнений, которые можно создавать при помощи нейросети ChatGPT. Проанализированы возможности и ограничения программ искусственного интеллекта для использования в обучающих целях.

Ключевые слова: чат-боты; запоминание; лексические единицы; обучающий контент; искусственный интеллект.

ChatGPT is one of the most popular artificial intelligence programs. The paper examines the potential of this language model for creating educational materials for teaching the most difficult aspect of the English language - phrasal verbs. The need to turn to artificial intelligence when teaching this type of vocabulary is caused by two problems. Firstly, phrasal verbs, due to their absence in the Russian language, are quite difficult to memorize, and therefore require additional resources to master them. Secondly, existing textbooks, as a rule, implement a “list” approach to their study, which is not very effective. To increase the efficiency of learning phrasal verbs, it is recommended to use a contextualized approach, which enables to learn the target vocabulary in context. The article describes the types of tasks and exercises that can be created using the ChatGPT neural network. The possibilities and limitations of artificial intelligence programs for use in educational purposes are analyzed.

Key words: chatbots; memorization; lexical units; educational content; artificial intelligence.

Все больше и больше исследователей обращается к теме использования искусственного интеллекта в процессе обучения. Появившись сравнительно недавно, чат-боты активно используются не только в сфере бизнеса, но и в образовательной деятельности. Потенциал чат-ботов для формирования иноязычной компетенции уже активно обсуждается в публикациях отечественных [1-4] и зарубежных [5-6] учёных. Новизна и недостаточная разработанность проблемы обуславливают необходимость изучения этого нового инструмента с точки зрения его удобства и эффективности как для изучения иностранного языка, так и для создания учебных материалов.

Для проверки потенциальных возможностей искусственного интеллекта в создании обучающего контента были выбраны фразовые глаголы английского языка как наиболее сложный для изучения языковой материал.

Проблема заключается в том, что в большинстве учебных пособий по английскому языку как для старших классов школы, так и для вузов реализуется чаще всего «списочный» подход, который сводится к механическому запоминанию разных значений фразовых глаголов образованных от одного глагола. Данный способ представляется крайне неэффективным, так как подобные группы слов не связаны между собой тематически и, как правило, используются в разных контекстах. Другая проблема связана с тем, что для эффективного запоминания фразовых глаголов требуется достаточно большое количество разного типа упражнений и «рециркуляция» лексики в разных видах речевой деятельности. Использование дополнительных материалов из других пособий не всегда оправдано, так как упражнения на фразовые глаголы могут не совпадать контекстуально, либо содержать те значения, которые не входят в активный словарь, или не соответствуют целям обучения. Для решения обозначенных проблем предлагается использовать возможности искусственного интеллекта для генерации дополнительных учебных материалов.

Для проведения исследования был выбран чат-бот ChatGPT & Midjourney, который имеет бесплатную версию в мессенджере Telegram. Были сформулированы запросы для создания обучающего контента силами искусственного интеллекта. При формировании запроса были учтены рекомендации, размещённые на сайте ChatGPT [7], а также личный опыт общения с чат-ботами. Под «запросом» подразумевается вопрос или набор инструкций, используемых для объяснения задачи или начала разговора. В процессе языковой обработки запроса модель искусственного интеллекта использует полученные данные для генерации ответа. В частности, для повышения эффективности обработки запроса пользователя необходимо максимально подробно сформулировать задачу, указав точное количество заданий, тему, вид упражнения и цель.

Для решения задач исследования были использованы различные формулировки запросов и получены различные типы обучающего контента для дополнительной работы с фразовыми глаголами. Полученные учебные материалы были подвергнуты критическому анализу с целью выявления возможных проблем, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта. Были предложены алгоритмы работы с учебными материалами.

Изучение фразовых глаголов сопряжено с рядом трудностей, среди которых можно выделить три наиболее распространенные:

1. *Запоминание*: фразовые глаголы состоят из глагола и предлога, которые вместе имеют значение, которое отличается от значений основного глагола и предлога по отдельности.

2. *Понимание значения*: некоторые фразовые глаголы могут иметь несколько значений, что может привести к путанице и некорректному употреблению в речи.

3. *Незнание сочетаемости*: те или иные фразовые глаголы, как правило, употребляются в конкретных ситуациях. Например, фразовый глагол *carry out* 'проводить' вероятнее всего будет использован в таких словосочетаниях, как *carry out research / an investigation / a study* 'проводить исследование / расследование / изучение', etc., что указывает на характерный для данного глагола контекст – описание исследовательской деятельности.

Соответственно, в наши задачи входило создание таких учебных материалов, которые могли бы помочь обучающимся справиться с перечисленными проблемами. С этой целью мы формулировали запросы и при помощи ИИ создавали разные типы упражнений. Рассмотрим некоторые из них.

Задания и упражнения на запоминание.

Для создания данного типа заданий наш запрос включал список глаголов и тип задания:

- 1) Подбор соответствий по заранее созданному списку глаголов;
- 2) Заполнение пропусков в предложениях или мини-текстах на заданную тему с использованием конкретной группы глаголов;
- 3) Работа с двусторонними карточками, созданными по контенту, сгенерированному чат-ботом (с одной стороны написан фразовый глагол, а с обратной – пример его употребления в контексте).

Данные виды заданий повышают эффективность запоминания значений слов, вариативность заданий делает их менее монотонными. Привлечение чат-бота в качестве помощника для создания учебных материалов минимизирует рутинную часть работы, позволяя сфокусироваться на подготовке к занятию.

Задания на распознавание значения.

- 1) Поиск требуемых фразовых глаголов в мини-текстах по дефинициям.

Для генерации данного типа упражнений запрос включал установку на написание короткого текста, который включает 5 фразовых глаголов по теме «Путешествия» и создание упражнения на поиск фразовых глаголов в тексте по дефинициям:

- 2) Сопоставление двух идентичных текстов с фразовыми глаголами и их синонимами.

Для создания этого задания был использован текст, написанный чат-ботом для предыдущего задания и сформулирован запрос на замену фразовых глаголов в тексте обычными глаголами:

Задания на понимание сочетаемости и контекста.

- 1) Заполнение пропусков в таблице на сочетаемость.

Для создания данного упражнения был запрос на подбор коллокаций к указанным фразовым глаголам. Контент был сгенерирован чат-ботом в виде текста и переведён в табличный формат для удобства работы автором.

Заполните пропуски в таблице следующими словами: *company* 'компания', *appointment* 'встреча', *website* 'вебсайт', *crisis* 'кризис', *experiment* 'эксперимент', *instruction* 'инструкция'.

Set up 'основать, организо- вать, создать'	Bring about 'приводить к'	Carry out 'проводить, выполнять'
<i>Set up a business</i> 'основать компанию' / _____ / <i>organization</i> 'организацию' <i>Set up a meeting</i> 'организовать встречу' / an _____ <i>Set up a _____</i> <i>/social media account</i> 'создать аккаунт в соцсетях'	<i>Bring about change /</i> <i>reform / improvement</i> 'приводить к измене- ниям / реформам / улучшениям' <i>Bring about peace</i> <i>settlement / compromise</i> <i>Bring about a _____</i> <i>/disaster</i> 'привести мирному урегулирова- нию / компромиссу / катастрофе'	<i>Carry out an _____</i> <i>/ study / research</i> 'про- водить изучение / исследование' <i>Carry out a task /project</i> <i>/ mission /</i> <i>an order / _____</i> 'выполнять задание /проект / миссию/ заказ'

2) Составление мини-диалогов по репликам, сгенерированным чат-ботом.

Для создания этого упражнения формулировка запроса включала создание мини-диалога для ситуации *Checking in at the hotel* 'Регистрация в отеле' с использованием любых фразовых глаголов, уместных в заданном контексте. Затем реплики были перемешаны в произвольном порядке автором.

Приведённый список вариантов заданий на фразовые глаголы может быть расширен в зависимости от целей и задач, которые решаются в процессе обучения. Так, например, чат-бот достаточно успешно справляется с созданием текстов разного уровня сложности по заданной теме, тем самым облегчая работу в разноуровневых группах. Такой подход позволит реализовать индивидуальный подход к обучению за счет подбора учебных материалов в соответствии с потребностями и возможностями обучающихся.

Также чат-боты неплохо справляются с созданием заданий, которые необходимы для реализации продуктивного этапа усвоения лексики, а именно употребления фразовых глаголов непосредственно в речи. Например, чат-боты могут по запросу генерировать списки слов и выражений для составления мини-диалогов или парной работы.

В результате проведенного эксперимента были получены задания для работы с фразовыми глаголами различных тематических групп. Исследование проводилось в рамках контекстного подхода к изучению фразовых глаголов. Одной из проблем, возникающей при формулировании запроса, является коммуникативная неудача, возможной причиной которой может быть размытость инструкций или вопросов со стороны пользователя. Как правило, повторный запрос с переформулированной инструкцией дает положительные результаты. Сгенерированные чат-ботом задания могут быть использованы как для самостоятельной работы, так и для работы на уроке.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сысоев П. В., Филатов Е. М. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 1. (28). С. 66–72.
2. Пеньков И. А., Мамлеев И. Р. Возможности чат-ботов на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Гуманитарный форум в Политехническом. материалы II Всероссийской молодежной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург, 2023. С. 368-373.
3. Фролова О. А. Использование технологий искусственного интеллекта для обучения иностранным языкам: практика и примеры // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 6–2. С. 97–101.
4. Гунина Н.А. *О перспективах использования больших языковых моделей в процессе обучения иностранному языку // Преподавание иностранного языка в профессиональном контексте: традиции, инновации, перспективы : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Тамбов, 12–13 мая 2023 года. Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», 2023. С. 57–61*
5. Kasneci Enkelejda et al. ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education // Learning and individual differences. 2023. No.103. Article 102274. URL: <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2023.102274> (дата обращения 10.10.2023).
6. Anders, B. A. Why ChatGPT is such a big deal for education. // C2C Digital Magazine. 2023. 1(18). Available at: https://scholarspace.jccc.edu/c2c_online/vol1/iss18/4 (дата обращения 10.10.2023).
7. 200+ Best ChatGPT Prompts for Every Workflow (Updated). Available at: <https://www.greataiprompts.com/chat-gpt/best-chat-gpt-prompts/#what-is-a-prompt> (дата обращения 10.10.2023).

О. В. Луцинская (Минск, Беларусь)

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы использования средств массовой коммуникации в обучении иностранному языку, в частности, разным видам речевой деятельности. Описываются преимущества работы с медиатекстами онлайн-изданий для обучения иноязычной устной и письменной коммуникации. Предлагаются некоторые виды упражнений, которые можно применять при работе со студентами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: средства массовой коммуникации; медиатекст; обучение иностранному языку; студенты; виды речевой деятельности.

The article discusses the use of online media in teaching a foreign language, particularly, different types of speech activity. The advantages of media texts from online editions use for teaching oral as well as written foreign communication are described. Some types of exercises which can be used while working with the students are suggested.

Key words: online media; media text; teaching a foreign language; students; types of speech activity.

Сегодня средства массовой коммуникации (далее – СМК) являются важным социальным институтом, поскольку они комплексно формируют общественное мнение, оказывают влияние на взгляды и представления человека о мире в целом и о конкретной ментальной картине отдельной страны. Кроме того, СМК несут в себе образовательный и воспитательный потенциал, воздействуют на нормы поведения субъекта в том или ином обществе или социальной группе, а также транслируют и формируют духовные ценности.

В данной статье внимание сфокусировано именно на СМК, а не на средствах массовой информации (СМИ), так как для первых характерна двусторонняя модель коммуникации, в отличие от последних, в рамках которых коммуникация носит преимущественно однонаправленный характер взаимодействия между коммуникантами – адресатом и адресантом, например, печатные СМИ.

Современные СМК функционируют в пространстве Интернета и, благодаря развитию информационных технологий, имеют возможность объединять в себе разные каналы передачи информации: видео- и аудиотрансляцию контента наряду с текстовой информацией. В данном случае речь идет о явлении *конвергенции*, являющейся основной характеристикой интернет-или онлайн-изданий. Конвергенция как слияние, интеграция информационных и коммуникативных технологий в единый информационный ресурс позволяет получить новый *мультимедийный коммуникативный продукт*, объединяющий в себе текст, аудио- и видеоматериалы, иллюстративный материал, ссылки на другие источники информации, которые сразу же можно изучить. Таким образом, медиатексты в онлайн-изданиях – это уже не только линейная последовательность вербальных знаков, а семиотически усложненный, креолизованный мультимедийный продукт коммуникации, который, наряду с классическими характеристиками, функциями и свойствами текста, приобретает новые качества и форматы, особенности содержания и воспринимается аудиторией по-другому за счет конвергенции. Это не просто сукцессивное восприятие информации, а многомерное, многовекторное, симультанное. Поэтому при работе с медиатекстами на иностранном языке представляется возможным использовать разные их стороны, аспекты и характеристики, что имеет много преимуществ и позволяет преподавателям разрабатывать и предлагать задания и упражнения для обучения студентов разным видам речевой деятельности, в том числе в пределах одного сообщения.

Остановимся на некоторых характеристиках медиатекстов, представляющих преимущества для их применения в образовательном процессе со студентами:

1. *Актуальность и новизна информации.* Медиатексты содержат актуальную информацию об особенностях картины мира носителей страны изучаемого языка: их системе ценностей, традициях, нормах и моделях поведения и многое другое. По-другому, они передают культурологическую

информацию. Кроме того, содержание материалов в онлайн-изданиях обновляется очень быстро и дополняется новыми фактами при необходимости. Медиатексты таких изданий содержат информацию, актуальную на момент их публикации, однако, могут освещать факты или события, которые являются актуальными для разного периода времени (если в них представлены исторические события, обсуждаются ценности того или иного общества и др.). При изучении определенной темы, предусмотренной учебной программой по соответствующей дисциплине, для каждого занятия всегда можно подобрать материал из СМК, совпадающий с тематикой занятия и содержащий что-то новое и интересное. Такой подход будет также способствовать поддержанию мотивации у обучающихся, развитию их эрудиции и приобретению новых знаний.

2. *Поддержание интереса к изучаемому материалу.* Медиатексты отражают реальность, различные вопросы, стороны или проблемы, существующие в обществе. Работа с медиатекстами всегда представляется интересной для студентов, поскольку они содержат достоверную и актуальную информацию, описывают реальные события, явления и факты, и у студентов есть возможность критически оценить ее, обсудить, а, кроме того, быть в курсе многих текущих событий. Кроме того, медиатексты, функционирующие в пространстве онлайн-изданий, создаются носителями языка и являются аутентичными, отражающими не только картину мира того или иного общества, но и современное состояние языка, определенные тенденции в развитии его лексического состава и грамматической структуры и, таким образом, демонстрируют использование этого языка в различных коммуникативных ситуациях.

3. *Использование разных каналов передачи информации (конвергенция) в содержании медиатекстов.* Наличие видео- и аудиоинформации в содержании медиатекстов дает возможность преподавателю в комплексе обучать нескольким видам речевой деятельности на основе одного текста, разрабатывая задания или упражнения в привязке к одной теме.

4. *Наличие гиперссылок в содержании медиатекстов.* Медиатекст в конвергентных СМК представляет собой *гипертекст*, объединяющий множество разных текстов, имеющих гиперссылки (внутренние и внешние), выводящие читателя в огромное информационное пространство. По-другому, это взаимосвязь основного сообщения с другими текстами, видео- или фотоматериалами, реализующаяся при помощи гиперссылок. Данная характеристика медиатекста позволяет преподавателю применять разные формы работы с ним – индивидуальную или групповую.

5. *Разнообразие тематики.* Информация, которая находит отражение в СМК, затрагивает все стороны общественной жизни: политику, экономику, культуру, социальную сферу, науку и др. Разнообразие рубрикаций в онлайн-изданиях предоставляет широкие возможности преподавателю находить нужный тематический текст в привязке к изучаемой теме того или иного занятия.

6. *Удобство в работе с медиатекстами.* Проявляется в том, что преподавателю нет необходимости распечатывать нужный материал для работы. С учетом развития информационных технологий сегодня студенты могут работать с нужной информацией, находить ее оперативно в сети Интернет сразу же на занятии (при условии свободного доступа к ней).

Итак, при работе с информацией медиатекстов для развития навыков и умений устной коммуникации студентам можно предлагать задания на предвосхищение смысла содержания материала на основе заголовочного комплекса, а также иных невербальных компонентов, имеющих в содержании публикации – фотографий, диаграмм, графиков и др. Кроме того, обучающиеся могут обсудить актуальность и значимость новости для каждого человека, для определенной группы людей или вообще, для мира в целом (зависит от сути освещаемого события).

Для развития умений выделять ключевую информацию из большого потока разных фактов можно использовать рубрики (секции) изданий. В данном случае преподаватель может практиковать групповую форму работы, когда каждой группе предлагается соответствующая секция с установкой изучить первые 8–10 (на усмотрение преподавателя) медиатекстов и затем в письменном виде представить дайджест событий по каждой рубрике. После этого студентам можно предложить зачитать их и сравнить полученные анонсы, выявив наиболее подходящий вариант. В этом случае развиваются навыки и умения в нескольких видах речевой деятельности: чтении, письменной речи и устной коммуникации.

Так как в мультимедийных сообщениях содержится достаточное количество гиперссылок, то обучающихся можно разделить на несколько групп и предложить им поработать с разными гиперссылками. Напомним, что каждая из них – это отдельный текст, тематически связанный с текущим сообщением. Далее студентам предлагается расширить содержание исходной информации, добавив новые факты, которые та или иная группа выявила, поработав с содержанием других текстов. В данном случае студенты устно дополняют информацию исходного текста за счет изученной гипертекстовой части.

Как уже отмечалось, в медиатекстах онлайн-изданий используются разные каналы передачи информации. Соответственно, данное преимущество можно рассматривать и для развития навыков и умений восприятия иноязычной речи на слух. Если в исходном сообщении представлена видеoinформация, предваряющая текстовую часть, студентам предлагается ее просмотреть и попытаться догадаться, о чем далее повествует медиатекст. После прочтения материала, обучающимся можно порассуждать, насколько представленный видеофрагмент соотносится с темой публикации, вписывается в контекст или нет, обосновав свой ответ. На основе представленной видеoinформации в медиатексте преподаватель может предлагать разные задания, исходя из поставленной цели занятия и обозначенных задач.

Что касается письменной коммуникации, то и в этом случае преподаватель проявляет свое творчество и реализует методическую компетенцию в разработке упражнений. Например, для развития навыков и умений реферирования студентам можно предложить прочитать аналитическую статью и затем трансформировать ее в информационное сообщение.

Как известно, для медиатекстов в онлайн-изданиях характерна интерактивность, проявляющаяся в наличии активированных опций для написания электронного письма журналисту или в редакцию издания, либо просто опция «оставить комментарий». В этой связи обучающимся можно предложить написать свой комментарий по поводу прочитанного, тем самым имитировав реальную ситуацию.

Для развития умений письменной речи интересным для студентов может быть следующее задание: преподаватель выбирает материал (с учетом тематики занятия), рассчитанный на массовую аудиторию, и просит студентов переписать его таким образом, чтобы текст был ориентирован на какую-то другую аудиторию, например, студенческую, на учителей и др.

По сути, работа с медиатекстами так или иначе предполагает взаимосвязанное обучение всем видам речевой деятельности. Можно и далее приводить примеры разнообразных видов упражнений, но у каждого преподавателя есть свой творческий потенциал, который позволяет делать занятия интересными, коммуникативно ориентированными и полезными для обучающихся.

Таким образом, использование конвергентных, или мультимедийных, медиатекстов в обучении иностранным языкам имеет много преимуществ по сравнению с использованием просто печатных текстов и позволяет преподавателю решать поставленные задачи, проявляя творческий подход в разработке разных видов заданий и упражнений. Для студентов же работа с медиатекстами способствует более эффективному изучению иностранного языка, формированию не только коммуникативной компетенции, но и межкультурной в том числе посредством приобретения знаний о культуре страны изучаемого языка.

А. Б. Рахмонов (Ташкент, Узбекистан)

РЕФЛЕКСИВНЫЕ МЕТОДЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ОСОЗНАННОЕ УСВОЕНИЕ И ЭФФЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ

Данная научная статья исследует роль рефлексивных методов в обучении иностранному языку как часть формирующего оценивания. Авторы рассматривают шесть ключевых методов, включая журнал обучения, рефлексивные дневники и аудио-видеозаписи, и описывают их практическое применение. Анализ выявляет, что эти методы способствуют более глубокому пониманию процесса обучения, развитию метакогнитивных навыков, а также повышению эффективности иноязычного образования. Выводы подчеркивают важность интеграции рефлексивных методов в образовательную практику с целью обогащения процесса обучения и достижения более высоких результатов в усвоении иностранного языка.

Ключевые слова: рефлексивные методы; обучение иностранному языку; формирующее оценивание; метакогнитивные навыки; осознанное усвоение; самоанализ; саморегуляция; журнал обучения; аудио-видеозаписи; групповая рефлексия.

This scientific article explores the role of reflexive methods in foreign language teaching as part of formative assessment. The authors examine six key methods, including learning journals, reflexive diaries, and audio-video recordings, and describe their practical applications. The analysis reveals that these methods contribute to a deeper understanding of the learning process, the development of metacognitive skills, and the enhancement of the effectiveness of foreign language education. The findings underscore the importance of integrating reflexive methods into educational practice to enrich the learning process and achieve higher outcomes in foreign language acquisition.

Key words: reflexive methods; foreign language teaching; formative assessment; metacognitive skills; conscious acquisition; self-analysis; self-regulation; learning journal; audio-video recordings; group reflection.

Обучение иностранным языкам стало важным компонентом современной образовательной системы, а также неотъемлемой частью мировой коммуникации и культурного обмена. В условиях глобализации и развития информационных технологий, владение несколькими языками становится не только преимуществом, но и необходимостью для успешной социальной и профессиональной адаптации. С одной стороны, обучение иностранным языкам представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий от учеников усилий, настойчивости и мотивации. С другой стороны, эффективные методики и стратегии обучения могут значительно упростить этот процесс и сделать его более доступным для различных категорий обучающихся.

В последние десятилетия одной из ключевых составляющих успешного обучения иностранным языкам стала оценка уровня языковой компетенции учеников. Оценивание языковых навыков становится не только средством измерения прогресса, но и сильным мотивационным инструментом. Роль формирующего оценивания, или формативной оценки, в этом контексте становится особенно важной.

Формирующее оценивание играет важную роль в обучении иностранным языкам. Оно позволяет оценить не только знания студентов, но и их умения и навыки, а также помогает преподавателям адаптировать учебный процесс к потребностям каждого студента [1, с. 394]. Формирующее оценивание также способствует развитию рефлексии у студентов, что помогает им осознать свой прогресс и улучшить свои навыки в дальнейшем [2, с. 74]. Оно может быть использовано в различных формах, таких как тесты, задания на написание эссе, проекты и презентации, и может быть интегрировано в различные аспекты учебного процесса, включая самостоятельную работу студентов и интерактивные занятия [3, с. 44]. Важно отметить, что формирующее оценивание должно быть четко структурировано и прозрачно для студентов, чтобы они могли понимать, какие навыки и знания они должны приобрести, чтобы достичь успеха в учебе.

Формирующее оценивание включает в себя разнообразные методы и техники оценки, которые направлены на непрерывное отслеживание и улучшение языковых навыков учеников в процессе обучения. Это позволяет не только определить уровень языковой компетенции, но и предоставить обратную связь, которая способствует коррекции ошибок и стимулирует учеников к более активному участию в образовательном процессе.

Формирующее оценивание представляет собой систематический и непрерывный процесс сбора, анализа и использования информации о языковых навыках обучающихся с целью улучшения качества образования.

Основные методы формирующего оценивания в контексте обучения иностранным языкам включают в себя следующие:

Т а б л и ц а № 1

Методы формирующего оценивания в обучении иностранным языкам

№	Наименование	Описание
1.	Портфолио	Обучающиеся создают портфолио, в котором они фиксируют свои языковые достижения, включая письменные работы, аудио- и видеозаписи разговоров, анализ текстов и другие материалы. Портфолио позволяет ученикам отслеживать свой прогресс и рефлексировать над своими успехами и трудностями
2.	Самооценка	Учащиеся сами оценивают свой уровень языковых навыков и участие в уроках. Это помогает им осознать свои сильные и слабые стороны, а также установить конкретные цели для улучшения
3.	Обратная связь	Преподаватель предоставляет обучающимся регулярную обратную связь по их языковым работам и усвоению материала. Это включает в себя комментарии, советы и рекомендации для улучшения
4.	Самоконтроль и самокоррекция	Обучающиеся активно участвуют в процессе оценивания, анализируя свои ошибки и сами ищут способы их исправления. Этот метод способствует развитию навыков саморегуляции и самостоятельности
5.	Парные и групповые активности	В рамках коллективных задач и коммуникативных упражнений обучающиеся оценивают друг друга и совместно работают над улучшением языковых навыков. Это способствует развитию социальных навыков и взаимопомощи
6.	Рефлексия и планирование	Обучающиеся регулярно анализируют свой опыт, выявляют успешные стратегии и планируют действия для будущего обучения. Рефлексия способствует более глубокому пониманию собственного процесса обучения

Эти методы формирующего оценивания способствуют не только оценке текущего состояния языковых навыков, но и их постепенному улучшению. Они содействуют активному вовлечению обучающихся в процесс обучения и позволяют адаптировать образовательную программу под индивидуальные потребности каждого учащегося.

Рефлексия в обучении иностранным языкам является важным аспектом, который помогает студентам осознавать свой прогресс и улучшать свои навыки. Важно учитывать межкультурную компетенцию в процессе обучения, так как она позволяет уважать и понимать людей с различной культурной принадлежностью [4, с. 893].

Рефлексия, как часть формирующего оценивания, позволяет обучающимся более глубоко понимать свой языковой опыт, выявлять свои сильные и слабые стороны, а также разрабатывать стратегии для повышения своей языковой компетенции. В данной таблице представлены рефлексивные методы, которые могут успешно применяться в контексте обучения иностранному языку, и описаны их основные характеристики и цели. Эти методы способствуют развитию метакогнитивных навыков и саморегуляции, что, в свою очередь, обогащает образовательный процесс и способствует достижению более высоких результатов в усвоении иностранного языка.

Т а б л и ц а № 2

Рефлексивные методы в обучении иностранному языку

№	Наименование	Описание
1	Журнал обучения	Обучающиеся ведут ежедневный журнал, фиксируя в нем свои языковые заметки, впечатления от уроков, анализ ошибок и цели для самоулучшения. Этот метод помогает им отслеживать свой прогресс и рефлексировать над своими достижениями и проблемами.
2	Рефлексивные дневники	Обучающиеся пишут регулярные записи в дневник, в которых они анализируют свой опыт обучения, выделяют ключевые моменты, определяют сложности и прогресс. Этот метод позволяет им углубить понимание собственного обучения и выявить области, требующие улучшения.
3	Групповая рефлексия	В рамках групповых обсуждений или совместных проектов обучающиеся обмениваются своими наблюдениями и опытом обучения. Они анализируют общие трудности, делятся методами преодоления трудностей и поддерживают друг друга в достижении общих целей.
4	Аудио- и видеозаписи	Обучающиеся записывают себя во время разговоров на иностранном языке или при выполнении заданий. Позднее они анализируют записи, выявляют языковые ошибки, оценивают произношение и интонацию, что помогает им работать над улучшением коммуникативных навыков.

5	Рефлексивные интервью	Преподаватели проводят с обучающимися индивидуальные или групповые беседы, в ходе которых студенты могут выразить свои мысли, чувства и вопросы по поводу обучения. Это способствует более глубокому пониманию их потребностей и мотивации в изучении языка.
6	Самооценка и самоанализ	Обучающиеся регулярно оценивают свои языковые навыки, устанавливают цели и планируют действия для достижения этих целей. Самоанализ позволяет им более осознанно подходить к процессу обучения и корректировать свой план обучения.

Анализ представленных рефлексивных методов в контексте обучения иностранному языку подчеркивает их важную роль в повышении эффективности языкового обучения. Отмечается, что эти методы способствуют более глубокому и осознанному усвоению материала и развитию метакогнитивных навыков обучающихся.

Важно отметить, что рефлексивные методы, такие как ведение журнала обучения, анализ аудио- и видеозаписей, а также групповая рефлексия, позволяют обучающимся не только оценивать свой прогресс, но и взаимодействовать с окружающей средой и другими учащимися, что обогащает опыт обучения. Рефлексия способствует развитию навыков саморегуляции, самооценки и планирования. Обучающиеся, регулярно анализируя свой опыт, могут более эффективно управлять своим обучением и устанавливать реалистичные цели для своего языкового развития.

Рефлексивные методы необходимо рассматривать как важную составляющую формирующего оценивания в обучении иностранному языку. Их внедрение в практику образования способствует более глубокому и осознанному обучению, а также развитию навыков саморегуляции, что способствует достижению более высоких результатов в овладении иностранным языком.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kovalenko N. A., Smirnova A. Y. Self-directed learning through creative activity of students // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Т. 166. С. 393–398.
2. Шаповалова О. Н. Формирующее оценивание как инструмент мониторинга метапредметных образовательных результатов в основной школе // *Современные проблемы науки и образования*. 2019. №. 6. С. 74–78.
3. Кулаев А. Р., Кулаева Ф. А. Роль интерактивных занятий в обучении иностранным языкам. 2021. С. 44–48.
4. Исмаилова Р., Курбонова М., Хабибрахмонова Д. Важность межкультурной коммуникативной компетентности в обучении иностранным языкам // *Общество и инновации*. 2021. Т. 2. №. 4/S. С. 899–903.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются основные аспекты реализации интегративного подхода в обучении иностранным языкам в высшей школе. На основе теоретического анализа научных работ отечественных и зарубежных исследователей дана трактовка термина «интегративный подход», представлены основные идеи интегративного подхода, а также некоторые аспекты и конкретные примеры его использования в преподавании иностранных языков. Показан потенциал интегративного подхода в формировании современного специалиста.

Ключевые слова: интегративный подход; иностранные языки; интеграция; лингвистическая компетенция.

The article discusses the main aspects of the implementation of an integrative approach in teaching foreign languages in higher education. Based on the theoretical analysis of scientific works of domestic and foreign researchers, the interpretation of the term "integrative approach" is given; the main ideas of the integrative approach are presented, as well as some aspects and specific examples of its use in teaching foreign languages. The potential of an integrative approach in the formation of a modern specialist is shown.

Key words: integrative approach; foreign languages; integration; linguistic competence.

Происходящее в педагогике постоянное переосмысление и развитие составляющих дидактико-методической системы приводит к возникновению новых подходов к преподаванию. XXI век можно смело назвать эпохой интенсификации интеграционных процессов в развития высшего образования, поскольку интеграция стала одним из значительных инновационных явлений в современной педагогике.

Настоящая статья посвящена вопросу использования интегративного подхода на занятиях по иностранному языку в высшей школе. Основная задача заключается в изучении использования интегративного подхода в современном образовании и в обучении иностранным языкам. Исследование является отражением поиска оптимального способа преподавания иностранных языков обучающимся высшей школы. На наш взгляд, результаты исследования могут стать методологической и теоретической основой для планирования занятий по иностранным языкам, повышения эффективности и оптимизации процесса обучения в целом.

Интерес к интегративному подходу стал проявляться в отечественном образовании в конце 1980-х годов, многие исследования посвящались вопросу интегративного подхода в обучении иностранным языкам и в образовании в целом (Е. В. Земцова, И. А. Зимняя, Б. М. Кедров, В. П. Кузовлев, В. Л. Скалкин и др.). Объясняется это тем фактом, что российское образование находилось на этапе перехода на более современные формы организации образования и использование быстро развивающихся подходов к обучению иностранным языкам.

В. Ф. Тенищева определяет интеграционный подход как «движение педагогической системы к ее большей целостности и, как результат, приводит к повышению уровня образовательного процесса, что выражается в формировании необходимых компетенций/ компетентностей обучающихся» [1, л. 69]. И. А. Зимняя и Е. В. Земцова в свою очередь отмечают, что это «целостное представление совокупности объектов, явлений, процессов, объединяемых общностью как минимум одной из характеристик, в результате чего создается его новое качество» [2, с.16].

Следовательно, интегративный подход представляет собой совместное использование в образовательном процессе различных подходов, которые оптимальным образом способствуют его интенсификации и наилучшего усвоения знаний обучающимися.

В системе обучения иностранных языков, по мнению В. Л. Скалкина, интегративный подход служит построению единой функциональной лингводидактической системы их преподавания [3, с. 50].

Интегративный подход к преподаванию иностранных языков включает в себя аспекты, принципы, цели и результат, компонентами которого являются методический, организационно-деятельностный и содержательный. Интегративный подход соединяет в себе различные элементы других подходов, подстраиваясь под условия и ситуацию обучения.

Отметим, что иностранные языки всегда использовались как инструмент коммуникации в социальном взаимодействии. Изучение иностранных языков представляет собой нечто большее, чем ментальный процесс в сознании, это еще и часть социально-культурной практики. Педагоги едины во мнении о том, что главная цель изучения иностранного языка – общение, коммуникация с представителями другой культуры [4, с. 152].

В связи с этим интегративный подход в преподавании иностранных языков можно рассматривать в нескольких аспектах.

Например, поскольку одной из задач обучения иностранным языкам является развитие коммуникативных навыков и формирование культурологических знаний о стране изучаемого языка, то в данном контексте наиболее важной является интеграция коммуникативного и культурологического подходов.

Однако в учебном процессе не получится ограничиться только ими. В настоящее время в распоряжении преподавателей иностранных языков имеются кроме обозначенных подходов компетентностный, различные варианты культуроведческого подхода (лингвокультурный, межкультурный, социокультурный, лингвострановедческий, социолингвистический и др.), системный (структурный), экосистемный, поликультурный, личностно-ориентированный, проектный, когнитивный, деятельностный, инновационный, гендерный и другие. Существуют также различные сочетания подходов, к примеру: коммуникативно-деятельностный, деятельностно-компетентностный, структурно-функциональный и многие другие.

Так как вышеперечисленные подходы имеют как преимущества, так и недостатки, предполагается, что преподавателю следует комбинировать данные подходы в зависимости от цели обучения. Таким образом, исполь-

зование интегративного подхода является наилучшим способом применения сразу нескольких подходов к обучению, которые смогут ему помочь в решении конкретных целей и задач, которые он ставит на том или ином занятии.

Конечно, большую роль играет умение преподавателя использовать лучшие элементы различных подходов к преподаванию иностранных языков. Как справедливо отмечает И. С. Москалева «Профессионализм учителя определяется высоким уровнем владения проектировочными умениями, т.е. его способностью к диагностике, прогнозированию, моделированию и конструированию образовательного процесса» [5, с. 56]. Внедрение в образовательный процесс инновационных систем и новых педагогических технологий формирует целостную систему интегративных знаний и профессиональных умений.

Отдельно отметим, что неэффективные подходы к преподаванию иностранных языков могут привести к формированию низкой лингвистической компетенции и даже демотивировать обучающихся.

Другим аспектом является интеграции иностранного языка и дисциплин профессиональной направленности, потому что одной из целей изучения является его использование в профессиональной деятельности.

Так, О. В. Борщева считает достижение синергетического эффекта на основе кооперации и сотрудничества, ведущие за собой формирование новых более эффективных элементов. По мнению автора, обучать только своему предмету изолированно от других будет неправильно, потому как такой подход не формирует тот комплекс знаний, которым обучающиеся должны овладеть для профессиональной деятельности. Необходимо создать фундаментальные педагогические структуры для формирования общей культуры обучающихся, подготовить их к успешной профессиональной деятельности и развить целостное мировоззрение.

К основным принципам интегративного подхода в обучении иностранным языкам О. В. Борщева относит: культуросообразность, креативность, саморазвитие и самообразование, самоопределение и самоактуализацию личности, толерантность и диалог культур. Следовательно, мышление обучающихся меняется, они более не мыслят по одной схеме, активизируется нравственная сфера сознания. Использование интегративного подхода в преподавании иностранных языков формирует ключевые компетенции и личность к эффективной межкультурной коммуникации [6, с. 6].

Г. В. Походзей рассматривает интеграцию как процесс разрешения противоречий, в результате которого появляется новая идея, тенденция или прием. Межпредметные связи осуществляют суммирование, объединяя разные элементы обучения, которые в результате приводят к успешному усвоению того или иного элемента содержания. Автор утверждает, что процесс обучения – это всегда активизация творческих возможностей для удовлетворения запросов личности. Одним из основных факторов воспитания высокопрофессионального специалиста в рамках интегративного

подхода является использование передовых технологий науки и техники. «Изменения в общественном устройстве привели к потребности в неких универсальных знаниях, отсутствие которых крайне нежелательно представителю любой профессии» [7, с. 144].

В настоящее время в учебных заведениях высоко ценится компетентностная парадигма, которая итогом образовательного процесса подразумевает развитие системы компетенций, «отражающих результаты обучения, шкалу ценностей, побудительные мотивы к тому или иному виду деятельности, общению, поведению, а также морально-нравственные нормы, социально-культурные ценности и взаимодействие с окружающей действительностью» [7, с. 145]. Согласно мнению Г. В. Походзей, применение интерактивного метода при интегративном подходе имеет практического значения, помогающее в составлении: 1) рабочих программ по дисциплине, 2) подготовке спецкурсов, 3) проведение тестирований, 4) проведение аудиторных и внеаудиторных интерактивных занятий.

В этом же русле рассуждает И. С. Москалева и считает целесообразным переход на интегрированное преподавание в высшей школе. Интеграция содержания образования, по мнению автора, осуществляется по: 1) линии структурирования, 2) по тематическому и хронологическому согласованию программ, 3) по комплексированию вертикальных и горизонтальных принципов, 4) путем создания педагогического инструментария. Таким образом, в числе эффективных условий подготовки специалиста находится структурирование содержания образования, иными словами реформирование учебного материала.

М. Г. Евдокимова отмечает тенденцию к интегративности как характерную особенность системы иноязычного образования. В высшей школе процесс интеграции проявляется в совмещении прагматических и универсальных целей. Под прагматическими целями понимаются коммуникативно-ориентированные цели, а под универсальными автор приводит: автономность, саморегуляцию, метакогнитивные, рефлексивные и проектные умения. Автор утверждает, что интегративность это не что иное как переход «от традиционного к постнеклассическому типу образования, в силу чего в педагогических исследованиях наблюдается методологический плюрализм, характерный для постнеклассического синергетического мировидения» [8, с. 33]. Владея достаточно разнообразным арсеналом подходов, преподаватель выбирает и сочетает именно те подходы, которые помогут достичь поставленные цели и задачи обучения.

Зарубежные исследователи Палаварану Кришна Мурти и М. В. Рагху Рам считают, что интегративный подход создает аутентичную среду для обучающихся и позволяет развивать навыки чтения, письма, говорения и аудирования. Достижение социальной цели видится как один из элементов языка. От преподавателя требуется создание реальной среды для взаимодействия с низким уровнем тревожности, в которой изучение грамматики происходит во время коммуникативной деятельности. Такой новый метод обучения позволяет рассматривать обучающихся как индивидуально

мыслящих людей. Авторы отмечают, что данный подход «концентрируется на адаптации как процедуре, при которой учащимся будут предоставлены достаточные возможности для понимания и применения на практике полученных идей» [9, с. 102].

Итак, интегративный подход в преподавании иностранных языков подразумевает ряд характеристик.

Во-первых, интеграция (соединение) реальной жизни и обучения. Например, в реальной жизни мы эвристически используем знания и информацию, следовательно: 1) чтение, письмо, говорение и аудирование должны изучаться одновременно, а не как отдельные темы; 2) предметная интеграция, при которой обучающиеся почувствуют взаимосвязь между тем что изучается в школе или университете и тем, что происходит в реальной жизни. Это делает обучение осмысленным, в котором языковые процессы соотносятся с языковой грамотностью. А. И. Левитов утверждает, что интеграция между чтением, письмом, говорением и аудированием возможна, так как они взаимосвязаны, но придерживается точки зрения большинства ученых, что аудирование является ведущим видом речевой деятельности. Если на данный вид речевой деятельности не обращать достаточное количество внимания, тогда это негативно отразится на общей языковой подготовке и приведет к нарушению в процессе коммуникации. Автор подчеркивает, что интегрированное обучение аудированию – это введение интегративных элементов [10, с. 1].

К примеру, на первом этапе обучающимся предлагается прослушать текст затем как дополнительное задание выступает выделение определенной лексики, поиска эквивалентов и т.д. Если прослушивание текста с опорой на печатный вариант тогда происходит интеграция чтения как вида речевой деятельности. Следующий этап содержит вопросы тоже в формате аудиозаписи, которые выступают элементом интеграции говорения как вида речевой деятельности. Во время прослушивания вопросов, подготовки ответов или во время внесения заметок под диктовку работает еще один вид речевой деятельности – письмо.

Во-вторых, интеграция подходов к преподаванию. Рассмотрим некоторые примеры.

1) В основном в школах и высших учебных заведениях доминирует дедуктивный подход в обучении (PPP Present-Practice- Produce). Практически каждый преподаватель использует данный подход в своей практике. Преподаватель находится в центре внимания, помогает обучающимся понять и правильно использовать грамматические правила, однако представленный подход не гарантирует улучшение знаний по иностранному языку и не поможет прочувствовать применение грамматических правил в реальной жизни. Задание-центрический подход (TBL Task Based Learning) ориентирован на использование аутентичного материала в выполнении значимых заданий на изучаемом языке. Таким образом, на занятиях будет применяться программа, нацеленная на коммуникативную задачу, побуждающая обучающихся к взаимодействию в аудитории и за ее пределами.

2) Интегративный контентно-ориентированный подход состоит из интерактивного и компетентностно-ориентированного подхода. Контент-ориентированный подход нацелен на обсуждение конкретных повседневных проблем при изучении иностранных языков. В сочетании с коммуникативным подходом (CLT Communicative Language Teaching) у обучающихся будут развиваться продуктивные навыки. Предполагается, что у обучающихся уже есть достаточные предварительные знания (словарный запас) для повышения коммуникативных способностей. Центром внимания уже будет обучающийся, у которого больше возможностей практиковаться в разговорной речи. Подход способствует улучшению знаний о грамматических правилах в процессе коммуникации.

Таким образом, в распоряжении преподавателя сегодня имеется множество подходов к преподаванию иностранного языка. Интеграция лучших элементов различных подходов, применение интегративного подхода к преподаванию позволит сделать учебный процесс более эффективным, интересным для обучающихся. Интегративный подход в преподавании иностранного языка направлен на формирование коммуникативных навыков, а также способствует умению использовать знания языка в профессиональной деятельности.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тенищева В. Ф. Интегративно-контекстная модель формирования профессиональной компетенции: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2008. 404 л.
2. Зимняя И. А., Земцова Е. В. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников вузов // Высшее образование сегодня. 2008. № 5. С. 14–19.
3. Скалкин В. Л. Плюрализм мнений и проблема выработки единой концепции учебного предмета «иностраннный язык» // Иностранные языки в школе. 1989. №4. С. 45–50.
4. Ветчинова М. Н., Петрова В. А. теоретические аспекты формирования коммуникативной компетенции студентов вузов в рамках компетентностного подхода // Язык и культура. 2021. № 53. С. 145–161.
5. Москалева И. С. Формирование профессиональной готовности учителя иностранного языка к педагогической деятельности через интегративный подход // Научный поиск. 2016. № 1.1. С. 55–58.
6. Борщева О. В. Структура интегративного подхода к обучению иностранному языку // Педагогика и психология образования. 2011. № 1. С. 5–8.
7. Походзей Г. В. Формирование профессиональной компетентности специалиста в рамках интегративного подхода в обучении иностранным языкам // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. 2011. № 4. С. 141–151.
8. Евдокимова М. Г. Интегративные тенденции развития иноязычного образования в неязыковом вузе // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2021. №2 (839). С. 26–35.
9. Integrated approach to English language teaching in L2 classroom: a conceptual framework / Palavarapu Krishna Murthy, M. V.Raghu Ram // Journal of English language and literature (JOELL). 2014. Vol.2. Issue 4. P. 101–104.
10. Левитов А. И. Интегративные подходы к обучению иностранному языку в средней общеобразовательной школе // Ratio et Natura. 2020. № 2 (2). С. 1–2.

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ СТИЛИСТИКИ НА ЯЗЫКОВОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВУЗа

В статье рассматриваются некоторые особенности преподавания стилистики английского языка на факультете лингвистики и перевода, представлена общая характеристика рабочей программы, описываются основные приемы организации аудиторной работы в ходе лекционных и практических семинарских занятий, в том числе с использованием авторского учебного пособия по стилистике английского языка. Указаны возможные способы организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов, приведены критерии контроля и оценивания полученных знаний и приобретенных компетенций, предложены методические рекомендации для преподавателя и студентов.

Ключевые слова: стилистика английского языка; рабочая программа дисциплины; учебное пособие; аудиторная работа; самостоятельная работа студентов; фонд оценочных средств.

The article considers some aspects of teaching English Stylistics at the Faculty of Linguistics and Translation. General characteristics of Stylistics work program are enumerated, typical ways of conducting lectures and seminar classes are described. The article provides recommendations for organizing student self-study, as well as analyzes examples of particular tasks and assessment materials.

Key words: English Stylistics; work program; textbook; classroom work; self-study student work; study assessment materials.

Стилистика традиционно выступает одной из важнейших теоретических дисциплин языковедческого цикла в рамках лингвистической подготовки бакалавров и специалистов. Данная дисциплина включена в один из разделов основной профессиональной образовательной программы высшего образования и относится к базовой части. Изучение стилистики способствует качественному формированию у обучающихся общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных компетенций, установленных программами бакалавриата и специалитета по УГСН 45.00.00 Языкознание и литературоведение (направление подготовки 45.03.02 Лингвистика; направление подготовки 45.05.01 Перевод и переводоведение).

В соответствии с утвержденными рабочими программами дисциплины, курс стилистики в Челябинском государственном университете читается в течение одного учебного семестра, включает в себя лекционные и практические (семинарские) занятия, самостоятельную работу обучающихся, завершается обязательным устным экзаменом. В образовательном процессе применяется балльно-рейтинговая система оценки результатов обучения. Общая оценка учебных достижений обучающегося по дисциплине складывается из суммы набранных баллов за несколько аспектов: 1) посещаемость, 5%, 2) текущий контроль (который включает: а) аудиторную работу, 40%, б) письменные тесты, 20%, в) самостоятельную работу, 15%), 3) промежуточная аттестация, подразумевающая устный контроль на экзамене, 20%.

В учебном процессе применяются авторские учебники [1, 2], написанные на английском языке, составленные на основе фундаментальных классических трудов по стилистике английского языка в отечественном языкознании таких авторов, как И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, В. А. Кухаренко, Ю. М. Скребнев. Учебное пособие «Практикум по стилистике английского языка» явилось результатом 12-летнего опыта преподавания стилистики английского языка в вузе, внедрено в образовательный процесс на факультете лингвистики и перевода в 2014 году (электронная версия доступна для чтения по ссылке: <https://library.csu.ru/ru/rbooks2/view2?code=texts/007751/stepanovaiv>). В 2021 году учебное пособие было рекомендовано к выдвижению на соискание премии Правительства РФ в области образования по направлению «Создание высококачественных учебных изданий для системы образования Российской Федерации».

Описанная в настоящей статье методика преподавания стилистики английского языка прошла апробацию на факультете лингвистики и перевода в течение более 20 лет. Материал курса в адаптированном виде предлагался слушателям Института дополнительного профессионального образования ЧелГУ. В сентябре 2013 г. в рамках академической мобильности курс был прочитан для зарубежной студенческой аудитории (КНР, магистратура языкового факультета).

Преподавание курса стилистики ведется на английском языке. Лекционный материал представляет собой систематизированное изложение основных постулатов стилистики как языковедческой дисциплины. Особое внимание уделяется изучению научного терминологического аппарата стилистики как раздела языкознания, последовательно излагаются различные типологии выразительных средств и стилистических приемов, выдвигаемые авторами классических трудов по стилистике английского языка – И. Р. Гальпериным, Ю. М. Скребневым, В. А. Кухаренко, И. В. Арнольд.

Читаемые автором лекции сопровождаются мультимедийными презентациями в формате Power Point. Вниманию аудитории предлагается большое количество примеров, иллюстрирующих то или иное явление, прием, средство, что, по нашим наблюдениям, позволяет студенту легче сориентироваться по ходу лекции, определив и выбрав для себя наиболее понятный и доступный пример. Так, при изучении темы «Стилистическая дифференциация словарного состава английского языка» на слайде, посвященном авторским неологизмам (*literary coinages*), представлен обширный список широко известных в общем употреблении слов, имеющих конкретный литературный источник, установленное авторство: *utopia* ‘утопия’ (1516, Т. Мор), *irritate* ‘раздражать’ (1531, Т. Элиот), *diary* ‘дневник’ (1581, Б. Джонсон), *changeful* ‘изменчивый’ (1606, У. Шекспир), *yahoo* ‘еху’ (1726, Дж. Свифт), *superman* ‘супермен’ (1903, Б. Шоу), *robot* ‘робот’ (1921, К. Чапек).

В рамках лекции дополнительно по необходимости могут быть использованы различные аудио- и видеофрагменты, например, записи диалектного произношения, краткие (30-45 сек.) отрывки из кино и мультфильмов,

а также иные иллюстративные материалы (репродукции картин известных художников, популярные интернет-мемы, актуальные рекламные объявления, забавные вывески, киноафиши, яркие заголовки газет и журналов), способствующие более эмоциональному вовлечению студентов в изучение всех и слов сложного материала и, кроме того, расширяющие их экстралингвистический кругозор и формирующие соответствующие лингвокультурные компетенции.

По окончании лекции проводится письменное тестирование, включающее 3-5 вопросов по изложенному в данной лекции материалу. Вопросы могут быть зачитаны устно (что дополнительно способствует отработке у обучающихся навыка аудирования) либо представлены в письменном виде на слайде. Для оценивания усвоения, а также закрепления материала студентам предлагаются вопросы открытого типа, например: *Which two types of meanings interact in epithet?* 'Взаимодействие каких типов значений в семантической структуре слова лежит в основе любого эпитета как стилистического приема?', *Name the function of archaic words in official-business style* 'Какую функцию выполняют архаизмы, используемые в официально-деловом стиле?'

Вопросы, содержащие множественный выбор, позволяют обучающимся сконцентрироваться на соотношении термина, обозначающего тот или иной стилистический прием, и его понятийной сущности, что способствует закреплению метаязыка стилистики, например, *Repetition of similar stressed vowel sounds in successive words is* 'Повтор одинаковых гласных звуков в словах называется': a) *onomatopoeia* 'ономатопеей', b) *assonance* 'ассонансом', c) *paronomasia* 'парономазией', d) *alliteration* 'аллитерацией'.

Множественный выбор также применим для соотношения конкретного языкового примера, иллюстрирующего то или иное выразительное средство, с терминологическим наименованием данного средства, что облегчает и выстраивает на начальных этапах процесс алгоритмизации навыка обнаружения стилистического приема в предложенном языковом материале, например: *Identify stylistic device in the phrase «Trifles make perfection, but perfection is no trifle»* 'Определите стилистический прием в известной фразе: «Внимание к мелочам рождает совершенство, а совершенство уже не мелочь»'. К данному вопросу предлагаются следующие варианты ответа: a) *chiasmus* 'хиазм', b) *phrame-repetition* 'рамочный повтор', c) *antithesis* 'антитеза'.

Дальнейшее усложнение отработки навыка поиска стилистического приема в тексте также возможно при помощи теста множественного выбора, поскольку студенту для ответа на вопрос приходится проанализировать 3-4 различных языковых контекста, например: *Grammatical transposition from one categorial form into another is observed in the following sentence* 'Выберите предложение, в котором присутствует пример грамматической транспозиции, заключающейся в переходе из одной категориальной формы определенной части речи в другую': a) *That's some achievement!* 'Это значительное достижение', b) *Listen, my sweet!* 'Послушай, моя дорогая', c) *We, Charles the Second* 'Мы, Карл II', d) *Physical exercise is a must* 'Занятия физическими упражнениями необходимы для всех'.

Рассмотренные выше типы заданий применимы для текущего контроля не только на лекциях. Тестирование в целом является составной частью фонда оценочных средств по дисциплине и широко используется на семинарских занятиях. Стоит отметить, что примерно четверть от общего времени каждого практического занятия уделяется устному разбору теоретических положений и ключевых категорий стилистики, а также вопросов, которые возникли у студентов непосредственно в процессе домашней подготовки к семинару. На данном этапе в самом начале учебного занятия хорошо зарекомендовал себя следующий прием опроса: для ответа на вопрос, возникший у одного из студентов, преподаватель дает возможность высказаться другому студенту – так возникает дискуссия, в ходе которой можно оценить уровень усвоенных студентами знаний, а также отследить сложности в понимании материала.

При организации семинарских занятий применяется изложенная в учебном пособии (см. [2]) методологически последовательная система заданий и упражнений, направленная на отработку навыков идентификации выразительных средств и стилистических приемов, интерпретации языковых фактов, лингвистического анализа текстов различных жанров, что соответствует основной цели и задачам дисциплины и, таким образом, обеспечивает создание условий для эффективной подготовки обучающихся к промежуточной аттестации. Каждое упражнение предваряется четко сформулированным заданием, в соответствии с которым необходимо, например, выявить в предложенных контекстах тот или иной стилистический прием, указать тип приема в соответствии с изученными типологиями, представить морфосинтаксическую структуру искомого явления, описать те или иные сдвиги в семантической структуре слова, выявить иные имеющиеся трансформации в сравнении с нормативным использованием лексической единицы, проанализировать стилистическую функцию применения данного приема в контексте и др.

Так, при анализе риторических вопросов студентам предложено их перефразировать и представить в форме отрицательного либо утвердительного предложения – для определения структурного типа риторического вопроса и выявления заложенного в нем смыслового значения, например, *What words shall describe the Mississippi?* ‘Разве можно подобрать слова для описания реки Миссисипи?’ → *No words shall describe* ‘Невозможно описать словами’. Навык применения подобных трансформаций поможет обучающимся более глубоко вникать в смысл оригинальных высказываний в дальнейшем, что позволит избежать серьезных смысловых потерь при выполнении перевода текста.

При изучении эпитетов и фигур замещения (фигур количества и качества) предлагается задание, нацеленное на замену искомого стилистического приема нейтральным вариантом (*Suggest neutral words and phrases; Rephrase the given sentences*), что способствует более глубокому пониманию парадигматических отношений между единицами языка, различий между

стилистически нейтральным и стилистически маркированным вариантами, помогает осознать необходимость принимать во внимание при переводе как целевую аудиторию, так и вероятный стилистический эффект выбранного эквивалента.

В рамках фронтальной работы на семинарском занятии при проверке домашнего задания студенты могут поочередно зачитывать вслух и анализировать каждое предложение последовательно, при этом во время дискуссии любой желающий может высказать собственную интерпретацию того или иного языкового явления. Для более динамичного обобщения и закрепления материала преподаватель может воспользоваться другим приемом: объединить имеющиеся в упражнении предложения по сходству используемого в них приема / вида приема, и, перечислив номера всех таких контекстов, предложить студентам назвать используемый в них прием. Так, в ходе изучения синтаксических выразительных средств, основанных на перестановке членов предложения, можно называть из конкретного упражнения номера контекстов, содержащих один из трех типов нарастания (*gradation*), для того, чтобы студенты определили разновидность данного приема – логическое, эмоциональное, количественное. И, наоборот, можно озвучить характеристики конкретной структурной модели, например, при изучении различных вариантов структурного построения литоты (*litotes*), и попросить студентов указать в упражнении номера тех контекстов, которые этой модели соответствуют.

В оставшиеся 8-10 минут в конце каждого занятия студентам предлагается выполнить письменное задание на индивидуальную интерпретацию 1-2 предложений-контекстов из домашнего задания, не проработанных ранее на занятии, либо выборочные вопросы из тестов, имеющих в учебном пособии.

Внеаудиторная самостоятельная работа по учебной дисциплине заключается в составлении студентами таблицы стилистических приемов (*Table of Stylistic Devices*), работа над которой также служит эффективным приемом подготовки к экзамену. Важно заметить, что в таблице-гlossарии стилистических приемов изучаемые термины располагаются не в алфавитном порядке, но в соответствии с логикой изложения теоретического материала, основанной на уровневом подходе И.Р. Гальперина.

Таким образом, при оформлении горизонтальных строк таблицы, призванной визуальным образом отразить логичную структуру научной дисциплины и несенность терминов друг с другом, выделяются пять основных блоков информации – с пятью соответствующими тематическими подзаголовками. На фонетическом уровне (*Stylistic Phonetics*) в таблице представлены фонетические стилистические приемы; на графическом уровне (*Graphical Expressivity*) раскрываются графон и пунктуационные средства выразительности; морфологический уровень (*Stylistic Morphology*) описывает стилистический потенциал суффиксации, синонимии, грамматической транспо-

зиции различных частей речи; на семасиологическом уровне (*Stylistic Semasiology*) выделяются эпитеты, тропы и фигуры речи; синтаксический уровень (*Stylistic Syntax*) представлен фигурами убавления, прибавления, перестановки, транспозиции.

Вертикальное наполнение таблицы (три столбца) отражает существенные характеристики конкретных выразительных средств английского языка. В первом столбце (*Name of stylistic device, its definition*) следует наименование термина, его определение, а также транскрипция (рекомендуется в отдельных случаях, когда произношение термина вызывает определенные сложности). Второй столбец таблицы (*Classification of stylistic device*) содержит типологию конкретного приема (например, два типа антономазии, три классификации эпитетов (в соответствии с их структурой, дистрибуцией в предложении, семантикой), десять разновидностей отношений по принципу смежности между двумя объектами в метонимии, четыре вида синекдохи и т.д.). В третьем столбце таблицы (*Examples from authentic sources*) располагаются примеры, демонстрирующие применение стилистического средства в контексте.

Студентам рекомендовано указать по два примера на каждый стилистический прием (и каждую его разновидность по изложенным классификациям). Первый из примеров предлагается извлечь из ранее изученного материала (лекций, семинарских заданий, глоссария, имеющегося в учебном пособии). Второй пример студентам настоятельно рекомендуется найти *самостоятельно*, то есть не через прямой запрос в одной из поисковых систем сети Интернет, но посредством внимательного изучения аутентичных языковых источников. В качестве материалов для подбора второго примера студенты могут использовать по своему выбору тексты художественных произведений классической (преимущественно) и современной британской и американской литературы, а также других видов англоязычного дискурса (газетные и журнальные статьи, рекламные тексты, кино- и аудиодискурс, политический дискурс и др.). Обязательным условием при составлении таблицы является указание источника, из которого извлечен тот или иной языковой пример, в виде краткой записи, например, D. (Dickens). Подробный перечень источников (обычно не более 10) оформляется после таблицы.

Итак, к основным критериям правильности оформления таблицы стилистических приемов относятся поуровневое представление пройденного материала, последовательность в изложении приемов на всех уровнях, четкость классификаций конкретных стилистических приемов, наличие самостоятельно подобранных примеров из аутентичных источников. В целом, самостоятельная работа над составлением таблицы позволяет обучающимся систематизировать знания по предмету для успешной подготовки к экзамену.

Неотъемлемой частью изучения курса стилистики является устный контроль на экзамене, который подразумевает проверку как теоретических знаний, так и практических умений и навыков. Оценочными средствами для

проведения промежуточной аттестации выступают опрос и учебная задача. Экзаменационный билет по дисциплине традиционно включает один теоретический вопрос из списка экзаменационных вопросов, охватывающих все изученные в соответствии с рабочей программой темы, например: *Special literary vocabulary* ‘Книжно-литературная лексика’, *Phonetic and graphical expressive means* ‘Фонетические и графические выразительные средства’, *Figures of inequality* ‘Фигуры неравенства’. Второй аспект билета представлен заданием практической направленности: в карточке-приложении к билету содержатся 8-10 предложений на английском языке для стилистического анализа. Учебная задача формулируется следующим образом: *Identify stylistic devices in the following sentences, comment on their stylistic function in the context* ‘Определите использующийся в контексте стилистический прием, прокомментируйте его использование, указав стилистическую функцию’.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что преподавание стилистики как теоретической дисциплины языковедческого цикла способствует формированию у обучающихся научного представления о многообразии функциональных стилей современного английского языка, о стилистической дифференциации английского словарного состава, о системе выразительных средств и стилистических приемов на всех языковых уровнях. Вместе с тем, данная учебная дисциплина обладает высоким практико-ориентированным потенциалом, поскольку способствует формированию у обучающихся понятия языковой и стилистической нормы, развитию компетенции в целесообразном использовании нейтральной и стилистически маркированной лексики, закреплению навыков стилистической интерпретации текста.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Степанова И.В. Стилистика английского языка : учеб. пособие. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. 188 с.
2. Степанова И.В. Практикум по стилистике английского языка : учебное пособие (на англ. яз.). Челябинск : Энциклопедия, 2014. 148 с.

И. Г. Тучкова (Москва, Россия)

СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИТУАТИВНО-РОЛЕВЫХ ИГР

Статья посвящена одной из современных практико-ориентированных образовательных методик, применяемых на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе, – ролевым играм. В статье рассматриваются способы организации ситуативно-ролевых игр, а именно, аквариум, параллель, ротация ролей, обращение ролей, дублирование. Дана краткая характеристика, и упомянуты особенности каждого способа. Также указаны преимущества и недостатки их использования. Сделан вывод о необходимости применения ролевых игр на занятиях по иностранному языку в вузе.

Ключевые слова: ролевые игры; аквариум; параллель; ротация ролей; обращение ролей; дублирование.

The article is devoted to one of modern practice-oriented educational methods used at foreign language classes at non-linguistic higher institutions – role-plays. The methods of organizing situational role-plays, i.e. aquarium, parallel, rotation of roles, transformation of roles, duplication are considered in the article. The short characteristic of each method is given and their peculiarities are mentioned. Benefits and shortcomings of their usage are emphasised. The conclusion of the necessity of using role-plays at foreign language classes at higher institutions has been made.

Key words: role-plays; aquarium; parallel; rotation of roles; transformation of roles; duplication.

В условиях постоянных социальных перемен ученые и преподаватели, работающие в системе высшей школы, ищут новые методы преподавания, которые помогут студентам получить те знания, которые будут им необходимы в их профессиональной деятельности и помогут справляться с неизбежно возникающими стрессовыми ситуациями. Обучаемые должны уметь правильно общаться, в том числе и на иностранном языке, и быть заинтересованными в изучении предметов по своей образовательной программе. Эти задачи являются приоритетными для современной высшей школы, и решаются они через использование современных практико-ориентированных методов обучения [1, с. 46].

А. Г. Козлов в качестве ядра современных практико-ориентированных образовательных методик выделяет следующие методы организации процесса обучения:

- ✓ кейс-метод, предполагающий наличие одного или несколько верных решений, поставленной деловой или профессиональной задачи;
- ✓ ролевые игры, подразумевающие принятие решения, исходя из условий, заданных игровой ситуацией из сферы делового или профессионального общения и ролью, отведенной обучающемуся;
- ✓ проектную деятельность как научно-исследовательскую деятельность студентов, призванную решить назревшие профессиональные вопросы посредством новых творческих подходов [2, с. 142].

Имитацией профессиональной коммуникации в процессе обучения являются ролевые игры, которые приближают ситуацию общения на занятии по иностранному языку к ситуации реального делового общения. Ролевые игры как практико-ориентированные образовательные технологии существенно стимулируют мотивацию обучающихся к изучению иностранного языка. Они раскрывают личный потенциал студентов, формируют стремление к достижению успеха в дискуссии, являются мощным стимулом к самостоятельной работе над совершенствованием своих навыков и умений. Ролевые игры вносят разнообразие в процесс изучения иностранного языка и помогают раскрыть творческий потенциал обучающихся [3, с. 111].

Методика ролевых игр способствует развитию навыков решения контекстных бизнес-задач и профессионально-ориентированных задач. Через решение проблемной ситуации, описанной в ролевой игре, в рамках учебного процесса студенты учатся выполнять задания, которые в будущем станут одним из аспектов их профессиональной деятельности [4, с. 8].

Существуют разные способы организации ролевых игр. Они зависят от цели игры, времени, отведенного на игру, количества участников и т.д. М. ван Ментс выделяет следующие техники организации ролевых игр: аквариум, параллель, ротация ролей, обращение ролей, дублирование, отражение, поддержка, монолог, стул-собеседник, немой помощник, консультационная группа, расстановка, переигровка [5, с. 128]. Ниже рассмотрены способы, которые наиболее часто применяются на занятиях по иностранному языку в вузе.

Аквариум. Название данного метода говорит само за себя. Студенческая группа делится на две подгруппы. Одна подгруппа (активные участники ролевой игры) получает задание и выполняет его под наблюдением другой подгруппы (пассивные участники ролевой игры, или эксперты), участники которой слушают и оценивают активную подгруппу по критериям. Для обеих групп предусмотрен этап подготовки. На данном этапе активные участники читают исходную ситуацию и отведенную им роль, вырабатывают свою линию поведения, продумывают аргументы. Пассивные участники (эксперты), объединившись, вырабатывают критерии оценки, которые будут использоваться при анализе работы каждого участника активной группы. После окончания дискуссии эксперты объединяются и в группе обсуждают результаты ролевой игры и оценки каждого из участников, и в результате, дают единую окончательную оценку каждому участнику активной подгруппы. Потом участники подгрупп меняются местами. Новые участники активной подгруппы получают новое задание, и ролевая игра проводится еще раз.

Преимуществом такого способа проведения ролевых игр является то, что все обучаемые имеют возможность поучаствовать в игре и как активные участники, и как эксперты.

Несомненным недостатком является то, что не все активные участники смогут проявить себя в достаточной мере, поскольку кто-то из участников обсуждения будет несомненно доминировать.

Параллель. При применении метода «Параллель» в ролевой игре одновременно участвует вся группа. Группа разбивается на подгруппы по 2-3 человека. В зависимости от задания ролевой игры задания для групп могут быть одинаковые или различные. При использовании данного метода все участники в подгруппе принимают активное участие в дискуссии. Преподаватель курирует всю группу, перемещаясь от одной подгруппы к другой, производя необходимые записи, чтобы позже оценить участников ролевой игры по заранее выбранным критериям.

После окончания дискуссий все группы представляют результаты своих обсуждений, обмениваются впечатлениями и идеями, а преподаватель производит анализ ошибок.

Преимуществом данного способа организации ролевых игр является то, что все обучаемые в группе могут участвовать в ролевой игре одновременно, при этом ролевая игра не занимает много времени.

Недостатком данного способа организации ролевой игры является то, что, во-первых, невозможно одновременно охватить все группы и, безусловно, некоторые ошибки и коммуникативные проблемы будут пропущены преподавателем. Во-вторых, группы, которые обсуждение закончат раньше, будут вынуждены ждать остальных.

Ротация ролей. Данный способ организации ролевой игры дает возможность нескольким обучающимся попробовать себя в одной и той же роли. Данный метод позволяет всем обучающимся продемонстрировать свой индивидуальный подход к описанной проблеме. Имея время на подготовку и обдумывание своего подхода, участники ролевой игры могут развить дальше идею, выдвинутую предыдущими выступающими или, наоборот, предложить совершенно другой подход к поставленной проблеме. Как правило, данный способ организации ролевой игры используется в том случае, если исходная ситуация предполагает создание ситуации, где несколько человек слушают одного, например, прохождение кадровой комиссии при приеме на работу, выступление с мотивационной речью перед сотрудниками компании и т.д. Участники ролевой игры, которые выполняют роль экспертов, слушают выступающего и оценивают его по заранее заданным критериям. Преподаватель тоже слушает выступающего и оценивает лексическую и грамматическую сторону речи.

Среди преимуществ данного метода организации занятия можно назвать то, что, во-первых, все обучаемые имеют возможность попробовать свои силы в качестве испытуемого. Во-вторых, участвуя в качестве эксперта, каждый может оценить себя и свои идеи, сравнив с одноклассниками.

Обращение ролей. Данный способ организации ролевой игры позволяет участникам сыграть не одну, а несколько ролей в течении ролевой игры. Как правило, сначала участники ролевой игры разбиваются на пары, в которых каждому отведена своя роль. Сыграв свои роли, участники меняются ролями. Такая смена ролей особенно интересна, когда участникам приходится играть роли, противоположные в поведенческом или профессиональном плане: начальник – подчиненный, руководитель проекта – стажер, начинающий предприниматель – потенциальный спонсор и т.д. Отработав свое задание полностью, пары могут поменяться заданиями. Преподаватель контролирует весь процесс игры, происходящей в аудитории, переходя от пары к паре, делая пометки, касающиеся каждого обучающегося. После активной стадии игры идет обсуждение, участники высказывают свое мнение, преподаватель разъясняет ошибки, сделанные игроками.

Одним из преимуществ использования способа обращения ролей является то, что после активного отстаивания определенной точки зрения контраст при переходе на другую позицию дает участнику ролевой игры не только новые идеи, но и мощный толчок к пониманию чужих идей и новому взгляду на существующую проблему. В итоге, каждый участник рассматривает конкретную ситуацию с противоположных точек зрения.

Среди недостатков можно отметить сложность одновременного контроля за всеми участниками ролевой игры.

Дублирование. При применении данного способа организации ролевой игры участники разбиваются на группы по четыре человека. В каждой группе два участника разыгрывают ситуацию, а другие два являются их помощниками, которые поддерживают своих участников, разъясняя их мысли, чувства, мотивы их действий, обосновывая, если это необходимо, их идеи. Здесь очень многое зависит от проницательности дублера и его способности тонко чувствовать людей и ситуацию. Именно это поможет организовать связь с дублируемым участником ролевой игры, не создавая у него ощущения, что его контролируют или что он что-то делает недостаточно хорошо.

Положительным аспектом применения способа дублирования является то, что данный подход способен вынести на поверхность эмоциональное содержание вербальной интеракции, которое часто оказывается скрытым под нагромождением слов. Дублирование может оказаться отличным способом показать студентам, какими видят их самих, а также их мысли и идеи со стороны.

Таким образом, применение ролевых игр на занятиях по иностранному языку в вузе является частью практической подготовки будущих профессионалов и дает возможность обучаемым достичь следующие цели:

- ✓ применить на практике все полученные в процессе обучения знания и кавыки;
- ✓ развить навыки коммуникации;
- ✓ усовершенствовать навыки командной работы;
- ✓ проявить свои навыки критического мышления [6, с. 137].

В современном мире успех зависит не только от правильной организации работы в компании и отлаженных бизнес-процессов. Умение правильно выстраивать отношения с коллегами и партнерами и поддерживать эти отношения, умение находить выход из самых сложных ситуаций, умение решать рабочие вопросы оптимально быстро и эффективно, – все это чрезвычайно важно в мире бизнеса. Именно этому студенты и учатся в процессе ролевой игры. Таким образом, применение ролевых игр в образовании приобретает сейчас все большее значение.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Деревянко А. А., Свистунов А. С. Применение метода ролевой игры в процессе обучения грамматике английского языка в вузе // Международный научно-исследовательский журнал. №6 (96). 2020. С. 46–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priimenenie-metoda-rolevoy-igry-v-protseesse-obucheniya-grammatike-angliyskogo-yazyka-v-vuze/viewer> (дата обращения: 12.07.2023).
2. Козлов А. Г. Технология создания юридических кейсов как ориентир для разработки современной кейс-методики // Инновационные технологии преподавания иностранных языков в системе высшего образования: колл. монография под ред. Чудновского А. Д., М.: ООО «Русайнс», 2022. С. 142–159. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50287038> (дата обращения: 12.07.2023).
3. Соболева О. С., Казарян О. В. Методики, имитирующие естественную профессиональную коммуникацию, при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Педагогика и психология образования. 2019. № 3. С. 109–116. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodiki-imitiruyuschie-estestvennyuyu-professionalnuyu-kommunikatsiyu-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku-v-neyazykovom-vuze/viewer> (дата обращения: 10.07.2023).

4. Козлов А. Г., Тучкова И. Г. English for specific purposes: Business in modern world: учебное пособие. М.: ООО «Русайнс», 2023. 223 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50081016> (дата обращения: 8.07.2023).
5. Ментс М. ван Эффективное использование ролевых игр в тренинге. – СПб: Питер, 2001. 208 с. URL: https://pedlib.ru/Books/5/0379/5_0379-1.shtml (дата обращения: 10.07.2023).
6. Голованова И. С., Ермакова Ю. Д., Куликова Н. В. Деловая игра с элементами ролевой игры как способ эффективной подготовки специалистов со знанием иностранного языка в неязыковом вузе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 135–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-igra-s-elementami-rolevoy-igry-kak-sposob-effektivnoy-podgotovki-spetsialistov-so-znaniem-inostrannogo-yazyka-v-neyazykovom-vuze/viewer> (дата обращения: 10.07.2023).

А. В. Фридерикс (Серпухов Россия)

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВОЕННОГО ВУЗА ПРИ ОБУЧЕНИИ КУРСАНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Рассматриваются основные особенности специфики образовательной среды и ее влияния на образовательный процесс в военном вузе при обучении иностранному (английскому), особенно в период адаптации курсантов к новым условиям. Выделены сложности, возникающие в процессе обучения, такие как информационная, психологическая нагрузка, сложности иноязычной профессиональной лексики и другие. Рассматриваются педагогические условия, способствующие благоприятной образовательной обстановке на занятиях по иностранному языку для формирования коммуникативных компетенций, такие как соблюдение воинских ритуалов, гендерное однообразие, сотрудничество преподавателя и курсантов, наличие одинаковой формы. Актуальность исследования состоит в конкретизации педагогических условий, оказывающих положительный эффект на процесс обучения иностранным языкам в военном вузе для успешной будущей профессиональной деятельности военного специалиста.

Ключевые слова: курсант; образовательная среда; адаптация; межкультурное взаимодействие; диалог культур; коммуникация; сензитивный период; педагогические условия.

The main features of the specifics of the educational environment and its influence on the educational process in a military university when teaching a foreign language (English), especially during the period of adaptation of cadets to new conditions, are considered. The difficulties that arise in the learning process, such as information psychological load, the complexity of foreign language professional vocabulary, and others, are highlighted. Pedagogical conditions are considered that contribute to a favorable educational environment in foreign language classes for the formation of communicative competencies, such as the observance of military rituals, gender uniformity, cooperation between the teacher and cadets, the presence of the same form. The relevance of the study lies in the specification of pedagogical conditions that have a positive effect on the process of teaching foreign languages in a military university for the successful future professional activity of a military specialist.

Key words: cadet; educational environment; adaptation; intercultural interaction; dialogue of cultures; communication; sensitive period; pedagogical conditions.

Значимость образования в обучении, формировании личности, осознании гражданственности, психологической устойчивости, духовном и нравственном развитии человека сложно переоценить. Это обусловлено в большей степени заинтересованностью каждого в личностном становлении, а не только в приобретении знаний. Поэтому, на наш взгляд, руководство военного вуза, профессорско-преподавательский состав кафедр должны проявлять значительный интерес к исследованию вопроса образовательной среды и процесса адаптации курсантов к условиям в высших учебных заведениях Министерства обороны. Это внимание в первую очередь обусловлено весомой значимостью приобретения опыта адаптации периода курсантского обучения, что в последующем непременно сказывается на успешности профессионального привыкания военного специалиста к выполнению служебных обязанностей.

Сложность адаптационного процесса заключается не только в пограничности состояния самого статуса группы «курсанты» в социуме, но и определяется спецификой их учебы и службы. Несмотря на указанные особенности, такой период «курсантства» является сензитивным (встречается также сенситивный) – период в жизни человека, создающий наиболее благоприятные условия для формирования у него определенных психологических свойств и видов поведения [1]) для формирования и развития адаптивных качеств личности курсанта [2].

Если охарактеризовать курсанта – молодого человека определенной возрастной группы с психологической точки зрения – то такой обучающийся, будущий офицер, представляет собой единство психологических процессов, состояний и свойств личности курсанта. Основное с психологической стороны – это психические свойства (темперамент, направленность, характер, способности), от них зависит как проходят психические процессы, проявление психических состояний, возникновение психических образований. При рассмотрении отдельно взятого курсанта, необходимо принимать во внимание его личные особенности психических процессов и состояний [3].

Во время учебы в военном вузе многими учеными-психологами (С. А. Пакулина, В. А. Петровский, Г. Селье, А. Е. Сурина и др.) отмечается высокая степень психологического стресса у курсантов, которая сопровождает процесс адаптации к военной профессиональной деятельности. Помимо того, что пригодность к профессии военного требует от курсанта проявлять себя как сильную, психологически устойчивую, уверенную в себе личность, также можно наблюдать тенденцию к зависимости от группы в психологическом плане. Группе курсантов свойственно усиление военно-профессиональной идентификации и сплоченности, а это, в свою очередь определяет стиль взаимодействия с другими людьми. В то же время отражает особенности социально-психологической адаптации в воинском коллективе. Современная военная профессия – это не только овладение сложной

техникой и вооружением, но и умение будущих офицеров ориентироваться в широком спектре информации, которая может иметь дестабилизирующую силу. Несомненно, что современная военная профессиональная деятельность связана с информационной психологической нагрузкой и требует адаптации к возможной информационной перегрузке [3].

На примере дисциплины «Иностранный язык» в периоде адаптации, нельзя не выделить, что иноязычная лексика, грамматика, в частности произношение и слушание, являются ещё одним стрессовым фактором, потому что иностранная речь – это, в большинстве случаев, также «напряженная» дисциплина, которая связана с необходимостью высокой нагрузки на психику при переводе и понимании смыслов произнесенного преподавателем, нагрузкой на процессы памяти для поиска подходящих слов для коммуникационного иноязычного процесса, и «чужой» язык в таком случае, как инородное тело, порой отторгается организмом, и мыслительные процессы курсанта, находящегося под прессингом адаптивных условий, сопротивляются новой профессиональной лексике, да ещё и на иностранном языке.

Важно принимать во внимание, что обучающиеся имеют на первом курсе обучения в вузе разные уровни подготовки по дисциплине. Преподавателю необходимо проделать огромную работу, заключающуюся помимо выравнивания уровня владения иностранным языком курсантов, «мягкой» адаптации к среде военной образовательной организации, имеющей закрытый тип, но и в выборе содержания обучения, методов и средств обучения, индивидуальном подходе к обучению курсантов в зависимости от их образовательных потребностей [4].

Поэтому совместная работа преподавателя с курсантами в военном вузе, особенно на этапе адаптации, должна быть направлена на построение комфортных отношений, налаживание коммуникативных связей, формирование коммуникативной культуры, объяснения важности владения иноязычной коммуникацией для осуществления диалога культур. На наш взгляд, подобный успешный подход должен строиться по интегративному принципу (основанному на межличностной, внутриличностной, внутрипредметной и межпредметной педагогической интеграции), сочетать принципы гуманистической педагогики сотрудничества межличностного взаимодействия курсантов и преподавателя.

Поскольку формирование коммуникативной культуры будущих офицеров происходит в условиях образовательной среды, которая рассматривается как культурно-образовательное пространство, в котором приоритетное место занимают гуманистически-нравственные ценности, способствующие формированию гуманистического сознания, то в основе такого сознания лежит ценностное отношение к достоинству и правам человека, национальным и этническим традициям, диалоговому взаимодействию между людьми [5].

Коммуникативный сотрудник почти всегда представляет ценность в любой организации, так как обладает способностями общения с широкой аудиторией: представителями различных возрастных групп, с людьми различных профессий, имеющими разный статус, религию и даже гражданство. Для военных это особенно важно, так как успешность при выполнении служебных обязанностей зависит от того, как он чувствует среду, в которой оказался, какие необходимо подобрать слова и степень выражения эмоций, окрас речи в той или иной ситуации. Таким образом, в некоторых случаях от степени развития коммуникативности зависит жизнь и здоровье людей [6].

Совместная деятельность, сотрудничество между преподавателем и курсантом как одно из важных педагогических условий должно осознаваться и восприниматься обеими сторонами-участниками образовательного процесса как преимущество для достижения успеха их кооперации, а также хорошим мотивационным моментом. Совместная деятельность задает позитивный тон всему процессу обучения, направляя его в русло устоявшейся системы отношений с интересами и потребностями, которые удовлетворяют обе стороны. Командная работа дает простор и мотивацию курсантам в поиске новых смыслов, а именно, обучающиеся открывают возможности для развития самого себя и товарищей, а не только быть нацеленным на итоговый результат обучения в коллаборации [5].

Преподаватели, действительно вовлеченные в процесс и желающие повысить уровень достижений по своему предмету, в свою очередь также находят подход к курсантам через их товарищей, курсовых офицеров, прапорщиков (грамотной компоновкой пар для диалоговой работы, разбору текста на иностранном языке, а также для дополнительного контроля выполнения заданий самоподготовки). Таким образом, осуществляется межличностная педагогическая интеграция.

Несомненно, продолжительность пребывания в военном вузе благотворно влияет на психологический климат в отдельно взятых группах и на курсе в целом, растущий стаж способствует налаживанию атмосферы доброжелательных, уже устоявшихся отношений, так как курсанты долгое время находятся на виду и уже заработали себе определенную репутацию и статус в коллективе, а те, кто осознал, что будущая профессия не удовлетворяет его ожиданиям, уже покинули учебное учреждение.

Нельзя не согласиться, что громадная роль в процессе адаптации молодых людей отводится воинским ритуалам, обязательным построениям в начале учебного дня под гимн и поднятие флага Российской Федерации, кроме того, само наличие формы уже отличает и дисциплинирует, помогает лучше привыкнуть к обстановке и избежать сравнений в одежде, то же самое можно сказать и об отсутствии «гаджетов» по сравнению с гражданскими вузами, где психологическая обстановка в этом отношении более напряженная, так как учащегося нередко будут сравнивать и встречать по одежке

сокурсники. Следовать воинским ритуалам ежедневно – значит чувствовать, что принадлежишь к единому «организму» и его внутренней культуре, это оказывает положительный эмоциональный эффект на курсантов [7].

Не последнюю роль играет гендерное однообразие, присущее военной среде вуза, где учатся лица мужского пола, и преподаватели как военных, так и гражданских кафедр преимущественно мужчины. С психологической точки зрения, в однополом коллективе легче понять друг друга, подать пример, помочь советом, таким образом, общий язык и отсутствие отвлекающих моментов из-за того, что нет необходимости соперничать и уделять внимание женскому полу, также вносят определенную лепту для быстрого привыкания к военной образовательной организации.

Итогом данного исследования является выделение главных, на наш взгляд, факторов образовательной среды военного вуза, в том числе при изучении иностранного языка, таких как: адаптационный период первого года обучения, информационно-психологическая нагрузка, которая может привести к перегрузке, сложность освоения иноязычной профессиональной лексики, гендерное однообразие, военные ритуалы, межличностные отношения в коллективе вуза, умение замотивировать обучающихся, проявить сотрудничество.

По нашему мнению, указанные выше социально-психологические особенности, имеют полезное практическое значение, для того, чтобы на них обратили внимание не только преподаватели кафедры иностранных языков, но и курсовые офицеры, кураторы учебных групп, так как их непосредственными основными задачами являются: планирование и функционирование на должном уровне жизнедеятельности структур воинской организации, умение способствовать сплоченности коллектива военных, решение разнообразных вопросов и сложностей учебного процесса, активная поддержка и помощь курсантам с выбором верного направления в решении возникающих проблем.

Обозначенные факторы могут также помочь в своевременном выявлении и контроле фактов дезадаптации с учетом курса обучения, а также разработке и внедрению программ психологического кураторства в учебной и профессиональной деятельности будущих офицеров, ведь уровень их квалификации, требуемый для общества в текущих реалиях специальной военной операции (СВО), миротворческих миссиях и других важных мероприятиях, связанных с обороной страны и отстаиванием интересов государства, значительно возрос, в том числе это касается и требований, предъявляемых к офицеру как к личности [7].

В заключение также хочется выделить, что процесс обучения иностранным языкам в военном вузе является сложным многоаспектным явлением. Отлаженное функционирование системы иноязычного обучения в военном вузе зависит от осознания и принятия преподавателями и курсантами элементов и этапов специфики образовательного процесса военного вуза в целом, что помогает в планировании деятельности для реализации, в том числе цели формирования универсальных компетенций при обучении иностранному языку.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Немов Р. С. Психология: Учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. Кн.2. Психология образования. – 3-е изд.. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 608 с.
2. Чихачёв М. В., Поликанов А. В. Адаптивность личности как интегративная особенность адаптации курсантов к обучению в военных институтах внутренних войск МВД России // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6. № 3. С. 497–503.
3. Поликанов А. В. Военно-профессиональная деятельность как фактор адаптации курсантов к образовательной среде военного института внутренних войск МВД России // Преподаватель XXI века. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-professionalnaya-deyatelnost-kak-faktor-adaptatsii-kursantov-k-obrazovatelnoy-srede-voennogo-instituta-vnutrennih-voysk-mvd> (дата обращения: 27.08.2023).
4. Чернухина Ю. А. Актуальные проблемы обучения иностранному языку в условиях образовательной организации закрытого типа. Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXXII Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2019. С.15–18.
5. Машин В. Н. Возможности технологий социально-культурной деятельности в формировании коммуникативной культуры курсантов военных вузов // Вестник ВГТУ. №3-2. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-tehnologiy-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti-v-formirovanii-kommunikativnoy-kultury-kursantov-voennyh-vuzov> (дата обращения: 16.08.2023).
6. Фридерикс А. В. Формирование универсальных компетенций будущих офицеров как фактор успешного управления военным персоналом // Управление персоналом: реалии настоящего и возможности будущего : материалы I Международной научно-практической конференции, Донецк, 20 апреля 2022 года. Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2022. С. 445–452. EDN OURVHP.
7. Маленова А. Ю., Алимбаева Б. Ш. Особенности социально-психологической адаптации курсантов к условиям обучения в военном вузе // ОмГУ. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-kursantov-k-usloviyam-obucheniya-v-voennom-vuze> (дата обращения: 26.08.2023).

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Е. А. Бурдун, О. В. Кравченко (Таганрог, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ТЕРМИНОЛОГИЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО–СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМУ ЧТЕНИЮ В КЛАССАХ ПРОФИЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В работе предпринимается попытка описания особенностей работы с терминологией французского языка в процессе обучения профессионально-специализированному чтению в классах профильной направленности.

В соответствии с Концепцией профильного обучения, внедряемого в современные школы, на старшей ступени образования профилизация обучения ставит перед выпускником основной ступени сложную задачу самоопределения в отношении профилирующего направления своей будущей деятельности. Необходимость ответственного выбора требует грамотной предпрофильной подготовки учащихся еще в основной школе. От выбранного профиля обучения зависит не только успешность учебного процесса, но и возможности для дальнейшего развития в выбранной профессиональной сфере.

В исследовании проанализированы возможные приемы работы с терминологией, составляющей основу большинства профессионально-ориентированных текстов.

Ключевые слова: терминология; профильное обучение; учебный процесс; чтение; обучающиеся.

The paper attempts to describe the features of working with the terminology of the French language in the process of teaching professionally specialized reading in specialized classes.

In accordance with the Concept of specialized training introduced into modern schools, at the senior stage of education, the profiling of training poses a difficult task for the graduate of the main stage of self-determination in relation to the profiling direction of his future activities. The need for responsible choice requires competent pre-professional training of students in primary school. Not only the success of the educational process depends on the chosen training profile, but also the opportunities for further development in the chosen professional field.

The study analyzes possible methods of working with terminology that forms the basis of most professionally-oriented texts.

Key words: terminology; specialized training; learning process; reading; students.

В настоящее время современная школа, реализуя принципы Концепции профильного обучения, решает сложную задачу самоопределения старшеклассников, ориентируя в выборе возможного профилирующего направления их будущей профессиональной деятельности. Особую актуальность приобретает профессионально–специализированный подход к обучению иностранному языку на старшем этапе, который предусматривает формирование у обучающихся способности иноязычного общения в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях. Такой подход предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях.

В рамках обозначенного подхода чтение относится к одному из ведущих видов речевой деятельности, обеспечивающих доступ к информации и способствующих успешной адаптации в иноязычной коммуникативной среде при условии учета психолингвистических особенностей обучающихся. Чтение текстов на иностранном языке расширяет кругозор человека и дает возможность изучать культуру страны изучаемого языка. Именно чтение даёт наибольшие возможности для воспитания и всестороннего развития школьников средствами иностранного языка [1, с. 15].

В нашей работе будут описаны особенности и приемы работы с профессионально-специализированными текстами. Данные тексты были специально отобраны из технической литературы, используемой в сфере самолётостроения. Выбор профессиональной области обусловлен запросами от представителей работодателей, оказавшихся в условиях острого дефицита специалистов, способных работать с технической документацией на французском языке.

Образовательный стандарт нового поколения не дает подробную инструкцию, как должен выглядеть образовательный процесс, но он четко указывает требования к его результатам, не только предметным, но и метапредметным, и личностным.

Переход процесса обучения на новые образовательные стандарты зачастую влечет за собой изменение роли педагога. Современная педагогика рассматривает учителя как управленца, направляющего активную развивающую деятельность учащихся в нужное русло. Для осуществления данной задачи преподаватель должен иметь высокий уровень профессионально-педагогической подготовки, быть компетентным в своей области, обладать мастерством и умением использовать все доступные ему инструменты организации учебного процесса [2, с. 17].

Перед учителем стоит задача – спланировать обучающую деятельность так, чтобы получить максимально значимый результат. Важным этапом планирования работы учителя с профессионально-специализированными текстами состоит в том, чтобы подобрать эффективные способы организации деятельности и приемы работы в рамках возможностей современных образовательных программ и применения эффективных образовательных технологий.

Современные образовательные стандарты, в первую очередь, требуют переориентации в сторону стимулирования творческой и проектной деятельности. Работа с профессионально-специализированными текстами дает богатые возможности для реализации профессионально-окрашенных проектов.

Использование инновационных технологий открывает возможность правильно организовать и улучшить процесс обучения чтению профессионально-специализированных текстов.

Следует отметить, что технический текст представляет собой особую коммуникативную единицу с единой терминологической системой, имеющей однозначное толкование и понимание среди специалистов конкретной профессиональной области. Поэтому обучение чтению технических текстов на французском языке с применением инновационных технологий способствует профилизации обучающихся [3, с. 79].

Технические тексты специфичны по своей структуре и содержанию. Изучением специфики технического текста занимались многие ученые, такие как А. Э. Бабайлова, Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев, Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн, Г. В. Колшанский. Анализ результатов их исследований позволяет говорить о выделении следующих лингвистических характеристик, присущих техническому тексту: связность, цельность, непрерывность, прагматическая установка, завершенность, информативность, наличие терминов. При работе с техническим текстом, учителю следует обращать внимание на особенности грамматических форм и стилистическую нейтральность, характерную для изучаемого жанра. Но именно работе с терминами по мнению многих методистов следует уделять внимание при обучении чтению профессионально-специализированных текстов. Термины, относящиеся к профессиональной лексике, используются в узкоспециальных областях человеческой деятельности. Именно термины несут ключевую информацию в техническом тексте. Термины преобладают над прочими лексическими единицами. В техническом тексте встречаются термины разных типов: простые термины–существительные (*avion* ‘самолет’, *brillance* ‘яркость’, *départ* ‘отъезд’, *moteur* ‘двигатель’, *copilote* ‘второй пилот’, *générateur* ‘генератор’, *aérofrens* ‘тормозной щиток’); термины–глаголы (*brancher* ‘включить’, *débrancher* ‘отключить’, *nettoyer* ‘очистить’, *supprimer* ‘удалить’); сокращённые термины (*GAP* ‘вспомогательная силовая установка’, *VHF* ‘очень высокая частота’, *INS* ‘внутренняя инерциальная система’); термины–прилагательные (*automatique* ‘автоматический’, *auxiliaire* ‘дополнительный’, *manuel* ‘ручного управления’) и т.д.

Анализируя научные работы по изучению терминов, мы пришли к выводу, что концепции некоторых авторов в обязательном порядке надо методически обработать и использовать в учебном процессе. Так, с позиций когнитивистики терминологию изучает Т. Г. Попова и разъясняет, что «прозрачная внутренняя форма термина нередко дает его расшифровку» [4, с. 26]. Опираясь на данное предположение, учитель может составить комплекс заданий, в которых термин достаточно легко распознается благодаря анализу его внутренней формы, а также упражнения по составлению новых терминов по изученной модели.

Благодаря исследованиям Р. Ф. Прониной, становится очевидным, что «любой термин следует рассматривать не как обособленную смысловую единицу вне всякой связи с окружающими его словами и контекстом в целом, а как слово, за которым закреплено определенное техническое значение, но которое может изменить свое содержание в зависимости от той отрасли, в которой оно употреблено в данном конкретном случае» [5, с. 38]. Данное положение также можно методически обработать, проиллюстрировать примерами: *un alignement* – ‘выставка’ (в авиации); ‘выстраивание в линию’ (в военной сфере); ‘расположение по прямой’; ‘установка в ряд’ (в машиностроении) и т.д. В качестве задания обучающимся будет предложено подобрать те термины, которые соответствуют одному понятию и

разграничить область применения выделенных терминов. Например: ‘клапан’ – *un clapet, une vanne, une valve*; ‘заглушка’ – *un bouchon, un obturateur, une cache* [6].

Учителю необходимо разъяснить обучающимся в профильных классах основные требования к работе с терминологическими лексическими единицами. К таким требованиям относятся:

- максимальная точность передачи информации;
- недопущение искажения и переформулирования смысла;
- сохранение нейтральной стилистической окраски.

Терминология, которой насыщены специальные тексты, требует кропотливой и монотонной работы с лексикографическими источниками, справочниками, специализированными словарями. На современном этапе учителю, безусловно, следует познакомить и ввести в учебный процесс на постоянной основе работу со специализированными одноязычными и двуязычными техническими словарями. Примером таких онлайн-источников можно считать Disconline. Данный ресурс предлагает справочные, толковые, орфографические и технические словари. По нашему мнению, при работе с иноязычным техническим текстом учителю следует стимулировать обучающихся к работе с термином, в первую очередь, на родном языке. Именно это позволит добиться требуемой точности передачи информации. Также такая деятельность даёт возможность демонстрации различий в формулировании терминов и определении понятий в русском и французском языках.

Примером двуязычного справочного онлайн-ресурса может быть ресурс Вокабула. Данный ресурс кажется нам особенно эффективным, так как работает в тесной связи с французско-русским техническим словарем, Новым французско-русским словарем, Новым французско-русским техническим словарем.

Организовать работу со справочными онлайн-ресурсами целесообразно в рамках проектной деятельности, в индивидуальных домашних заданиях или в условиях классно-урочной системы.

Особое внимание заслуживает возможность организации работы по усвоению терминов и их особенностей при помощи многоязычных справочников, которые позволяют сопоставить термины родного, английского и французского языков. Такой вид деятельности не только обеспечит запоминание изучаемых единиц, но даст возможность найти разницу в построении словосочетаний, предложном управлении.

Подводя итог, следует отметить, что особенности инновационного процесса в области образования позволяют говорить о внедрении в учебный процесс целого ряда инновационных педагогических технологий. Современные подходы к обучению, в частности, стратегический подход, позволяет организовать эффективную работу по изучению содержательно-смысловых особенностей технических текстов; а именно особенностей специальной терминологии в текстах как средства выражения основных профессиональных направлений.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рогова Г. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
2. Белоусова И. Д. Профессиональные стандарты в сфере обучения ИТ–специалистов // Современное: сборник научных трудов по материалам Международной научно–практической конференции 31 марта 2015 г.: в 16 частях. Тамбов, 2015. Часть 9. С. 20–21.
3. Агапитова Т. Г. Дидактические основы обучения иноязычному информативному чтению как средству формирования профессиональной культуры специалиста по иностранным языкам. Пермь: Изд–во ПГУ, 2003. 171 с.
4. Попова Т. Г. Лексический состав испанского научно–технического текста. М.: РУДН, 2010. 48 с.
5. Пронина Р. Ф. Перевод английской научно–технической литературы. М.: Высшая школа, 1986. 174 с.
6. Maake W., Eckert H.–J., Cauchepin J.–L. Manuel technique du froid. Bases–composants–calculs. Montage, Conduite, Maintenance des installations frigorifiques // Le POHLMANN. Paris: PУC Edition, 1993. 1204 p.

Л. А. Велис (Пятигорск, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ОЛЬФАКТОРНОЙ ЛЕКСИКИ

Ольфакторное поле (запахи) является сложным объектом для исследования т.к. ольфакторный опыт в большинстве языков мира описывается при помощи различных стилистических средств (сравнений, метонимий, метафор и т.д.), что осложняет процесс перевода не только лингвистическими, но и культурными затруднениями. В данной статье сопоставляются примеры переводов ольфакторного кода с их оригиналами для поиска приемов, закономерностей и затруднений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: переводческие затруднения; язык и культура; ольфакторный опыт; запах.

The olfactory field (smells) is a difficult object to study, because in most languages of the world it is characterized using various stylistic means (comparisons, metonymies, metaphors, etc.), which complicates translation not only with linguistic but also cultural difficulties. This article compares examples of translations of the olfactory code with their originals to search for techniques, patterns and difficulties.

Key words: translation difficulties; language and culture; olfactory experience; smell.

Существует множество теоретических подходов к понятию перевода, из-за чего критерии хорошего перевода часто размываются [1; 2]. Есть мнение, что «Перевод – не копия оригинального текста; он не является, не должен претендовать на то, чтобы являться тем же произведением, но с иной лексикой» [3], поскольку он является совсем иным произведением. В контексте приведённого мнения перевод представляется не итоговым текстом, а путем к нему. Здесь же рождается идея возможности множества вариаций переводов одного и того же текста.

Большинство исследователей придерживается менее радикальной позиции, соглашаясь лишь с тем, что любой перевод не является абсолютной копией текста оригинала, поскольку невозможно полностью преодолеть языковые, культурные и другие особенности. Однако это не отменяет стремления к наиболее полному воспроизведению оригинала. У. Эко при этом замечает, что другой язык способен открывать и наделять текст оригинала смыслами, которые тексту идут только на пользу [4].

Сегодня в рамках функционально-коммуникативного подхода под удачным переводом понимается такой перевод, который по своим прагматическим функциям максимально приближен к оригиналу [4].

Ольфакторная лексика (запахи) в данном случае представляют особый интерес для переводческих затруднений, поскольку перцептивный ольфакторный опыт чрезвычайно субъективен и высоко эмоционален, что является причиной сложности его передачи как внутри одного языка, так и между носителями разных языков. Более того, из-за различных личностных особенностей, бытовых и культурных привычек отношение к различным запахам в разных культурах исторически закрепилось неоднородное [5], поэтому при переводе ольфакторного опыта не последнюю роль играет культурный аспект. То есть переводчику необходимо разработать методы смысловой конвертации не только на языковом, но и на культурном уровнях.

Относительно лексических единиц переводческие затруднения можно разделить на несколько групп:

1. Лексические единицы, перевод которых не затрудняет понимание, т.к. реципиент переводного текста знаком с понятием (запах розы, запах дыма и т.д.).

2. Лексические единицы, указывающие на ольфакторный опыт, которым читатель не обладает, но по отдельным ассоциациям может «допредставить» (запах земли в банановых рощах, запах паленой плоти).

3. Ольфакторные лакуны, лексические единицы представляющие ольфакторный опыт незнакомый для культуры реципиента (запах калонджи, запах бирияна).

4. Метафорические обороты, значение которых сложно представить (запах грома, пахнуть солью и солнцем и т.д.).

В рамках данной работы на материале национального корпуса русского языка [6] и произведения Ч. Б. Дивакаруни «Принцесса специй» были рассмотрены примеры перевода ольфакторной лексики в русском и английском языках. Отметим, что исследование проведено на примерах относящихся к третьей и четвертой группам, поскольку в первых двух не возникает сложностей при переводе.

При работе с ольфакторными лакунами предполагается, что переводчик столкнется с проблемой передачи ольфакторного опыта, т.е. появляется проблема: переводить, делая описание максимально понятным для читателей, либо же оставить неясность.

(1) *Their aroma like the long curling notes of the shehnai, like the madol that speeds up the blood with its wild beat.* [7] ‘Их аромат – как длинные протяжные звуки шехнай, как неистовые ритмы мадолы’. [8].

В данном случае, пользуясь приемом отстранения, переводчик оставил экзотические названия: «шехнай» (либо шахнай) – индийский музыкальный инструмент из семейства гобоя; и «мадал» (или маадал) – непальский народный музыкальный инструмент. Но при переводе опущено, что шехнай является церемониальным инструментом. То есть аромат носит сильный, интенсивный, даже праздничный характер.

(2) *They are serving their men biriyani fragrant with ghee, cool bowls of raita, patra seasoned with fenugreek.* [7] ‘Они подают на стол своим мужчинам бирияни, с ароматом топленого масла’. [8]

В данном случае «бирияни» (или бирьяни) – второе блюдо из риса и специй, с добавлением мяса, рыбы и т.д. Едва ли человек, не пробовавший это блюдо, поймет его вкус. Однако, из описания отдельных ингредиентов читатель может хотя бы отдаленно представить, что это такое, в то время как «бирияни» не несет абсолютно никакой ассоциации. Тем не менее, мы видим, что переводчик жертвует пониманием, приобретая стилистический налет экзотичности и неизведанности.

(3) *whose mouths smell of my fenugreek, my elach, my peen paraag.* [7] ‘чьи рты пахнут моей шамбалой, царицей приправ’. [8]

«Fenugreek» имеет перевод «пажитник сенной», однако, чтобы не нарушать принцип отстраненности, переводчик заменяет его на «шамбалу», а вот культурно нагруженные сложные для перевода «my elach, my peen paraag» за счет лексико-семантической замены преобразует в «царицу приправ».

Чаще всего ольфакторную лексику, с которой читатель мог не встречаться в жизни, т.е. не иметь перцептивного опыта, но слышать название или иметь смутные представления, переводят дословно:

(4) *smelling the aroma from the opened tin of spiced and marinated mackerel.* ‘Из открытой банки исходил пряный аромат маринованной макрели’. (Ernest Hemingway. *The Garden of Eden* (1946–1961) | Эрнест Хемингуэй. Райский сад (Г. Веснина, 2019)).

Не обязательно пробовать маринованную макрель, достаточно знать, что это вид рыбы. Причем автор не избегает конкретизации, чтобы не лишиться текст изящности.

(5) *The air fills with the clean, astringent fragrance of til seeds.* [7] ‘Воздух полон чистого, вяжущего аромата кунжутных семян’. [8]

(6) *I smell it plain, the sandalwood dust in his palm.* [7] ‘пока не начинаю явственно ощущать запах порошка сандалового дерева на его ладони’. [8]

Перевод некоторых метафоричных выражений, не имеющих прямого отношения к благоухающему объекту, сильно зависит от эмоциональной коннотации. Важно понимать, что не во всех культурах значение будет одинаково.

(7) *It gives off the smell of thunder.* [7] ‘От него исходит запах грома’. [8]

В данном примере переводчик использует дословный перевод, поскольку у обеих культур гром ассоциируется с надвигающейся опасностью или проблемами, что также видно из контекста.

(8) *Smelling of garlic pickle and too-large lunches.* [7] ‘от него пахнет чесночным рассолом и затянувшимся обедом’. [8]

В данном случае сложно понять, с какой коннотацией выступает «запах затянувшегося обеда». Если учесть, что в русской культуре запах чеснока, исходящий от человека, носит скорее отрицательную коннотацию, то «затянувшийся обед» тоже приобретет негативный налет.

С другой стороны, интерес представляют метафорические выражения, которые обусловлены скорее не культурным аспектом, а авторским:

(9) *Fear rises from her, shimmering, like heat from cracked summer pavement.* [7] ‘От нее повеяло страхом, так же явственно, как исходит жар от нагретого летом асфальта’. [8]

(10) *I say, tasting the long wingbeat sound of it in my mouth, smell of hot sky rising and falling, dark wood in evening, bright eye, tailfeather formed of charcoal and smoke.* [7] ‘Его запах – жаркое небо, рассветное и закатное, темный вечерний лес, яркий взгляд, дымчато-угольное оперение, – и подходит тебе!’ [8]

(11) *What appealed to him about it was not so much its beauty as the air it seemed to possess of belonging to an age quite different from the present one.* ‘Соблазнила его не столько красота вещи, сколько аромат века, совсем не похожего на нынешний’. (George Orwell. *Nineteen Eighty-Four* (1949) | Джордж Оруэлл. 1984 (В. Голышев, 1989))

(12) *A smell like burning metal rises from the tiny black letters.* [7] ‘Запах чего-то вроде горящего металла поднимается от крошечных черных букв’. [8]

(13) *Shatter of brown glass, fizz of foam, the fermented yellow odor of it spreading over the street, turning the ground dark.* [7] ‘Осколки коричневого стекла, шипение пены, желтая влага впитывается в землю, запах брожения плывет по улице’. [8]

Сложно себе представить выражение «ферментированный желтый запах» в русском языке, и переводчик использует прием лексического добавления, преобразуя английское предложение.

(14) В машине стоял устойчивый субтропический аромат контрабанды. *‘The air in the car was heavy with the persistent subtropical scent of illegally transported fruit.’* (Фазиль Искандер. *Должники* (1968) | Fazil Iskander. *Borrowers* (Robert Daglish, К.М. Cook-Норуџу, 1972–1989))

Здесь переводчик, наоборот, прибегает к конкретизации, расширяя значение до «нелегально транспортируемые фрукты». Возможно, расчет делался на то, что «субтропический аромат контрабанды» должен навести на «фрукты».

Также кажется странной попытка подбора непривычной для русскоязычного читателя специальной лексики для художественного произведения:

(15) *he felt the grapefruit fragrance of her neck.* ‘он почувствовал помпимусовый аромат ее шеи’. (Vladimir Nabokov. *Invitation of a Beheading* (1957) | Владимир Набоков. Пнин (Г. Барабтарло, Вера Набокова, 1983))

Отдельно хотелось бы отметить необычное описание либо непривычную сочетаемость слов.

(16) *Garment factories smelling of starch and sweat and immigration raids.* [7] ‘Фабрики одежды, распространяющие запах крахмала, пота и беженцев’. [8]

(17) *Their thoughts give off the smell of parched earth in a year of failed monsoons.* [7] ‘Их мысли отдают запахом опаленной земли, когда долго не было дождей’. [8]

Из рассмотренных примеров видно, что перевод ольфакторной лексики является сложной задачей, поскольку трудно воссоздать необходимое описание без обладания опытом восприятия конкретного запаха. Обычно переводчики прибегают к дословному переводу, что в свою очередь, опираясь на принцип отстранения, наделяет текст экзотичностью и привносит культурно-национальный колорит. Таким образом видно, что ольфакторная лексика прекрасно выполняет функцию отстранения, а также передачи субъективного, авторского восприятия мира. С другой стороны, данный подход имеет опасность в виде коннотативного и ассоциативного считывания информации. Запахи, как известно, имеют тесную связь с эмоциями и культурным аспектом. Не теряет ли читатель при таком отстранении часть наложенного на текст смысла?

С другой стороны, ольфакторные описания могут быть сложными и порой даже чуждыми для реципиента той же культуры.

(18) *поселок пустел, огороды заполнялись, словно жители, чувствуя запах танковой солярки, запах войны и беды.* ‘the village was emptying, the garden plots filling up, as if the residents had smelled the diesel fuel of the tanks, the smell of war and disaster’. (Сергей Лебедев. *Предельная забывчивость* (2010) | Sergei Lebedev. *Oblivion* (Antonina W. Bouis, 2016))

(19) *там возникал запах окалины от утюга, в который подсыпали угля из печи, запахи простого мыла, ребристой стиральной доски, проточной воды и деревянного валька.* ‘there was the smell that a hot iron gives off when it's filled with coal, the smell of plain soap, the ribbed washboard, running water and wooden mangle’. (Сергей Лебедев. *Предельная забывчивость* (2010) | Sergei Lebedev. *Oblivion* (Antonina W. Bouis, 2016))

Из выше приведенных примеров видно, что англо-говорящие переводчики также стремятся как можно точнее передать другую культуру, не избегая конкретики. Все это позволяет предположить, что ценность ольфакторного кода в художественном произведении заключается не в знании или способности представить конкретный аромат, а в возможности вызова ассоциаций и воздействие на силу воображения читателя.

Основная задача переводчика – не просто погрузиться в культурный контекст, но постараться ассоциативным путем «почувствовать» запах, чтобы потом при помощи средств выразительности своего языка «воспроизвести» аромат в тексте. Для этого при переводе чаще отдается предпочтение конкретизации, дословному переводу в случаях отсутствия эквивалентов. При наличии нескольких вариантов перевода, предпочтение отдается тому, который наиболее полно воссоздает и передает незнакомую культуру или эпоху.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нестерова Н. М. Переводческий дуализм, или философия межтекстовых отношений в переводе // *Komunikacja miedzykulturowa w swietle wspolczesnej translalogii*. 2014. Т. 1. С. 119–133.
2. Папулова Ю. К. Поэтический перевод: степень первичности и вторичности // *Komunikacja miedzykulturowa w swietle wspolczesnej translalogii*. 2014. Т. 1. С. 133–147.
3. Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода. URL: <http://culturolog.ru/content/view/2972/95/> (дата обращения: 10.09.2023).
4. Эко, У. Сказать почти то же самое : опыты о переводе / пер. с итал. и пр. А. Ковалю. Санкт-Петербург : Symposium, 2006 (СПб. : Печатный двор им. А. М. Горького). 568, [4] с.
5. Ароматы и запахи в культуре / ред. О. Б. Вайнштейн. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 616 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/?ysclid=lf3galbygh382702373> (дата обращения: 10.09.2023).
7. Divakaruni С. В. *Mistress of Spices*. United States: Doubleday, 1997. 317 p.
8. Дивакаруни Ч. Б. Принцесса специй / пер. Е. А. Ванюшина. М.: Мир книги, 2007. 316 с.

А. И. Глушкова (Санкт-Петербург, Россия)

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Глобализация актуализировала феномен культурно-языковой экспансии. Однако при формировании единого языка международного общения возникает проблема включения в его дискурс всех областей человеческого знания. В данной работе, отталкиваясь от специфики социокультурного развития Италии, автор предпринимает попытку рассмотрения итальянского языка в качестве инструмента межкультурной коммуникации, концентрируясь на сфере культуры, где исторически сложившийся авторитет итальянца продолжает сохраняться.

Ключевые слова: глобализация; итальянский язык; межкультурная коммуникация; культура; музыка; искусство.

Globalization has actualized the phenomenon of cultural and linguistic expansion. However, when forming a single language of international communication, the problem of including all areas of human knowledge in its discourse arises. The study of the phenomenon cannot be interpreted without recourse to the specifics of the social-cultural development of Italy. This paper attempts to consider the Italian language as an instrument of intercultural communication, concentrating on the sphere of culture, where the historically established authority of the Italian continues to be preserved.

Key words: globalization; Italian language; intercultural communication; culture; music; art.

Взаимопроникновение культур – явление симптоматичное для эпохи глобализации. Сейчас наблюдается интенсификация процессов наложения одних культурных парадигм на другие, переплетение чуждых друг другу мировоззрений и смещение «голосов» культур. Неспособность противостоять мощи крупных держав порождает внутри более слабых государств пертурбации. Трансформации происходят и в области языка, нередко приводя к его тотальному исчезновению, то есть вытеснению из области глобальных коммуникаций [1, с. 115].

Кризис былой идентичности и тенденция мирового сообщества к универсализации актуализировали попытки использования языка в качестве инструмента власти. Превалирующее положение одного языка над другими обуславливается заложенными культурными и экономическими моделями его носителей. Отталкиваясь от качественных и количественных функциональных критериев языка, проясним способы выстраивания определенной иерархии, демонстрирующей их значение и влияние в мировом сообществе. Основными из них являются позиции, связанные с количественными показателями (число говорящих на рассматриваемом языке), с экономической силой настоящей лингвистической группы и с территориями распространения и действительного использования языка для определенных коммуникативных целей [2, с. 43]. К примерам, раскрывающим смысл последнего пункта, часто относят инструменты массовой коммуникации (радио, телевидение, интернет, печать) и научный дискурс. Принимая во внимание трансформации, происходящие с английским языком в области международной коммуникации, прежде всего, в академической среде, можем предпринять попытку определения актуальных процессов. Наблюдается формирование межнационального языка как связующего звена для поддержания научного и делового общения сообществ, своеобразная форма койне. Подобные изменения, происходящие на лингвистическом уровне, можно называть культурно-языковой экспансией.

Тем не менее в отличие от многих других европейских языков распространение итальянского языка, а впоследствии его расцвет и господствующее положение в определенных сферах межкультурной коммуникации, осуществилось практически без применения оружия [3, с. 227]. Это не было ни насаждением конкретных лингвистических моделей, ни целенаправленно выстроенной политической стратегией государства. Глубинные причины сложившегося состояния коренятся в определенной сложности рассмотрения данного вопроса, во многом обусловленного уникальностью социокультурного контекста Итальянского государства. Долгое время сохранявшееся неоднозначное положение Италии на мировой арене, ввиду отсутствия внутреннего культурного, политического и лингвистического единства вызывало не только некоторые сложности при дефиниции границ страны, но

и вытекающие отсюда вопросы об установлении единого государственного языка. Последнее положение усугублялось острой внутренней раздробленностью и избытком диалектальных особенностей, при устранении которых создавался риск искоренения локальных культурных идентичностей. В результате как геополитический инструмент для уравнивания своих позиций на мировой арене итальянский язык не реализовал себя. Ключевую роль в диссеминации итальянского языка, по всей вероятности, сыграла не только практика использования и постепенной популяризации языковых моделей за пределами Апеннинского полуострова. Предотвращение насильственной межкультурной италянизации было предвосхищено спецификой историко-культурного развития народности.

Утверждение итальянского языка как инструмента межнационального общения в сфере культуры за пределами Апеннинского полуострова произошло в XVI–XVIII веках. Главенство культурного койне той эпохи обусловили авторитет и сила влияния художественного, литературного, архитектурного и музыкального наследия изначально на европейские, а впоследствии и остальные культуры [3, с. 227]. Так еще инициированное в эпоху Возрождения культурное превосходство, обусловленное опережающими темпами развития в определенных сферах жизни, было подавляющим. Достаточно обратиться к произведениям У. Шекспира, действие которых преимущественно разворачивается в географических пределах Италии, а сама сюжетная линия рождается как результат вдохновения английского драматурга итальянскими первоисточниками. Однако апогей развития интереса к Италии связывается с практикой гран-туров, традиции, зародившейся в XVII веке. Подобный опыт способствовал интеграции итальянского языка и культуры в европейское сообщество. Ориентация на получение образования во время подобных путешествий, традиционно предпринимаемых в качестве его завершающего этапа, способствовала вхождению в обиход терминов из области искусств и культуры, например, посредством фиксации впечатлений юных аристократов в путевых заметках и дневниках [4, с. 126].

По достоинству следует оценить музыкальную сферу. Главенство в этой культурной области Италии удавалось сохранять практически вплоть до XIX века [3, с. 227]. Здесь совершается культурная революция: итальянский язык имел немаловажное значение в распространении новых форм и канонов в западноевропейской музыке. Именно итальянский язык явился основой для корпуса общеприменимых музыкальных терминов. Проиллюстрировать данное положение можно обратившись к одному из наиболее общеизвестных терминов. Так слово *allegro* ‘веселый’ используется не только в европейских языках, близких музыкальному сознанию итальянца как географически, так и в плане культурного среза, но и в других культурах,

чьи контакты могли развиваться с жителями Апеннинского полуострова лишь опосредованно. Речь идет о финской, исландской, турецкой, грузинской, корейской и японской культурных традициях [3, с. 227].

Ввиду того, что проследить особенности применения итальянского языка в лоне музыки невозможно без обращения к действительным музыкальным проектам, реализовывавшимся непосредственно на территории *Bel Paese*, обратимся к опере. Становление данного музыкально-драматического жанра приходится на период превращения итальянского языка в средство межкультурной коммуникации. На рубеже XVI–XVII веков опера активно распространялась по всей территории Европы. Вследствие этого очевидным становится тот факт, что музыка, лежащая уже на изначально певучий итальянский текст, сочинялась не только в пределах полуострова. Одним из ярких представителей иностранной традиции является композитор Венской классической школы В. А. Моцарт. Результатом его плодотворного сотрудничества с Лоренцо да Понте, итальянским либреттистом, стали постановки таких шедевров музыкального искусства как «Свадьба Фигаро», «Так поступают все женщины» и «Дон Жуан». Последняя из опер со дня своей премьеры в 1787 году продолжает непрерывно ставиться на мировых театральных сценах [3, с. 227]. Колоссальный успех венской музыки, положенной на текст итальянского либретто, позволил создать произведения, творческие плоды коммуникации одной культурной традиции с другой. Таким образом, язык выступил в качестве связующего звена, отдающего должное культуре-основоположнице оперной традиции и австрийской культуре, обозначившей новую веху в истории развития музыки.

Однако культура не редуцируется исключительно до сферы искусств. Нельзя пренебречь влиянием итальянского языка в период Позднего Средневековья на включение некоторых терминов из области экономики, тесно граничащей с современными практиками повседневной культуры, в международный дискурс. Имя *Lombardo* ‘ломбардец’ было присвоено итальянским купцам – как их собирательному образу – в XII веке, поскольку в указанный период происхождение купцов ограничивалось преимущественно данной географической областью. В Средние века топоним «Ломбардия» обозначал гораздо более обширную территорию, по сравнению с ее современными границами. Изначально купцы участвовали в ярмарочных торгах во Фландрии, Брабанте и Бургундии, а затем стали банкирами, заменив еврейских заемщиков [5]. Ломбарды занимались финансированием правителей и дворян, а также представителей низших классов. Развитие их могущества, начавшееся с крестовых походов, достигло апогея в XIV веке, после чего их статус постепенно пересматривался и с течением времени пришел в упадок в связи с изменившимися экономическими потребностями социума. Тем не менее термин не был вытеснен, напротив, он подвергся нюансированной трансформации смыслов. Впоследствии осуществился его перенос в некоторые региональные культурные среды, с сохранением эле-

ментов, характерных для итальянского ареала распространения номинативного понятия. В связи с этим, например, в современном русском языке подобные институции, занимающиеся выдачей ссуд под залог личного имущества, мы называем ломбардами.

Итальянский язык в настоящее время продолжает оставаться средством международной коммуникации в области культуры. В последние годы наблюдается рост интереса к его изучению и исследованию культуры обитателей Апеннинского полуострова иностранцами несмотря на то, что настоящий феномен, как мы в этом убедились, имеет весьма давнюю традицию [6, с. 14]. Желание постичь художественное и культурное наследие, обретшее первоначальные формы на территории Италии, впоследствии нередко ассимилированные другими культурами, на данный момент постоянно подпитывается различными мероприятиями мирового масштаба, ориентированными на вульгаризацию гуманитарного знания.

С точки зрения теории межкультурной коммуникации первостепенная роль итальянскому языку на данный момент отводится в определенных областях, непосредственно с ним связанных. Это ценный инструмент, позволяющий познакомиться и погрузиться в культуру и искусство. Широта диапазона тем, способных заинтересовать того, кто решился изучать этот язык - от высоких сфер искусства до секретов итальянской кухни, лишь подтверждает ориентированность изучения языка Данте через оптику искусства и мирового культурного наследия, способного раскрыться в полной мере лишь тому, кто попробует посредством языка приблизиться к сознанию творцов культурных артефактов.

Мотивы, лежащие в основе изучения итальянского языка, не сопоставимы с теми, что возникают при желании заниматься английским языком, воспринимаемым в качестве незаменимого средства для осуществления коммуникации в любой части мира. Так японцы итальянский язык не рассматривают в качестве средства продвижения на рынке труда и инструмента для реализации исключительно делового общения [7, с. 5]. Для них это возможность погрузиться в культуру и предпринять попытку понять ее, отталкиваясь как от чувственно близких японскому духу элементов, так и противоречащих традиционному восприятию форм художественного выражения. Действительно, привлекательной стороной оказывается прежде всего итальянская культура, определяемая как совокупность феноменов повседневного опыта современного итальянца и культурного наследия, оставленного его предками.

Основываясь на мотивационных установках иностранцев, изучающих язык, специалисты, занимающиеся проблемами поддержания статуса языка как одного из наиболее эффективных способов приближения к пониманию культурного кода народа, создают учебные программы и пособия, ориентированные именно на синтез языка и основных тем культуры, любопытных для иностранцев и доминантных в плане определения национальной

идентичности итальянцев. Такими сюжетами являются изобразительное искусство, архитектура, кинематограф и гастрономия. Примерами пособий, предпринимающих попытку раскрыть упомянутые сферы культуры, являются «L'italiano dell'arte» [7] и «L'Italia è cultura» [8], уже в названии которых прослеживается неразрывная связь языка и культурной составляющей. Несмотря на то, что данный случай оказывается неопровержимым доказательством мотивационных установок непосредственно японцев, это всего лишь иллюстрация мировых тенденций в области изучения языка Данте, Петрарки и Боккаччо.

Неугасающий интерес к Италии, в особенности к ее культуре, оказывается определяющим фактором для выбора языка как предмета изучения иностранцами. Итальянскость по-прежнему актуальна. Значительное число носителей языка, аргументирующих потребность в лингвистической практике своим желанием прикоснуться к культуре Апеннинского полуострова, и наличие огромного пласта общечеловеческого культурного наследия обуславливают необходимость признания данного языка как средства международного общения. Необходимо подчеркнуть особую направленность итальянского языка - языка культуры, позволяющего мировому сообществу приобщиться к литературному наследию, имеющему немаловажное значение для европейской истории, к театральным постановкам, итальянской музыке, наиболее ярко представленной оперой, кино и телевидением. Культурная гегемония языка будет определяющей до тех пор, пока ценностный вклад итальянского народа в мировое культурное наследие не будет нивелирован с течением времени. Итак, отталкиваясь от специфики социокультурного развития Италии, нам стало возможным определить итальянский язык в качестве инструмента межкультурной коммуникации, концентрируясь на сфере культуры, где исторически сложившийся авторитет итальянца продолжает сохраняться.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Николаева Ж. В. Итальянский язык как язык межкультурной коммуникации // *STUDIA CULTURAE*. 2016. № 28. С. 114–123.
2. Carli A., Calaresu E. Il potere dell'italiano come lingua della comunicazione scientifica // *L'italiano, lingua utilitaria*, XI incontro del Centro Linguistico Università Bocconi Milano. 2003. Vol. 1. P. 43–67.
3. Serianni L. L'italiano nel mondo // *L'italiano dalla nazione allo Stato*, 2011. P. 227–231.
4. Глушкова А. И. Культурный код Италии (гастрономия глазами другого) // *Studia Culturae*. 2022, 2 (52). С. 121–133.
5. Treccani. Vocabolario on line: Lombardo. URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/lombardo/#:~:text=%E2%80%93201.,che%20brilla%20nel%20sangue%20> (дата обращения 20.10.2023)
6. Micheli P. Apprendere l'italiano oggi // *Revista de Italianística*. 2008. №. 17. P. 13–21.
7. Andriuzzi R. L'italiano dell'arte. Corso di lingua italiana. Livelli B1-B2 del Quadro Comune Europeo di Riferimento per le Lingue. Milano: Hoepli editore, 2017. 156 p.
8. Cernigliaro M. A. L'Italia è cultura. Musica, cinema e teatro. Testi e attività per stranieri. Roma: Edilingua, 2013. –40 p.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ
НА ПРИМЕРЕ УМК «АНГЛИЙСКИЙ В ФОКУСЕ»

В статье рассматриваются особенности применения здоровьесберегающих технологий в общеобразовательной школе на примере УМК «Английский в фокусе» (Spotlight) в начальной школе. Актуальность исследования обусловлена потребностью человека, общества и государства в здоровьесберегающем образовании. Здоровьесберегающие технологии необходимо реализовывать в образовательном процессе с целью защиты и обеспечения здоровья, а также формирования ценного отношения к нему. Возможно использование и внедрение данного материала в учебно-воспитательный процесс по иностранному языку в общеобразовательной школе, а также в системе повышения квалификации педагогических кадров.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии; общеобразовательная школа; младший школьный возраст; иностранный язык; анализ; реализация; упражнения.

The article discusses the features of the use of health-saving technologies in a comprehensive school on the example of the EMC "English in Focus" (Spotlight) in primary school. The relevance of the study is due to the need of a person, society and the state in health-saving education. Health-preserving technologies might be implemented in the educational process in order to protect and ensure health, as well as to form a valuable attitude towards it. It is possible to use and introduce this material into the teaching and educational process in a foreign language in a secondary school, and the materials can also be used by school employees and in the system of advanced training of teaching staff.

Key words: health-saving technologies; secondary school; primary school age; foreign language; analysis; implementation; exercises.

Охрана и укрепление здоровья учащихся, под которым понимается, по определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), не только отсутствие заболеваний, но и полное физическое, психическое, социальное благополучие, гармония индивида при высоком уровне его функционального резерва и адаптационных возможностей, – одна из базовых целей начального образования, зафиксированная в документах Министерства образования РФ [1, с. 4]. В Российской Федерации на данный момент создана законодательная и нормативно-правовая база, которая позволяет в достаточной мере обеспечить охрану здоровья учащихся. Однако, в то же время, в силу комплекса причин, в первую очередь, социально-экономического, а также организационного характера, указанные законы и ведомственные акты «не работают» в должной мере, в связи с чем планируемые результаты не достигаются в полной мере [1, с. 13].

Одним из направлений деятельности современной школы является сохранение здоровья школьников. Для этого используются здоровьесберегающие технологии, которые предполагают совокупность педагогических, психологических и медицинских воздействий для защиты и обеспечения здоровья, формирования ценного отношения к нему. Здоровьесберегающие технологии являются составной частью и отличительной особенностью всей образовательной системы [2, с. 3].

Младший школьный возраст является поворотным этапом в жизни ребёнка, в который закладывается фундамент для целостного развития личности, интеллекта и общей культуры. В то же время потребность в движении, характерная для возраста младших школьников, проявляет себя. Э. Н. Вайнер утверждает, что «за один урок ребёнок совершает до 3 движений, и при этом активность ребёнка, ограниченная школьными условиями, удовлетворяет его потребность в движении меньше чем на 20 %» [3, с. 56]. Следовательно, среда обучения должна быть максимально приближена к естественной среде обучающихся, ведь физическое и духовное развитие напрямую влияют на успеваемость.

Так как предмет «иностранный язык» на государственном уровне внедрён в начальной школе, необходимо задуматься над особенностями раннего обучения и возможностями реализации [4, с. 48]. Таким образом, ученики должны уметь общаться на межкультурном уровне, используя иностранный язык. «В начальных классах уже должны быть заложены основы коммуникативной компетенции, что позволит в дальнейшем изучать иностранный язык в средней, а затем и в старшей школе» [4, с. 52].

На данный момент существует огромный выбор УМК по иностранному языку, однако выбор совсем не так прост, как кажется на первый взгляд. Непросто выбрать тот УМК, который будет отвечать требованиям, предъявляемым современным, идущим в ногу со временем учителем. УМК «Английский в фокусе» набирает популярность и используется достаточно часто.

По информации от разработчиков: «УМК «Английский в фокусе» (Spotlight) – совместная продукция российского издательства «Просвещение» и британского издательства «Express Publishing». Вся линейка включена в Федеральный перечень Министерства образования и науки РФ и одобрена для применения в средних учебных заведениях» [5, с. 4].

Давайте проанализируем данный УМК на предмет применимости здоровьесберегающих технологий. Начнём с учебника. Итак, во втором уроке цикла мы видим игру, в которую предлагается поиграть обучающимся вместе с учителем (см. рис. 1). В книге для учителя есть указание, что ребята должны задавать вопросы друг другу о том, что находится в их комнатах дома (рис 2).

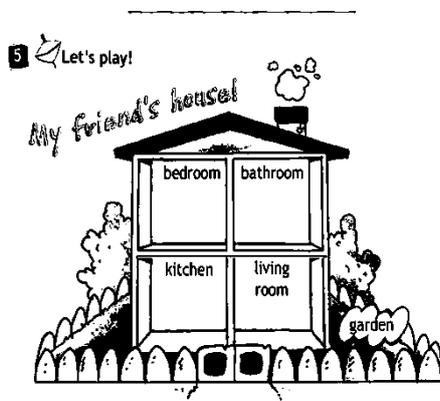

Рисунок 1

Конец урока

9. с. 93, упр. 5. Учащиеся работают в парах, задавая друг другу вопросы о доме/квартире с опорой на рисунок упр. 5.
Например:
Ученик 1: *What is in your bedroom?*
Ученик 2: *A bed ...*

Рисунок 2

В следующем уроке обучающимся также предлагается поиграть в игру в конце урока (см. рис. 3). Обучающиеся должны загадать предмет мебели в доме, пока одноклассник описывает его у доски по-английски. Угадавший выходит к доске и загадывает свой (см. рис. 4).

7 Let's play!

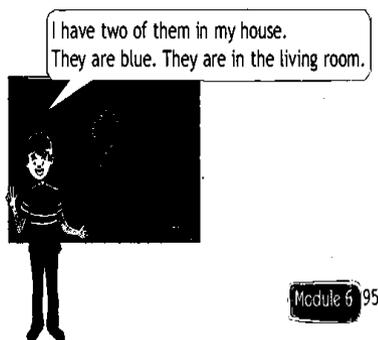

Рисунок 3

3 bedrooms 5 yellow

11. с. 95, упр. 6. Учитель объясняет учащимся, что дома они должны вырезать из Рабочей тетради соответствующий лист (*Portfolio Sheet*), нарисовать или приклеить картинку дома и описать ее, используя текст упр. 5 в качестве образца. Если дети живут в квартире, они могут описать дачный дом или же дом, в котором они хотели бы жить. В классе учитель просит отдельных учащихся описать свой дом устно.

► **Конец урока**

12. с. 95, упр. 7. Учитель читает образец и объясняет игру. Ведущий задумывает какой-то предмет/предметы в доме и описывает его/их классу, как показано в образце. Класс пытается отгадать, что это. Тот, кто отгадал правильно, становится ведущим. Например:

Ученик 1: *In my house, there are four. They are brown. They are in the kitchen.*

Ученик 2: *Cupboards!*

Ученик 1: *Yes!*

Если осталось время, учитель пишет вопросы на доске, просит учащихся прочитать текст упр. 5 еще раз про себя и ответить на вопросы.

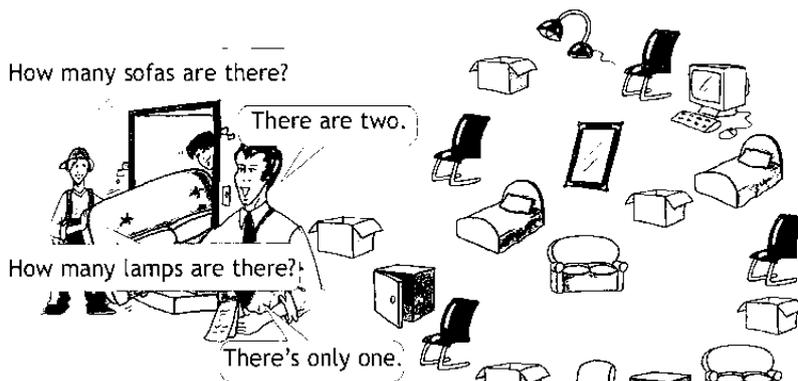
1 *How many rooms are there? (eight)*

2 *What colour is the bath? (pink)*

3 *Are there two mirrors in the bathroom? (No, there are two mirrors in the living room.)*

Рисунок 4

В разделе 12b также есть одна игра на отработку грамматической структуры «There is/there are» в вопросительной форме, а также отработку пройденного вокабуляра (см. рис. 5).

2 Let's play!

Teacher: Is there a red lamp?

Student: Yes, there is.

Рисунок 5

Наконец, в разделе повторения «Now I know» мы вновь видим задание под названием «Игра», где обучающимся предлагается задать вопросы и дать ответы по картинке (см рис. 6).

2 Game: Where's Sam?

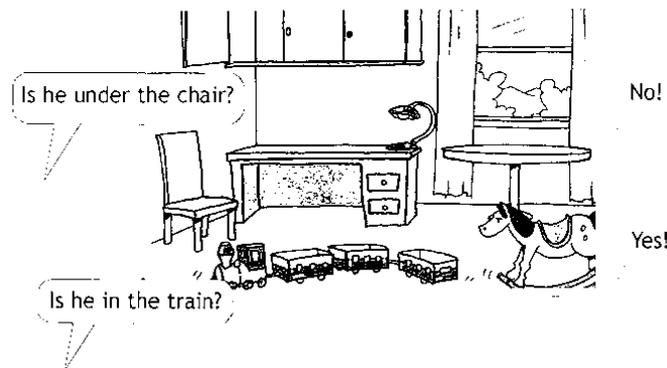

Рисунок 6

В разделах «11а», «Toy Soldier», «Spotlight on Russia and on the UK» задания, отвечающие принципам здоровьесберегающих технологий обнаружить не удалось. Как видно, немногочисленные игры, представленные в учебнике, в основном являются однообразными. Как правило, это задания по картинке, которые необходимо отработать в паре. Отсутствуют физкультминутки, упражнения, направленные на релаксацию, смену видов деятельности или даже работу в группе.

Теперь обратимся к сборнику упражнений. Задания в сборнике в основном предлагается давать в качестве домашнего задания. Подавляющее большинство упражнений позволяют отработать и закрепить лексико-грамматические навыки. Игры, физкультминутки и даже творческие задания практически отсутствуют (см. рис. 7).

Английский в фокусе

4. twera d) мясо
5. ascrots e) шоколад
6. skicnhe f) сыр
7. tema g) морковь

1	2	3	4	5	6	7

4. Напиши, какие из этих продуктов нравятся/не нравятся этим детям, пользуясь информацией из таблицы.

	meat	fish	vegetables	chips	eggs
Masha	✓	✓	✗	✓	✗
Nadia	✗	✓	✓	✗	✓
Sasha	✓	✓	✓	✗	✓
You					

Образец: Masha likes meat, fish and chips, but she doesn't like vegetables or eggs.

5. Напиши вопросы, которые были заданы.

- My name's Anna. ?
- It's a school bag. ?
- English and Maths. ?
- He's 10. ?

Английский в фокусе

5. _____ ?
She's my little sister.

6. _____ ?
Ice cream, yummy!

7. _____ ?
No, I like orange juice.

6. Составь идеальное меню: что бы ты хотел(а) есть на завтрак, обед и ужин?

MY IDEAL MENU

Breakfast

Lunch

Supper

7. Дай краткие ответы на вопросы.

Образец: Do you like football? – Yes, I do./No, I don't.
Does your dad like meat? – Yes, he does./ No, he doesn't.

- Does your friend like Maths? – _____
- Does your grandma like chips? – _____
- Do you like winter? – _____
- Do you like lemonade? – _____

Рисунок 7

Если говорить о Рабочей тетради, то упражнения частично повторяют задания из сборника упражнений, однако в конце каждого раздела есть настольная игра, в которую предлагается поиграть в конце одного из уроков (см. рис 8–9).

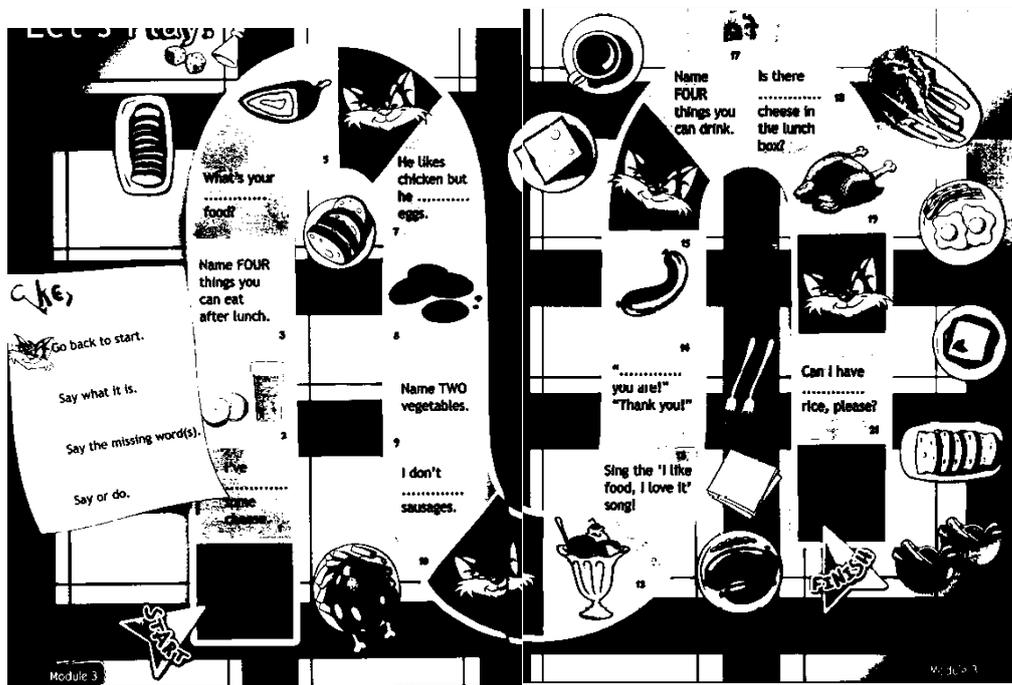

Рисунок 8

Рисунок 9

Также к каждому модулю есть разделы «Craftwork Sheets» и «Portfolio Sheets». Так, в анализируемом нами модуле также присутствует макет дома, который необходимо вырезать, приклеить, а затем описать (см. рис. 10).

11. с. 95, упр. 6. Учитель объясняет учащимся, что дома они должны вырезать из Рабочей тетради соответствующий лист (*Portfolio Sheet*), нарисовать или приклеить картинку дома и описать ее, используя текст упр. 5 в качестве образца. Если дети живут в квартире, они могут описать дачный дом или же дом, в котором они хотели бы жить. В классе учитель просит отдельных учащихся описать свой дом устно.

Рисунок 10

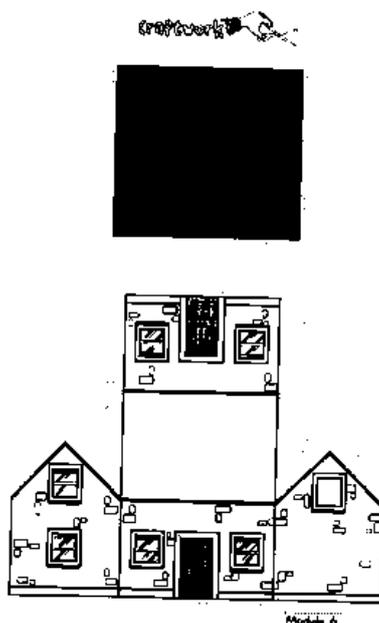

Рисунок 11

Если анализировать, как именно предлагается применять здоровьесберегающие технологии и в каком объеме, можно отметить неравномерность распределения упражнений, отвечающих принципам здоровьесбережения. Так, при анализе модуля 6 «Дом, милый дом», удалось обнаружить, что только половина уроков согласно календарно-тематическому планированию содержала упражнения, выполняющие задачи здоровьесберегающих технологий. В учебнике в среднем присутствует всего одно задание, отвечающее принципам здоровьесберегающих технологий, на весь урок. Сборник упражнений и рабочая тетрадь практически не содержат ни одного задания, которые помогли бы реализовать принципы вышеупомянутых технологий. В то же время материал уроков является сложным и объёмным для учеников. Исходя из вышеперечисленных фактов, нельзя не отметить, что проведение уроков по программе УМК «Spotlight 3» необходимо реализовывать с применением здоровьесберегающих технологий. Можно сделать вывод, что для реализации принципов здоровьесберегающих технологий в учебнике, сборнике упражнений и рабочей тетради присутствует недостаточно упражнений. Из-за этого у школьников могут возникнуть проблемы с освоением материала, потому как он является непростым и объёмным, но обучающимся почти не предлагаются упражнения на снятие напряжения и повышение мотивации. Поэтому желательно корректировать и добавлять в процесс обучения задания, отвечающие принципам здоровьесберегающих технологий.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Менчинская Е. А. Конструирование здоровьесберегающего процесса обучения в современной начальной школе. М.: Вестник ТОГИРРО, №2(14). Тюмень: ТОГИРРО, 2011. 107 с.
2. Смирнов Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии в современной школе. М.: АПК и ПРО, 2002. 121с.
3. Вайнер Э. Н. Валеологическое образование как неотъемлемая часть отечественной системы формирования здоровья // Валеология. 2004. № 2. С. 58–59.
4. Бим И. Л. Цели обучения ИЯ в рамках базового курса // Иностранные языки в школе. 2012. № 1. С. 48–52.
5. Spotlight [Английский в фокусе] Книга для учителя. 4 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / Н. И. Быкова, Д. Дули, М. Д. Поспелова, В. Эванс. – 5-е изд., перераб. М.: Express Publishing: Просвещение, 2017. 144 с.

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
КАК ВАРИАНТ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

(на материале французского и русского языков)

В статье на материале текстов (скриптов) телесериалов «Сваты» и «Fais pas ci, fais pas ça» изучаются прагматический потенциал и особенности функционирования трансформированных прецедентных феноменов (т.е. их своеобразное отклонение от нормативного, канонического использования). Сделан вывод, что трансформированные прецедентные феномены используются для привлечения внимания, повышения смысловой емкости, интеллектуализации сообщаемой информации, создания положительных или отрицательных коннотаций, придания выразительности репликам персонажей, что может способствовать успешности телесериалов и их популярности среди кино- и телезрителей.

Ключевые слова: кинодискурс; прецедентные феномены; языковая норма; прагматика; трансформация; коннотация.

In the article, based on the texts (scripts) of the television series “Svaty” and “Fais pas ci, fais pas ça”, the pragmatic potential and features of the functioning of transformed precedent phenomena (their peculiar deviation from normative, canonical use) are studied. It is concluded that transformed precedent phenomena are used to attract attention, increase the semantic capacity of intellectualization of the reported information, create positive or negative connotations, give expressiveness to the characters’ remarks, which can contribute to the success of television series and their popularity among film and television viewers.

Key words: film discourse; precedent phenomena; language norm; pragmatics; transformation; connotation.

В настоящее время в лингвистической науке особое внимание уделяется прагматике и особенностям функционирования прецедентных феноменов (ПФ) в заголовках и текстах средств массовой информации, в художественных произведениях, в текстах политического дискурса, а также тонкостям их перевода с одного языка на другой. Вместе с тем без должного внимания остается вопрос о функционировании ПФ в телесериалах.

Под прецедентными принято понимать феномены, «которые хорошо известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, актуальные в когнитивном плане и обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [1; с. 8]. Согласно В.В. Красных, в корпусе ПФ выделяются прецедентное имя (ПИ), прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ) и прецедентное высказывание (ПВ) [2; с. 83].

Для ПФ характерно использование в каноническом (неизменном) или в трансформированном виде. Последний предполагает «намеренные внесения автором изменений с целью достижения определенного коммуникативного эффекта» [3]. Так, Б.В. Кривенко выделяет два основных типа трансформаций: неаналитический (семантический) и аналитический. «При семантической трансформации состав самого прецедентного феномена остается

неизменным, но при этом в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, и тогда достигается определенный экспрессивный эффект» [4; с. 47]. Аналитическая трансформация представляет собой изменение словесного состава ПФ, а именно замену одного или нескольких лексических компонентов, расширение за счет добавления компонентов, усечение, также к ней относятся замена видов синтаксической связи и изменение типа предложения по структуре и по цели высказывания [5; с. 201].

В настоящей статье изучаются особенности функционирования и прагматический потенциал прецедентных феноменов на материале текстов (скриптов) телесериалов «Сваты» (с 1-го по 4-й сезоны) и «Fais pas ci, fais pas ça» (1-го и 2-го сезонов). В фокусе нашего внимания трансформации, которым подвергаются ПФ, своеобразное отклонение от нормативного, канонического использования, которые влекут за собой появление у них новых смыслов.

Выбор в качестве материала исследования указанных выше сериалов продиктован тем, что они связаны общей темой семейных отношений. Сериал «Сваты» повествует о жизни семей Будько и Ковалевых, старшее поколение которых (Валентину Петровну и Ивана Степановича Будько, Ольгу Николаевну и Юрия Анатольевича Ковалевых) объединяет любовь к внучке Евгении. В сериале «Fais pas ci, fais pas ça» повествуется о жизни семей Буле и Лепик, живущих по соседству. Каждая из них твердо убеждена в непогрешимости собственных методов воспитания. Валерия и Дени Буле – родители, позволяющие все своим чадам, в то время как Рено и Фабьен Лепик придерживаются консервативных взглядов на воспитание детей.

В результате проведенного исследования, общий материал которого составляет 41 час звучания, в телесериале «Сваты» нами были обнаружены 157 прецедентных феноменов: из них 18 ПТ (*Врагу не сдается наш гордый «Варяг»; А на вышке маячит молодой вертухай; Голова профессора Доуэля*); 37 ПВ (*Выходи, подлый трус!; Береженого Бог бережет; Аттракцион невиданной жадности*); 87 ПИ (*Купидон Степаныч; Дездемона Николаевна; Юрий и Ольга Шумахеры*); 15 ПС (*Холуи закончились с выстрелом Авроры; Так бы и сидел на чердаке, Кутузов, пока тебе Москву бы не спалили; Тут всему поселку Хиросима будет*). В телесериале «Fais pas ci, fais pas ça» выявлены 38 прецедентных феноменов: в том числе 3 ПТ (*La Poule et le Renard* ‘Курица и Лиса’; *Le Vilain Petit Canard* ‘Гадкий утенок’); 5 ПВ (*C’est la Bérézina!* ‘Это Березина!’; *Il y a du plaisir à rencontrer les yeux de celui à qui l'on vient de donner* ‘Приятно встретить взгляд человека, которому только что помог’); 27 ПИ (*Madame de Staël* ‘Мадам де Сталь’; *Charles de Gaulle* ‘Шарль де Голль’; *La Fontaine* ‘Лафонтен’); 3 ПС (*La Révolution d’Octobre* ‘Октябрьская революция’; *Le jour où Hitler a envahi la Pologne il avait une diarrhée épouvantable* ‘В день, когда Гитлер захватил Польшу, у него была ужасная диарея’).

Обратимся к примерам. В 1-й серии 1-го сезона сериала «Сваты» находим трансформированное аналитическим путем ПВ *Заставь профессора Богу молиться* (1 сезон, 1 серия, 31:56). Основой ПФ служит русская посло-

вица «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет». Иван Степанович Будько, балагур и юморист, заменяет в указанном ПВ лексему *дурак* на лексему *профессор*, одновременно отбрасывая (усекая) исходное ПВ. По сюжету серии, сваты пытаются устранить неполадки в бассейне. Иван Степанович просит Юрия Анатольевича принести ключ на 19, однако тот протягивает ему плоскогубцы. Выполненная аналитическая трансформация ПВ позволяет Ивану Степановичу иронично подметить, что хотя Юрий Анатольевич и человек высокообразованный, профессор философии, однако он абсолютно несведущ в бытовых вопросах.

В 6-й серии 3-го сезона повествуется о том, что потеряв работу на хлебозаводе, И.С. Будько решает открыть собственный бизнес по выращиванию свиней, против чего выступает его супруга Валентина Петровна. В споре с ней Иван Степанович употребляет аналитически трансформированное ПВ *Свиньи спасут Будько* (3 сезон, 6 серия, 02:00), в основе которого выражение *Гуси Рим спасли*. Здесь также авторы сценария сериала прибегают к приему аналитической трансформации: лексема *гуси* заменяется на лексему *свиньи*, столица Италии *Рим* – на фамилию *Будько*. Имеет место и перестановка компонентов ПВ, и замена прошедшего времени глагола *спасать* на будущее время. Посредством ПВ Иван Степанович выражает надежду, что выращивание свиней сможет улучшить материальное положение семьи, спасет от безденежья, подобно тому, как гогот гусей позволил римлянам вовремя заметить подкрававшихся галлов и дать отпор противнику.

В 9-й серии 3-го сезона встречаем трансформированное аналитическим путем ПВ *Явление свата народу* (3 сезон, 9 серия, 48:32). В его основе фразеологизм *явление Христа народу*. Наблюдается замена компонента *Христос* на *сват*. В данной серии Иван Степанович и Юрий Анатольевич уходят из дома из-за ссоры со своими супругами. Спустя некоторое время сваты тайно мирятся с супругами, но продолжают скрывать это друг от друга. В какой-то момент все четверо оказываются вместе и обман обнаруживается. Использованное ПВ позволяет Ивану Степановичу выразить свое удивление при неожиданном появлении Юрия Анатольевича.

В 8-й серии 4-го сезона Иван Степанович, идя по набережной вместе с Юрием Анатольевичем, напевает песню: *По улице ходила // Профессор с гамадрилой, // Она, она не замужем была* (4 сезон, 8 серия, 25:40). Основой трансформированного ПТ служит городская фольклорная песня «Крокодила», пользовавшаяся большой популярностью в начале XX века. В данном примере также наличествует аналитическая трансформация ПТ: выражение *большая крокодила* заменяется на *профессор с гамадрилой*, прилагательное *голодная* – на причастие *не замужем*. По сюжету серии, Юрий Анатольевич в преддверии своей свадьбы с Ольгой Николаевной теряет обручальные кольца. На это Иван Степанович с иронией отмечает, что тот останется холостяком и чтобы не чувствовать себя одиноким, ему придется жить с игрушечной гамадрилой.

В 3-й серии 3-го сезона Евгения признается бабушкам и дедушкам, что ей скучно. Сваты пытаются скрасить пребывание внучки в деревне, предлагая, например, сыграть вместе в футбол. В начале игры Иван Степанович

объявляет названия команд: *Реал Будько* и *Ковалевы Юнайтед* (3 сезон, 3 серия, 14:35). В данном примере проведена аналитическая трансформации ПИ (*Реал Мадрид* и *Манчестер Юнайтед* – названий ведущих в мире футбольных команд). В той же серии в диалоге между Иваном Степановичем и Ольгой Николаевной используется трансформированное ПИ *Контрольная закуска* (3 сезон, 3 серия, 25:38), основой ПФ служит название телепередачи *Контрольная закупка*. Так Иван Степанович высмеивает свою сваху Ольгу Николаевну, сторонницу строгих диет и вегетарианства, случайно застав ее за поеданием колбасы.

В 7-й серии 1-го сезона сериала «*Fais pas ci, fais pas ça*» используется ПВ *C'est Mozart assassiné* 'Это убитый Моцарт' (1 сезон, 7 серия, 06:00). Основой ПВ служит выражение *C'est Mozart qu'on assassine* 'Именно Моцарта и убивают', впервые употребленное в документально-публицистической книге А. де Сент-Экзюпери «Планета людей», опубликованной в 1939 году. Сценаристы прибегают к аналитической трансформации ПФ: изменяется структура высказывания (сложноподчиненное предложение становится простым двусоставным). Согласно сюжету, увидев отметки своей падчерицы, Дени Буле сравнивает ее с Моцартом, одновременно делая ей комплимент (сравнивая с великим гением) и сокрушаясь о том, что ее таланту не дано раскрыться в условиях современной школы.

Проведенный анализ показал, что в сериале «Сваты» авторы сценария активно используют прием аналитической трансформации (ей подвержены 24 ПФ (15% от общего числа примеров)), в то время как во французском сериале «*Fais pas ci, fais pas ça*» обнаружен лишь один такой пример. Безусловно, данный факт невозможно объяснить неумением французов обращаться со словом. Скорее, это взвешенный выбор авторов сценария, их желание использовать в работе с языковым материалом канонический подход (общеизвестно стремление французов к чистоте и правильности французского языка, тщательно поддерживаемое Французской академией).

Прием трансформации, т.е. фактическое отклонение от нормы (канонического вида), оставляет значение ПФ прозрачным, понятным и легко узнаваемым. Данный факт объясняется тем, что ПФ «являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке» [2; с. 82]. Многообразие форм употребления и способность к трансформации свидетельствуют об актуальности ПФ и их важности для языка и культуры народа. По мысли Ю.Н. Караулова, «знание прецедентных феноменов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их не знание, наоборот, есть предпосылка отгороженности от соответствующей культуры» [6; с. 105-106].

Таким образом, трансформированные прецедентные феномены в телесериалах выступают в роли важного средства авторской выразительности, позволяющего создать яркие и даже неординарные образы персонажей. Прием трансформации не только придает особую выразительность и экспрессивность их репликам, но и интеллектуализирует изложение, формирует новые смыслы, в том числе иронические, что может служить залогом популярности комедийных сериалов у телезрителей.

Не стоит упускать из виду, что успешность функционирования трансформированных прецедентных феноменов зависит от умения сценаристов правильно ввести их, отклонившись от канонического вида (речевого штампа), в реплики персонажей. Безусловно, для достижения коммуникативного успеха команда, работающая над сценарием, должна обладать развитым кругозором, высоким уровнем общих знаний, свободой мысли и творчества. Но главным фактором, на наш взгляд, выступают языковые навыки личности сценариста, его способность адекватно и эффективно воздействовать на адресата/телезрителя.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Красных, В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст / редкол.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 8-9.
2. Красных, В. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / редкол.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 1997. – Вып. 1. С. 82-103.
3. Миронова, Д.А. Трансформация прецедентных высказываний в переводах заголовков медиатекстов онлайн-формата : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Д. А. Миронова ; ТГУ. Тюмень, 2013. 24 с.
4. Кривенко, Б. В. Фразеология и газетная речь / Б. В. Кривенко // Русская речь. М., 1993. – № 3. С. 44-49.
5. Земская, Е. А. Язык как деятельность: морфема, слово, речь / Е. А. Земская. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. 688 с.
6. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Докл. Сов. Делегации на 6-м конгр. МАПРЯЛ. М., 1986. С. 105-106.

С. Дун, Т. Г. Дементьева (Минск, Беларусь)

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В последнее время возрастает научный интерес к национально-культурному аспекту исследования языка, к контрастивному изучению национальных особенностей общения разных народов. В статье рассматриваются особенности употребления формул речевого этикета в русской и китайской лингвокультурах на примере этикетных формул приветствия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; язык и культура; речевой этикет; ситуации речевого общения; этикетные формулы приветствия.

Recently, scientific interest in the national-cultural aspect of language research, in the contrastive study of national characteristics of communication between different peoples, has been increasing. The article examines the features of the use of speech etiquette formulas in Russian and Chinese linguistic cultures using the example of greeting etiquette formulas.

Key words: intercultural communication; language and culture; speech etiquette; situations of verbal communication; etiquette greeting formulas.

С возрастом роли межкультурной коммуникации, появляется необходимость знать и выполнять речевые стратегии, которые ведут к успешному процессу коммуникации. В этой связи возрастает научный интерес к национально-культурному аспекту исследования языка, к исследованию единиц языка и речи, отражающих явления, типичные для лингвокультурной общности носителей языка.

Особую значимость приобретает контрастивное изучение национальных особенностей общения разных народов. Речевой этикет является отраслью коммуникативной лингвистики, следовательно, углублённое изучение речевого этикета имеет весомое значение в международной коммуникации.

Приветствие является одним из важнейших ритуалов в общении.

Для приветствия чаще всего используются такие этикетные формулы русского языка, как «Здравствуй (те), привет, доброе утро/ день/ вечер» и др.

Вежливость как категория этикета, согласно точке зрения В. Е. Гольдина, определяется через понятие «отведение роли адресату речи»: «Невежливым по отношению к адресату обычно является то этикетное действие, которое отводит адресату роль ниже, чем положено ему в соответствии с принятыми в данном обществе представлениями о первенстве (= степени важности ролей).» [1, с. 28].

Речевой этикет русского языка для лиц, хорошо знающих друг друга (приятелей, родственников, молодых людей), допускает такую форму приветствия как «Привет!» – при необходимости подчеркнуть значимость собеседника, а также в ряде отдельных случаев, возможна более уважительная форма «Приветствую вас». Этикетную формулу «Здорово!», считающуюся мужским приветствием, относят к разряду фамильярных. Отдавая дань моде, следует обратить внимание на слова, прочно обосновавшиеся в русской речи тинейджером: «Салют!» «Хай!» «Хэлло!». Они недопустимы в официальной речи, но пользуются популярностью у молодежи, которая через них выражает свою непринужденность. Фразы «Доброго здоровья!» «Мое почтение!», тоже используемые во время приветствия, часто можно услышать от пожилых людей, придерживающихся консервативных взглядов. Какую бы приветственную форму ни выбрал человек, здороваясь, он дает согласие на вступление с собеседником в разговор и акцентирует внимание на том, что доброжелательно настроен по отношению к оппоненту. Задачей вежливого человека является также адекватный ответ принятой этикетной формулой на приветственную фразу.

Во время приветствия человека, предпочитающего выбирать фразы-пожелания «Добрый день/вечер!», русский речевой этикет рекомендует придерживаться заданной схемы и желать того же или сокращать ответную фразу до единственного прилагательного «Добрый!». Интерес представляет такой аспект речевой коммуникации как первенство в приветствии – кто должен поздороваться первым, а кто – ответить на приветствие. В русском языке относительно этого есть ряд устоявшихся норм – женщину всегда первым приветствует мужчина, старшего – младший, начальника – подчи-

ненный и пр. Другой интересный момент – число приветствий в рамках одного дня. Нужно ли здороваться повторно или даже большее число раз, встречаясь в рамках одного дня? В русском речевом этикете считается достаточным одного приветствия, при повторной встрече возможен кивок или улыбка. Поинтересоваться делами после приветствия – спросить: «Как дела?» уместно лишь в отношении друга или хорошего знакомого, в отношении собеседника более старшего по возрасту или статусу, должности, применяется форма «Как у Вас дела?». Дистанция общения и допустимость физического контакта в общении являются яркими чертами коммуникативного поведения, в которых проявляется заметная национальная специфика. Можно также разделить разные культуры на контактные и дистантные. В контактных культурах как Россия, Беларусь физический контакт между людьми допустим. Это физическое касание при общении не только положительный жест, но и является знаком того, что все хорошо, что между людьми уже достигнуты хорошие отношения [2].

Ситуации речевого общения бывают формальные и неформальные. Существуют речевые акты, когда оба говорящих находятся в равных социальных ролях, такие ситуации мы будем называть равносоциальными, и когда говорящие находятся в неравных социальных ролях – неравносоциальными. В зависимости от уровня взаимоотношений в процессе речевого акта категория вежливости будет реализовываться тем или иным путем.

Примеры равносоциальных ситуаций мы находим в следующих этикетных формулах приветствия: «Здравствуй! Привет! Салют!» и др.; неравносоциальных ситуаций в следующих формулах: «Добрый день! Рад(а) Вас видеть! Как я рад(а) Вас видеть! Добро пожаловать!» и др.

В русском языке категорию вежливости в бóльшей степени представляют грамматические средства выражения вежливости в комплексе с лексическими.

Культура Китая относится к восточному типу и поэтому специфична относительно русской культуры. Сказанное имеет отношение и к категории вежливости, в том числе – к формулам речевого этикета.

Представители китайской культуры приветствуют друг друга выражением *你好*, что означает ‘Тебе хорошо’. Приветствующее вас лицо желает, чтобы все у вас было хорошо. Это выражение используется для приветствия людей младшего или равного вам возраста. Есть еще одна вариация этого приветствия *您好 nin hao* ‘Вам хорошо’. В первом иероглифе присутствует ключ *心 xin* ‘сердце’, из-за чего это выражение используется для приветствия старших и уважаемых людей. Универсальными же являются приветствия, связанные с временем суток: *早上好» zaoshang hao* ! ‘С добрым утром’, *下午好» xiawu hao* ! ‘Добрый день’, *晚上好! wanshang hao* ‘Добрый вечер’.

В Китае, когда муж приветствует жену или наоборот, говорят *我来了 wo lai le* ‘Я пришла’ или спрашивают *你来了吗 ni lai le ma?* ‘Ты пришел?’.

Для приветствия с людьми разного социального положения китайцы используют другие формы приветствия, как, например: 老师好 *laoshi hao!* ‘Учитель, здравствуйте!’. Подчиненные с начальниками здороваются так: 老板好 *lao ban hao* ‘Здравствуйте, босс’.

Культура приветствия близких людей у китайцев значительно отличается по сравнению с европейцами. Очень близкие друзья могут приветствовать друг друга заимствованной из английского языка формой 嗨 ‘Hello!’ 嗨! ‘Hi!’

С работающими людьми принято здороваться: 上班吗? *shang ban ma?* ‘Идешь на работу?’, 下班了吗? *xia ban le ma?* ‘Возвращаешься с работы?’, 工作忙吗? *Gongzuo mang ma?* ‘Как работа?’, 近来怎么样? *Jinlai zenme yang?* ‘Как поживаете?’, 身体好吗? *Shenti hao ma?* ‘Как ваше здоровье?’

А вот для приветствия с учащимися уже используют другие фразы: 学习忙吗? ‘Как учеба?’, 去上课吗 *qu shangke ma?* ‘Идешь на занятия?’, 下课了吗 *xia ke ma?* ‘Возвращаешься с занятий?’

Представители китайской культуры что видят, то и спрашивают, то есть видят, чем человек занят, и в связи с этим задают вопросы. Это считается у них знаком внимания к человеку. На подобные вопросы – приветствия принято отвечать простыми фразами как: 很好» *hen hao* ‘Очень хорошо’, 好 *Hao* ‘Хорошо’, 还好» *hai hao* ‘Не плохо’, 还行 *hai xing* ‘Нормально’, 马马虎虎 *tamahuhi* ‘Так себе’ и др.

Очень много иностранцев, изучающих китайский язык при приветствии спрашивают 你好吗? *Ni hao ma* ‘Как у тебя дела?’ Китайцы обычно не спрашивают. Обычно вопрос ‘Как у тебя дела?’ китайцы заменяют подобным типом вопроса к людям, с которыми они состоят в различных взаимоотношениях. Например, коллеги по работе, начальник с подчиненными задают следующие вопросы: 最近工作怎么样? *zuijin gongzuo zen me yang?* ‘Как идет работа в последнее время?’, 工作好吗? *gongzuo hao ma* ‘Как работа?’ Начальник может сказать подчиненному 最近你工作得不错 *zui jin ni gong zuo de bu cuo*, что в дословном переводе означает ‘Последнее время работаешь не плохо’. Соответственно у тех, кто занят обучением, спрашивают: 最近学习好吗? 学习好吗? *Zuijin xuexi haoma? xuexi haoma?* ‘Как дела с учебой?’.

Лексические средства выражения этикета можно разделить на культурозависимые и культуронезависимые [3, с. 14–15].

Культурозависимая лексика при переносе из одной культуры в другую будет разрушать вежливый процесс коммуникации, будет грубой, неуместной и ошибочной в данной ситуации в другом языке, в силу различия культур. Эта лексика может находить эквиваленты в другом языке, но не нести ту же коннотацию и семантику, либо вообще не употребляться в идентичной ситуации в сопоставляемом языке. Также довольно часто культурозависимая лексика несет несколько значений, будучи зависимой от контекста, как, например, китайское вежливое приветствие *nin chi le ma?*

‘Вы ели?’ может не быть таковым, а играть роль обычного вопроса, и данный лексический оборот не будет уже относиться к вежливой устойчивой лексике. Такое приветствие связано с историей и с традицией китайского народа. Давным-давно в Китае был страшный голод и кушать было нечего. В связи с этим сложилась традиция приветствовать друг друга таким образом, спрашивать, как у собеседника идут дела, кушал ли он. Если ответ был утвердительный, то и дома у него все было хорошо.

Таким образом, рассматриваемая нами культурозависимая лексика контекстозависима. В китайском языке можно выделить большее количество культурозависимой лексики, чем в русской.

В китайском языке можно встретить как стандартное приветствие: *你好! 早上好! 下午好! 晚上好! 吃饭了吗?* ‘Привет / Здравствуйте/ Доброе утро! / Добрый день! / Добрый вечер! / Ты кушал?’, так и вопросительные формы: *你怎么样? 过得好吗?* ‘Ты как? Как жизнь?’. Большую роль также играет социальный статус и возраст человека: *您好!* ‘Здравствуйте’ – уважительная форма, подчеркивающая особое расположение к человеку.

Различают также: 1) ‘Собственно приветствия’ *问候语 wènhòuyǔ* – специальные вежливые фразы, содержащие исключительно приветствие и не несущие другой информации. Как правило, это традиционное: *你好. Nǐ hǎo* ‘Здравствуй!’;

2) ‘Приветствия-беседы’ *问答语 wèndáuyǔ* – это вопросно-ответные реплики, при использовании которых спрашивающий вовсе не преследует цели получить какие-то сведения о собеседнике, а намерен проявить заботу, продемонстрировать свою заинтересованность его делами.

Так, если китаец при встрече вместо обычного приветствия спросит русского ‘Ты поел?’, перенося особенности своей культуры в русскую лингвокультурную среду, – это затруднит процесс коммуникации, русский собеседник не поймёт говорящего китаец. Необходимо учитывать, что мы говорим об определённой коммуникативной ситуации. Выражения *你吃了吗? Ni chile ma?* ‘Ты поел?’ или *你去哪儿? Ni qu naer?* ‘Куда ты идёшь?’ также употребляются в своём непосредственном значении, в стандартных для данной лексики ситуациях, но в таком случае они непосредственно не несут контекста вежливости [4, с. 175].

Употребление вопросительных предложений в качестве приветствия является типичным для данной культурозависимой лексики.

3) В Китае, когда вы встречаетесь с кем-либо, Вы улыбаетесь и говорите: *li jiao yuan* ‘Учитель Ли’, что означает, что Вы с уважением относитесь к учителю. Обращения *称呼语 chēnghuǔyǔ*, также выполняют этикетную функцию приветствий или предваряют начало основного разговора. Например: *老王. Lǎo Wáng* ‘Уважаемый Ван’, *小张. Xiǎo Zhāng* ‘Чжан’.

Стоит отметить определенные особенности обмена приветствиями при неофициальных визитах к родственникам или друзьям. Например, гость использует такое приветствие, выражающее извинение за беспокойство:

我们来了, 打扰了! ‘Мы пришли, побеспокоили тебя!’. Хозяину же пристало выражать радость от прихода гостей, родственников и проявлять гостеприимство: 你来了, 快坐, 快坐, 休息一下 ‘Пришел, садись, отдыхай’; 真是稀客阿! ‘Вот уж действительно редкий гость!’; 你终于来啦! ‘Наконец-то ты пришла!’.

В русской культуре для демонстрации уважения обращаются с приветствием и называют по имени-отчеству: «Здравствуйте (добрый день ...), Александр Иванович!» Но в Китае это как раз наоборот. Если вы напрямую обращаетесь к старшим по имени, это считается невежливым и не означает уважения друг к другу. Поэтому в китайском языке человека, к которому Вы обращаетесь, обычно называют дядей, тетей, старшим братом и старшей сестрой, что означает уважение и сокращает дистанцию между говорящими.

В целом можно отметить, что приветствия в китайском языке просты, носят устойчивый характер, часто употребляются и не содержат лишней информации.

Приветствия при первой встрече, знакомстве: 幸会! 幸会! ‘Большая честь для меня!’; 久仰, 久仰! ‘Много о Вас слышал!’.

Приветствия при неожиданной встрече или после долгой разлуки: 好久不见, 见到你很高兴 ‘Давно не виделись, рад(а) тебя видеть’; 真没想到在这儿看见你 ‘Вот уж не ожидал(а) тебя здесь увидеть’.

Категория этикета играет большую роль в русском и китайском коммуникативном поведении. Представляет большой интерес сопоставление русских и китайских форм приветствия, так как это позволит выявить национальную специфику реализации категорий вежливости в русской и китайской коммуникативных культурах. Многим русским формам этикета соответствует несколько китайских, которые различаются обычно несколькими семантическими или функционально-стилистическими признаками.

Вежливость является признаком социальной цивилизации и воплощает моральный или этический кодекс поведения людей в повседневной жизни. Формулы речевого этикета имеют ярко выраженные национальные особенности. Источник прагматических различий в языке вежливости между китайцами и русскими кроется в совершенно разной национальной психологии, образе мышления, ценностях, этике и социальном статусе двух народов.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гольдин В. Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. 109 с.
2. Сюн Ц. Речевой этикет в русской и китайской лингвокультурах (на примере обращения и приветствия) // Litera. 2021. № 5. С. 47–58.
3. Глушкова С. Ю. Лингвопрагматические аспекты категории вежливости в английском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / С. Ю. Глушкова. Татарский гос. гуманитарно-педагогический университет, Казань, 2011. 22 с.
4. Красовский А. В. Культурно-обусловленные лексические средства выражения категории вежливости в русской и китайской лингвокультурах // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. : [в 3 ч.] / Забайкал. гос. ун-т; [гл. ред. Е. В. Дроботушенко]. Чита : ЗабГУ, 2017. С. 174–177.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье рассматривается проблема использования технологии дополненной реальности в обучении иностранным языкам. В работе проанализированы преимущества и недостатки данной технологии, приведены рекомендации по ее использованию. С целью выяснения эффективности данной технологии был проведен эксперимент. В работе делается вывод, что использование технологий дополненной реальности будет полезно для повышения мотивации учащихся.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков; технология дополненной реальности; мотивация школьников; ресурсы мультимедиа.

The article deals with the problem of using augmented reality technology in teaching foreign languages. The paper analyzes the advantages and disadvantages of this technology, provides recommendations for its use. To find out the effectiveness of this technology, an experiment was conducted. The paper concludes that the use of augmented reality technologies will be useful for increasing the motivation of students.

Key words: methods of teaching foreign languages; augmented reality technology; motivation of schoolchildren; multimedia resources.

Не секрет, что в современном мире большую роль играют мультимедийные ресурсы. Среди различных видов мультимедиа существует технология дополненной реальности (AR от англ. augmented reality), в данной работе предлагаем рассмотреть её дидактический потенциал при обучении иностранному языку.

В связи с психолого-педагогическими особенностями поколения Z и ростом социального запроса на геймификацию образования, у преподавателей встает вопрос о роли медиатехнологий в образовании. С одной стороны, из-за большого информационного потока и невозможности молодого поколения представить жизнь без гаджетов, их потребности в визуализации, использование медиатехнологий представляется очевидным. С другой стороны, данное поколение характеризуется слабой концентрацией внимания. Так, согласно исследованиям В. Д. Нечаева, средняя продолжительность концентрации внимания у подростков поколения Z составляет 8 секунд [1, с. 38]. Подростки поколения Z склонны к клиповому восприятию информации, что согласно Ф. И. Гиренок означает неспособность к ее системному восприятию [2, с.110]. Принимая во внимание особенности поколения Z, предлагаем обратиться к рассмотрению дидактического потенциала технологии дополненной реальности.

Согласно Т. Коделлу дополненная реальность – результат введения в зрительное поле любых сенсорных данных с целью дополнения сведений об окружении и изменения восприятия окружающей среды. [3]. Другими словами, это среда, в реальном времени дополняющая физический мир цифровыми данными с помощью различных устройств. Существует два вида дополненной реальности:

1. Дополненная реальность с привязкой к местности (модели доступны в конкретном месте);

2. Дополненная реальность без привязки к местности (использование моделей в любом месте).

Данная технология обладает огромным дидактическим потенциалом, так как эту технологию можно использовать в любое время и в любом месте, в классе, на улице или дома. Это удобно как для обучающихся, так и для преподавателей, поскольку это может ускорить процесс проверки домашних заданий (тесты, выполненные в приложениях с дополненной реальностью, проверяются автоматически), это повышает мотивацию к обучению (данная технология подразумевает выполнение интерактивных заданий, есть возможность быстрой корректирующей обратной связи), задания можно генерировать в зависимости от интересов учащихся, их языковой подготовки, то есть, присутствует возможность учитывать индивидуальные возможности учащихся.

Работу с данной технологией, в зависимости от поставленной цели, можно осуществлять по-разному, применяя ее при выполнении квестов, кейсов и др.

В рамках этой технологии мы предлагаем использование сочетания двух приложений: Polycam и Metaverse. Polycam – приложение для сканирования помещений и создания их 3D моделей. Metaverse – приложение для создания интерактивных тестов.

Плюсом данной технологии является возможность для формирования метапредметных связей, например информатики и иностранного языка. Так, например, учащиеся при изучении темы *škola* с помощью приложения Polycam могут в группах создать 3D модель разных классных комнат. Для этого необходимо скачать приложение и через камеру телефона начать сканирование комнаты, просто передвигаясь по помещению. После того как комната будет отсканирована (создана), приложение предложит ссылку на данный проект, которую позже можно для удобства преобразовать в QR код и использовать в качестве части квеста или просто упражнения, где учащихся делят на группы и дают задания найти определенный предмет, описать его и др. С помощью данного приложения Polycam и приложения Metaverse учащиеся могут выполнять и домашние задания, так в приложении Metaverse учитель создает тест, задания которого могут быть следующими: Scan your computer, scan your table и др., внутрь приложения Metaverse можно поместить ссылку на Polycam где учащиеся и будут сканировать предмет мебели или не добавлять ссылку на Polycam и просто сфотографировать предмет мебели, затем ответы учащихся будут сразу приходить учителю на почту или другим любым удобным способом. Таким образом, за счет интерактивности повысится мотивация учащихся, а также за счет интереса к заданию, его новизне, повысится уровень запоминания материала.

Предлагаем подробнее остановиться на приложении для создания дополненной реальности Metaverse. В данном приложении, как отмечалось выше, учитель может создавать интерактивные тесты, приложение бесплатное, для создания заданий необходимо только зарегистрироваться. В Metaverse можно создавать различные тесты, тесты множественного выбора, альтернативного выбора, трансформации и восстановления предложений, выбора несоответствующего элемента и др. Главным плюсом платформы является возможность быстрой смены тестовых блоков в одном проекте (тесте). Внутри каждого задания может быть вставлена ссылка, картинка, видеофрагмент, видео в виртуальной реальности, аудиофрагмент, возможность записи голоса, возможность прикрепления фото и др. Причем перенаправление на дополнительный ресурс, вставленный в Metaverse, происходит автоматически и после просмотра фрагмента система возвращает учащегося обратно к тесту для его продолжения. Есть возможность отвечать на тестовые задания в формате дополненной реальности, то есть, сфокусировать камеру на определённом объекте (например, на стене) и на его фоне будут задаваться вопросы, проигрываться видео и др. После создания заданий предлагается их протестировать, если все правильно, то тест сохраняется в личном кабинете пользователя и на тест дается QR код, сканируя который учащиеся будут перенаправлены на страницу с заданиями. После выполнения заданий результаты учащихся будут отправлены учителю в его личный кабинет. В личном кабинете, при желании учителя, будет отображаться диаграмма с именами учащихся и количеством правильных ответов (если это тест) или ссылкой на облако, куда автоматически приложением были отправлены файлы, прикрепленные учащимися (например, фотографии). В любой момент созданный тест можно отредактировать.

Для определения эффективности данного приложения и технологии дополненной реальности был проведен эксперимент, в котором участвовали две группы 6 классов, в каждой группе было 15 человек. Учащимся предлагалось закрепить тему Past Simple, однако 1 группа учащихся делала это с помощью технологий дополненной реальности, а вторая привычным для себя способом, то есть выполняя задания из учебника. Задания для двух групп были одинаковыми.

1. Указать употребление Past Simple;
2. Выбрать правильный ответ касательно формы образования Past Simple;
3. Преобразовать в прошедшее время предложения с правильными глаголами;
4. Преобразовать в прошедшее время предложения с неправильными глаголами;
5. Написать небольшой текст в прошедшем времени.

Обе группы учащихся были поделены на 3 подгруппы, по 5 человек в каждой. Группа № 1 выполняла квест, на каждой станции квеста им предлагался QR код, сканируя который они перенаправлялись в приложение Metaverse и выполняли задания.

Группа № 2 выполняла такие же задания в группах, но на бумаге.

Отметим, что группа №1 была более заинтересована во время урока, наблюдалось повышение мотивации к выполнению заданий. Группа № 2, напротив, под конец урока была уставшей и заинтересованность проявила только в начале занятия.

После проверки работ учащихся, в группе №1 это было сделано автоматически, в группе № 2 работы проверялись привычным способом, выяснилось, что результаты выполнения теста были выше в группе №1, процент правильных ответов составил 93 %, это объясняется их большей заинтересованностью. В группе № 2 процент правильных ответов составил 71 %, в работах присутствовали ошибки, сделанные из-за невнимательности, отсутствия интереса к заданиям. Однако в письменном задании результаты были выше у группы № 2 (83 %, а у группы №1–71%), вероятно, потому что у них было больше возможностей исправить текст после его написания.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование технологии дополненной реальности положительно сказывается на мотивации учащихся, их стремлении к изучению иностранного языка.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нечаев Н. Н., Дурнева Е. Е. Цифровое поколение: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2016. № 1. С. 36–45
2. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2022. 256 с. – ISBN 978-5-392-19235-9.
3. Виртуальная, дополненная и смешанная реальность: суть понятий и история развития // Habr. URL: <https://habr.com/ru/companies/dronk/articles/390805/> (дата обращения: 31.08.2023).

С. В. Ларцина (Москва, Россия)

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ УДОБОЧИТАЕМОСТИ ТЕКСТОВ ВЫСТУПЛЕНИЙ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА (на примере русского языка в сопоставлении с английским языком)

В статье проанализирована удобочитаемость 156 стенограмм политических выступлений (78 – на русском языке, 78 – на английском). Были выдвинуты следующие предположения: 1) расхождения в значениях индекса удобочитаемости в «праздничных» текстах гораздо более хаотичны и менее важны, в отличие от «непраздничных» выступлений; 2) публичным выступлениям, связанным с планированием внутренней и внешней политики, свойственна стабильность в расхождении удобочитаемости для переведённых и оригинальных текстов, которая может являться следствием выполнения коммуникативной стратегии; 3) тенденция к понижению индекса удобочитаемости наблюдается для всех рассмотренных текстов, что может быть связано со стремлением охватить в одной прагматической единице языка как можно большее количество актуальных проблем.

Ключевые слова: политическая лингвистика; индекс удобочитаемости; статистика; автоматический анализ; читабельность; публичные выступления; динамика изменений; межкультурные коммуникации.

The article analyzes the readability of 156 transcripts of political speeches (78 in Russian, 78 in English languages). The following assumptions were made: 1) discrepancies in the values of the readability index in "holiday" texts are much more chaotic and less important, than "non-holiday" texts; 2) public speeches related to the planning of domestic and foreign policy are characterized by stability in the readability discrepancy for all translated and original texts, which may be a consequence of the implementation of a communicative strategy; 3) the tendency to decrease the readability index is observed for all the texts considered, which may be due to the desire to cover as many urgent problems as possible in one pragmatic unit of the language.

Key words: political linguistics, readability index, statistics, automatic analysis, readability, public speeches, dynamics of changes, intercultural communication

Критерию читабельности текстов на русском языке посвящены работы Гизатулиной Д. Ю.. Она рассматривает аспект восприятия на примере текстов разных функциональных стилей [1]. В некоторых работах, например, Савельева Д. А., акцентируется внимание на читабельности юридических текстов [2]. В связи с малой степенью изученности удобочитаемости выступлений российских политических деятелей, мы измерили читабельность стенограмм публичных выступлений Путина В. В. и Медведева Д. А., а также перевод этих стенограмм на английский язык, после чего проследили, как менялось значение удобочитаемости с годами.

В качестве **материала** исследования были использованы официальные стенограммы следующих выступлений: «Послание Президента России Федеральному собранию», «Новогоднее обращение к гражданам России», «Речь на Параде Победы 9 Мая», «Поздравление российским женщинам с 8 Марта», «Выступление Президента на сессии ГА ООН». Были проанализированы тексты 156 стенограмм, за исключением случаев, когда официальные перевод и (или) транскрипция отсутствовали, т.к. возможны разные подходы к вычленению предложений из речевого потока.

Выбор этих выступлений в качестве материала исследования обусловлен их периодичностью и повторяемостью, вследствие чего возможно проследить динамику изменения какого-либо интересующего нас фактора. Более того, данные тексты приурочены к важнейшим для внутренней и внешней политики страны праздникам и мероприятиям, и потому несут определённое ценностное значение для граждан государства.

Характерной чертой текстов, относящихся к жанровому пространству политического дискурса, являются *манипулятивность* и *прагматическая направленность* [3]. Осложнённый текст вызывает трудности при восприятии, из-за чего достижение коммуникативной цели может быть затруднено. **Цель** исследования – провести сравнительный анализ удобочитаемости стенограмм публичных выступлений глав государств на английском и русских языках.

Для анализа читабельности текста мы обратились к **индексу удобочитаемости**, разработанного Флешем Р. [4]. Он вывел следующие показатели читабельности текстов (Таблица 1).

Шкала измерения значения FRE [4].

Значение FRE	Уровень удобочитаемости
От 0 до 30	Очень сложно
От 30 до 50	Сложно
От 50 до 60	Достаточно сложно
От 60 до 70	Обычно
От 70 до 80	Достаточно просто
От 80 до 90	Просто
От 90 до 100	Очень просто

Множество вариаций формулы Флеша Р. адаптированы под конкретные языки. Например, в своих трудах Оборнева И. В. разработала формулу индекса удобочитаемости для русского языка:

$$1) FRE = 206,835 - (1,3 * ASL) - (60,1 * ASW) [5]$$

Результаты вычислений для стенограмм публичных выступлений, а также *процентное отклонение* (позволяет оценить, насколько индекс FRE одного текста превосходит индекс FRE другого текста) представлены ниже (Рисунок 1, Рисунок 2, Рисунок 3, Рисунок 4).

ГОД	«Послание...» на русском языке	«Послание...» на английском языке	Процентное отклонение
2000	27.98	46.7	66.9%
2001	23.14	44.4	91.9%
2002	29.47	47.8	62.2%
2003	30.66	49.8	62.4%
2004	24.28	44.8	84.5%
2005	23.35	42.6	82.4%
2006	30.32	45.1	48.7%
2007	24.71	40.0	61.9%
2009	23.02	39.8	73.0%
2010	30.83	40.5	31.4%
2012	31.74	50.3	58.5%
2013	28.39	42.1	48.3%
2014	31.44	43.0	36.8%
2015	30.59	45.5	48.7%
2016	29.25	43.3	48.0%
2018	31.19	48.7	56.1%
2019	37.17	48.8	31.3%
2020	31.53	42.5	34.8%
2021	38.61	45.3	17.3%
2023	35.23	49.5	40.5%

Рисунок 1 – индекс удобочитаемости «Посланий...».

ГОД	«Речь на Параде...» на русском языке	«Речь на Параде...» на английском языке	Процентное отклонение
2003	59.0	61.5	4.2%
2004	67.3	64.9	- 3.6%
2005	46.3	66.2	43.0%
2006	48.8	61.6	26.2%
2007	49.3	48.9	-0.8%
2008	48.8	46.9	-3.9%
2009	51.6	56.7	9.88%
2010	60.6	63.6	4.9%
2011	50.6	46.7	-7.7%
2012	44.5	49.4	11.0%
2013	53.9	50.4	-6.5%
2014	58.9	61.4	4.2%
2015	44.54	52.5	17.9%
2016	46.28	53.3	15.1%
2017	48.5	55.4	14.2%
2018	52.5	58.4	11.2%
2019	47.4	52.0	9.7%
2020	58.31	47.6	-18.4%
2021	47.9	49.4	3.1%
2022	45.4	47.3	4.2%
2023	37.8	44.9	18.8%

Рисунок 2 – индекс удобочитаемости «Речей...».

ГОД	«Поздравление с 8 Марта...» на русском языке	«Поздравление с 8 Марта...» на английском языке	Процентное отклонение
2015	45.7	63.7	39.4%
2016	57.0	61.4	7.7%
2017	64.2	58.1	-9.5%
2018	61.9	62.2	0.5%
2019	54.6	63.7	16.7%
2020	56.2	61.7	9.9%
2021	42.4	52.4	23.6%
2022	49.4	57.7	16.8%
2023	35.0	51.6	47.4%

ГОД	«Выступление на сессии ГА ООН...» на русском языке	«Выступление на сессии ГА ООН...» на английском языке	Процентное отклонение
2003	34.2	45.8	33.9%
2005	22.9	36.6	59.8%
2009	22.2	38.0	71.2%
2015	28.4	42.2	48.6%
2020	14.2	27.7	95.0%

Рисунок 3 – индекс удобочитаемости «Поздравлений...» и «Выступлений...».

ГОД	«Новогоднее обращение...» на русском языке	«Новогоднее обращение...» на английском языке	Процентное отклонение
2000	68.9	63.5	-7.8%
2001	60.8	69.6	14.5%
2002	75.4	79.7	5.7%
2003	77.0	68.7	-10.8%
2004	54.6	62.3	14.1%
2005	71.2	70.2	-1.4%
2006	56.9	59.9	5.3%
2007	55.6	74.5	34.0%
2008	68.6	74.0	7.9%
2009	84.0	81.2	-3.3%
2010	84.1	70.1	-16.6%
2011	65.9	72.1	9.4%
2012	58.0	59.0	1.7%
2013	52.0	60.5	16.3%
2014	59.5	58.9	-1.0%
2015	55.2	59.8	8.3%
2016	58.5	64.6	10.4%
2017	57.0	62.9	10.3%
2018	52.8	69.6	31.8%
2019	49.18	57.3	16.5%
2020	51.9	63.1	21.6%
2021	52.0	64.2	23.5%
2022	39.6	48.4	22.2%

Рисунок 4 – индекс удобочитаемости «Новогодних обращений...».

Для проверки значимости расхождений между значениями индексов для исследования, был использован метод статистической проверки – *t-критерий Стьюдента*, который применяется при сравнении двух выборок (выборка №1 – тексты на русском языке, выборка №2 – на английском). Проверка осуществлялась для *зависимого* вида выборок, т.к. имеющиеся на рассмотрении выборки отражают динамику развития одного определённого явления, в одном и том же виде выступлений, но с разной их периодичностью.

Полученное эмпирическое значение *t* находится в зоне неопределённости только для двух видов выступлений («Речь...»: $t = 2,4$ при правой границе зоны незначимости, равной 2,09, и левой границе зоны значимости, равной 2,85; для «Поздравлений...»: $t = 2,9$ при правой границе зоны незначимости 2,31 и левой границе зоны значимости 3,36). Во всех осталь-

ных случаях полученное эмпирическое значение t находилось в зоне значимости («Послание...»: $t = 17,7$ при границах 2,09 и 2,86; «Новогоднее обращение...»: $t = 2,9$ при границах 2,07 и 2,82; «Выступление...»: $t = 20,7$ при границах 2,78 и 4,6). Наибольшие значения t -критерий принимает в двух видах текстов – в «Послании...» (17,7) и «Выступлении...» (20,7).

Полученные количественно-статистические данные позволили выдвинуть следующие предположения:

1) Расхождения в значениях индекса удобочитаемости в стенограммах на русском и английском языках не являются статистически значимыми в текстах, приуроченных к государственным праздникам. С другой стороны, расхождения в значениях FRE в стенограммах выступлений, эксплицирующих сведения о внутренней и внешней политике, статистически значимы.

2) Официальный перевод стенограмм на английский язык позволяет *нивелировать* возможную потерю смысла при переводе, а также избежать преднамеренного искажения информации. Стабильная удобочитаемость англоязычных текстов соответствует *коммуникативной стратегии*, которая заключается в увеличении охвата аудитории. Значимы для этой стратегии выступления, связанные с внутренней и внешней политикой, т.к. они характеризуются *масштабностью*, под которой подразумевается количество охватываемых сфер жизни отдельного государства и общечеловеческих ценностей в рамках одного выступления. К примеру, вопросы о развитии медицины, международной гуманитарной помощи нуждающимся, разработке новых технологий и т.д.

3) Во всех видах выступлений, кроме «Посланий...», наблюдается понижение индекса удобочитаемости. Количество слов в политических текстах ежегодно растёт. Индекс FRE напрямую зависит от количества слогов, слов и предложений, потому можно предположить, что средняя длина используемой лексемы возросла, а количество предложений – уменьшилось или осталось неизменным. Использование массивных конструкций может быть связано со стремлением охватить в одной прагматической единице языка как можно более широкий спектр актуальных проблем.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гизатулина Д. Ю. Проблема читабельности текста и её изучение в языкознании // Вестник науки. 2020. Т. 4, № 5 (26). С. 13-18.
2. Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50-74.
3. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108–118.
4. Flesch R. A new readability yardstick // Journal of Applied Psychology. 1948. Vol. 32. No. 3. Pp. 221-233.
5. Оборнева И. В. Математическая модель оценки учебных текстов / И. В. Оборнева // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. 2005. № 4. С. 152-158.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ РУССКОСТИ В ФРАНШИЗЕ «ТРИ БОГАТЫРЯ»

Проблема стереотипов заключается в том, что они основываются на искаженной информации и усиливают ошибочные убеждения. Мультипликационные фильмы могут выступать сильнейшим «культурным оружием», влияющим на формирование представлений зрителя о себе и своей культуре. Франшиза «Три богатыря» повествует о приключениях трех богатырей, об их взаимодействии с Бабой Ягой, Змеем Горынычем и другими персонажами, значимыми для русской культуры. Именно они выступают трансляторами стереотипов русскости.

Ключевые слова: стереотип; русская культура; традиции; культурный образ; мультипликация; феномен русскости; образ богатыря; современная культура.

The problem with stereotypes is that they are based on distorted information and reinforce erroneous beliefs. Animated films can act as the strongest "cultural weapon", influencing the formation of the viewer's ideas about himself and his culture. The Three Heroes franchise tells about the adventures of three heroes, about their interaction with Baba Yaga, Snake Gorynych and other characters significant for Russian culture. They are the translators of the stereotypes of Russianness.

Key words: stereotype; Russian culture; traditions; cultural image; animation; phenomenon of Russianness; image of the hero; modern culture.

Стереотип – это упрощённое, заранее принятое представление о предметах и явлениях действительности, не вытекающее из собственного опыта человека, а возникающее на основе опосредованного восприятия [1, с. 5]. Проблема стереотипов заключается в том, что они основываются на искаженной информации, усиливают ошибочные убеждения и игнорируют индивидуальность субъекта, подверженного стереотипизации. Следствием выступает затруднительная межкультурная коммуникация, под которой мы будем понимать общение между представителями разных культур, поколений и гендеров.

Современное общество – результат таких процессов, как глобализация, цифровизация и массовизация, а современные технологии охватывают все сферы жизни человека и влияют на его формирование и воспитание. Следовательно, система ценностей молодого поколения формируется под их влиянием. Если несколько десятилетий назад «воспитателями» являлись книги и рассказы старших, то сейчас данную роль выполняют компьютеры и смартфоны.

Анимационные фильмы могут выступать сильнейшим «культурным оружием», влияющим на формирование представлений зрителя о себе, о своей и других культурах, о способах коммуникации и о нормах поведения, так как используют уже существующие в культуре стереотипы или формируют новые с учетом современных тенденций.

Задачей нашего исследования выступает анализ франшизы «Три богатыря» с целью продемонстрировать, какие стереотипы русскости она использует, тем самым оказывая влияние на фоновые знания и предрассудки зрителя, его восприятие русской культуры, представления о культурных образах.

Франшиза «Три богатыря», выступающая объектом нашего исследования, повествует о приключениях Алеши Поповича, Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Данная франшиза пользуется популярностью в России: десять полнометражных фильмов анимационной студии «Мельница» заработали в прокате более пяти миллиардов рублей [2, с. 5].

Особое внимание следует уделить главным героям данной франшизы. Богатырь – былинно-героический концепт, а изучение былинного наследия является основой для понимания русской культуры и ее развития. Н. А. Бердяев писал: «русский народ всегда был способен к проявлению большой мужественности <...>. В нем было богатырское начало» [3, с. 5].

Обращение к богатырским образам, их разнообразное воплощение в культурном пространстве России стало традицией. Особый же интерес к русскому эпосу сформировался в XVII веке, именно тогда появились литературно обработанные пересказы былинных сюжетов, например, «История о славном храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче, о Соловье разбойнике», «Сказание о трех богатырях киевских, о славных витязях – о Илье Муромце, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и о Олеше Поповиче». Ученые начали массово записывать их лишь во второй половине XIX века, когда в Олонецкой губернии обнаружилась еще живая традиция исполнения былин. К тому времени русский героический эпос претерпел значительные изменения [4, с. 5]. Изначально героический эпос решал важную культурно-воспитательную задачу – формирование нравственно-интеллектуальных оснований народного сознания, его представления о долге перед Родиной, воинской чести, напоминал новым поколениям о подвигах, совершенных их предками. Все это актуально и сегодня.

Былинное богатырство в русской культуре представляет собой специфическую форму русской героики, основными признаками которой являются выражение народной силы, ориентация на сохранение, стабилизацию, определенный альтруизм, бескорыстие, духовное братство, приоритет служения родной земле и народу. Образ богатыря в сознании русского народа прочно связан с выдающимися физическими данными, а, следовательно, с гиперболизированными примерами их демонстрации, не ограничивающимися только сражениями с чудовищами или выходом в одиночку против целого вражеского войска [5, с. 5].

Интерес к богатырям в изобразительном искусстве также датируется XIX веком, былинных героев можно встретить на следующих полотнах: «Богатыри» (1898 год) Виктора Васнецова, «Богатырь» (1898 год) Михаила Врубеля, «Богатыри проснулись» (1940 год) Николая Рериха.

Образы былин со временем видоизменяются под влиянием культурных особенностей, и уже в видоизмененном и адаптированном виде проникают в массовую культуру и искусство. Примером современной интерпретации богатырского образа служит кинолента «Последний богатырь», главной целью которой является «возрождение русских традиций и продолжение экранизаций русских сказок» [6, с. 5]. Познание символов прошлого помогает найти ответы на сложные вопросы современности, касающиеся восприятия и создания идеалов на основе богатырских образов и нравственного содержания былинного повествования. Запечатленные в культуре народа, данные образы помогают самоопределению личности в современном мире, а также на глубинном уровне смыслов мифологем учат человека отношению к истории.

Помимо сильного и могучего богатыря в франшизе также присутствуют образы Бабы Яги, Змея Горыныча, Тугарина Змея, Соловья Разбойника, царя-управленца. Данные образы значимы для нашей культуры, так как они выступают главными героями русского эпоса на протяжении многих веков.

Все персонажи мультипликационных фильмов «Три богатыря» являются участниками презентации стереотипов о русской культуре, которые можно классифицировать следующим образом:

1. Образ сильного и мудрого богатыря. Былинные герои стремятся решать конфликтные ситуации при помощи диалога, хотя немало примеров в анимационном фильме, подчеркивающих физическую силу и мощь богатырей.

2. Богатство – зло. Зачастую в «денежных делах» участвуют такие отрицательные, по мнению франшизы, герои, как Баба Яга и Змей Горыныч, следовательно, желание разбогатеть приобретает негативный окрас.

3. Образ сильной женщины. Франшиза «Три богатыря» транслирует образ стереотипной «русской женщины», которая «и в горящую избу войдет, и коня на скаку остановит». Главными женскими персонажами выступают жены богатырей, а именно Любава – супруга Алеши Поповича, Настасья Филипповна – супруга Добрыни Никитича, Аленушка – супруга Ильи Муромца. Все они самоотверженные, верные, трудолюбивые, честные и ответственные спутницы богатырей.

4. Сакральный статус власти. Князь Владимир – противоречивый персонаж, однако богатыри спасают его, исполняют его приказы. Зритель может видеть, что князь может быть не прав, но сильный богатырь, защитник государственных интересов, никогда от него не отвернется.

5. Образ «Чужого». Врагами выступают практически все представители других культур, например, татары, печенег, голландец Колыван, владычица восточной страны Шамаханская царица. Все они представлены в роли отрицательных героев, все они лгут, дружба с ними продолжается до тех пор, пока им это выгодно. Представитель другой культуры, а именно «чужой» культуры, по мнению франшизы, явно претендует на русскую землю.

6. Образ Византии. Византийская империя демонстрируется в франшизе как «чужая» культура, однако не обладает только негативным окрасом. Здесь мы можем проследить следующую позицию, касаясь отношений русской и византийской культур: Россия – преемница византийской культуры, Москва – третий Рим.

Еще одной важной характеристикой русской культуры выступает религиозность, однако в франшизе мы видим лишь частичную ее демонстрацию. Герои франшизы являются православными жителями Киевской Руси, но данная особенность русской культуры не является главенствующей и определяющей.

Серия мультфильмов «Три богатыря» учит молодое поколение не военной агрессии, несмотря на то, что элементы драки присутствуют в анимационных фильмах, а учит нести ответственность за свои поступки и думать своей головой, решать конфликты при помощи диалога. «Три богатыря» учат помогать тем, кто слабее, быть отзывчивым.

Франшиза «Три богатыря» знакомит молодое поколение с русской культурой, формирует фоновые знания о других культурах, обеспечивает «культурный минимум», без которого невозможна никакая межкультурная коммуникация. Следовательно, просветительская функция анимационных фильмов оказывает положительное влияние на зрителя, так как коммуникационный процесс может быть успешным лишь при условии, что участники коммуникации обладают минимальным набором культурных знаний относительно друг друга.

Но, с другой стороны, «Три богатыря» формируют у молодого поколения стереотипы и предрассудки относительно разных культур, что оказывает негативное влияние на подрастающее поколение. Ведь сам продюсер анимационных фильмов не скрывает, что исторический материал, взятый за основу, переработан для современного зрителя. «При всех достоинствах классической былинной интерпретации, она сегодня уже, наверное, не очень актуальна, а через такое кино, как наше, через таких персонажей зрителю проще любить страну», – делится С.М. Сельянов [7, с. 5].

Таким образом, важно понимать свою культурную основу, критически относиться как к закоренелым стереотипам, так и к современной интерпретации исторического наследия. Это задача напрямую касается старшего поколения.

Анимационные фильмы – отличный способ познакомить молодого зрителя как со своей, так и с другой культурой. Однако идея русскости и порожденные ею стереотипы, которые присутствуют в франшизе «Три богатыря», должны подвергаться критическому осмыслению. Ведь Россия – страна многонациональная, важной ее особенностью выступает имперскость.

Таким образом, анимация может выступать помощником в процессе познания родной культуры. Однако некоторые мультфильмы могут распространять неправдоподобные факты, не только порождая стереотипы, но и распространяя фейки. Следовательно, к мультфильмам должен быть повышенный интерес не только у детей, но и у взрослых. Просмотр любого мультфильма должен сопровождаться процессом критического переосмысления и рефлексии, так как иногда анимационные фильмы могут использоваться как идеологические инструменты.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 381 с.
2. «Мельница» непрерывного цикла // kiozk URL: <https://kiozk.ru/article/ekspert/melnica-nerpreryvnogo-sikla> (дата обращения: 3.06.2023).
3. Бердяев Н. А. Русская идея. – Париж: YMCA-PRESS, 1971. 259 с.
4. Самая древняя былина Руси // Культура.РФ URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/byliny/> (дата обращения: 10.10.2023).
5. Кокарев И. С. Идея богатырства в русской культуре: дис. канд. Теория и история культуры: 24.00.01. – Иваново, 2017. 155 л.
6. Фильм «Последний богатырь» (2017): Бойтесь диснейцев, дары приносящих // Научи хорошему. URL: <https://whatisgood.ru/tv/films/film-posledniy-bogatyir-2017/> (дата обращения: 10.10.2023).
7. «Мультфильмы – это лучшее выражение радости». Интервью с Сергеем Сельяновым // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/culture/2010/12/24/a_3477106.shtml (дата обращения: 13.09.2023).

Е. Ю. Разина (Санкт-Петербург, Россия)

КОМИКС КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается понятие комикса и его роль в межкультурной коммуникации. Так, объектом статьи является комикс в культуре современности, а предметом – комикс как средство коммуникации. Цель исследования – показать возможность использования комикса как средства межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: комикс; визуальный язык; социализация; межкультурная коммуникация; современная культура; языковые средства; аккультурация.

The article discusses the concept of comics and its role in intercultural communication. So, the object of the article is a comic book in the culture of modernity, and the subject is a comic book as a means of communication.

Key words: comics; visual language; socialization; intercultural communication; modern culture; linguistic means; acculturation.

В первую очередь следует обозначить, что в данном исследовании рассматривается в основном американский комикс, как место консолидации комикса и наибольшего распространения, и его роль в межкультурном общении.

Длительное время в научной среде комикс считался плодом массовой культуры, который нацелен в основном на потребление детской и подростковой аудиторией. Многие исследователи-логоцентристы критиковали комиксы и видели в них признак деградации общества. Для них комиксы олицетворяли победу визуальной подачи информации над классической словесной. Критики утверждали, что из-за комиксов происходит нарастание в Канаде и США позиций «внесистемных» субкультур, которые в свою очередь, подрывают ценности существующей традиционной англо-саксонской

культуры, а сленг и грамматические ошибки, характерные для «картинок с текстом», обвиняли в негативном влиянии на нормативный язык в целом. Следует сказать, что критика была обоснованной, т.к. комикс, будучи изначально либеральным жанром, был рассчитан на массовую аудиторию, а его сатирическая составляющая не имела никакой серьёзной моральной подоплеки. Однако следует уточнить, что всех персонажей первых комиксов брали из самой гущи реальной жизни. Так, американский художник Р. Аутколт, создатель главного героя одного из самых ранних американских «протокомиксов» «Жёлтый малыш» (Yellow Kid) 1880-х годов, говорил, что срисовал Малыша с мальчишек из трущоб, в которых сам часто бывал. Такой тип мальчишки с бритой головой, в жёлтой не по размеру рубашке, с глуповатой улыбкой и оптимистичным взглядом на жизнь присутствовал в типичных маленьких обитателях бедных районов. Речь у них была особенной, они разговаривали на локальном сленге, а половину слов было сложно разобрать. Именно поэтому в графических историях и появилась имитирующая такую речь культура подписей в «пузырях», которая является одной из основных характеристик комикса.

Только в 1924 году в книге Г. Селдеса «Семь свободных искусств» комиксу отвели полноправное место рядом с другими произведениями искусства. Так, по мнению Г. Селдеса, комикс можно рассматривать как достаточно сложную систему коммуникации, где своеобразное провокационное упрощение образов – намеренное примитивизирование языка, несуразность внешнего облика героев работало как механизм принятия культуры кинокомикса [1, с. 213]. Вообще, комикс играл ту же роль, что и немое кино для иммигрантов, помогающее им свыкнуться с новой социокультурной ситуацией.

Вне сомнений комикс – креолизованный текст, сочетающий в себе как вербальные, так и невербальные знаки, однако у него есть свои особенные отличительные черты. Одним из первых, кто попытался определить, каким образом изменяется смысл, когда соединяется с изображением, был французский семиолог Р. Барт. В своей статье «Риторика образа» он выделяет следующие отличительные черты комиксов:

1. Обязательное наличие между главными персонажами комикса идеологического конфликта, через который автор пытается показать определённую модель человеческого поведения.

2. Высококонтекстуальность. Каждый отдельный рисунок комикса имеет информационную и эстетическую независимость, однако, несмотря на это, он может существовать только в едином смысловом пространстве всего произведения.

3. События в комиксе всегда развиваются динамично.

4. Изображение рисунков и текстов сжато, лаконично, но вместе с тем оно не позволяет читателю небрежно читать или «бегло» просматривать произведение.

5. Эмоциональность и яркость – является одной из основных черт комикса, которые призваны завладеть вниманием читателя с первых кадров.

6. Наконец, комикс благодаря раскадровке легче воспринимается для читателя: отсутствует нужда представлять внешний вид персонажей, цвета, атмосферу [2, с. 298].

Возвращаясь к истории развития комиксов, следует сказать о периоде активной критики комиксов: когда эпоха 1920-х сменилась Великой депрессией, а затем ужасами Второй мировой войны, изменилось и общественное мнение. Многие критики усмотрели причины катастрофических изменений в массовой культуре, в которой стали видеть угрозу манипулирования умами. На комиксы же, как на продукт массовой культуры, посыпался целый шквал обвинений. На страницах журналов их называли «интеллектуальной марихуаной». В 1950-е годы группы разгневанных родителей устраивали публичные сожжения комиксов. А сами издатели комиксов предстали перед сенатской комиссией, где им пришлось держать ответ по обвинению в способствовании преступности малолетних.

Реабилитироваться в глазах общества комиксы смогли лишь к началу 60-х годов, когда в свет вышла работа М. Маклюэна «Понимание медиа. Внешние расширения человека» (1964). Канадский культуролог призывал рассматривать массовую культуру исходя из её собственных терминов, а не подгонять под рамки традиционной классической культуры. В своей книге он осуждает критиков, которые «не замечая ничего в форме, не смогли ничего разглядеть и в содержании. Драки и насилие – вот всё, что они заметили. А потому, следуя своей наивной письменной логике, они ожидали, что насилие захлестнет мир. Или относили на счет влияния комиксов существующую преступность. Слабоумные преступники научились даже жаловаться: «Это-книжки-комиксов-ва-всем-винавааааты» [3, с. 191]. Современное состояние общества автор определил как «неожиданный вызов», который подтверждается глубокими изменениями в нашей культуре: «Сегодня нам крайне нужно понять формальный характер печати, комикса и карикатуры, бросающий вызов потребительской культуре кино, фотографии и прессы и, в то же время, изменяющий ее» [3, с. 192].

Идейной составляющей американских комиксов 60–70-х годов является, в первую очередь, «миф о герое». Америка того времени находилась в крайне нестабильном состоянии: холодная война, серьёзные изменения в экономике страны, множество социальных революций, упадок нравственности и глубокий экономический кризис 1970-х. Жители страны нуждались в надежде, в «герое, который всех спасёт». Так, вполне логично, что пик популярности героического комикса приходится именно на этот период.

В настоящее время многие исследователи рассматривают комиксы в качестве самостоятельного способа медиакommunikации и отмечают сходство с Интернетом в распространении их влияния. Когда появляется Интернет, «возникает совершенно новая коммуникативная среда, которая

полностью отражает желания потребителя», в комиксах же «она заиграла сильнее, поскольку добавился визуальный элемент, работающий равноправно с вербальным» [4], а так как визуальность понятна и вне языка, совершенно логично, что она привлекает ещё больше массовости. Американский создатель веб-комиксов Б. Гигар так же утверждает, что визуальную информацию человек запоминает легче, чем текстовую. Ясность комиксов, их наглядная составляющая, лаконичность текстов и возможность вариативности форматов делают их эффективным способом межкультурной коммуникации в условиях современного общества. Так, комикс, будучи преимущественно американским продуктом культуры, постепенно начинает расширять свою географию. В Японии аналогом комиксов является манга, получившая своё развитие во второй половине XX в. и популярная по сей день; в России до 2000-х годов сложно найти что-то схожее по детерминантам с комиксами, и только в 2012 году появляется серия графических романов «Майор Гром», созданная издательством Bubble Comics. Благодаря этим примерам мы видим, как комикс с помощью своей массовости и универсальности может входить в культуры других стран и народов: человек познакомился с распространёнными американскими комиксами и интерпретируя их через призму своей культуры ввёл в привычную ему медиа-среду.

Таким образом, подводя итоги, мы можем сказать, что, во-первых, комикс – это эффективное коммуникативное средство. Комикс следует рассматривать не только как продукт массовой культуры, но и как перспективный способ изучения другой лингвокультуры с воплощенными в персонажах комикса особенностями и традициями этой культуры, этоса, страны.

Во-вторых, комикс, в большинстве случаев, выступает реакцией на социокультурное состояние общества и транслирует страхи, желания или надежды людей через свои сюжеты и своих персонажей (от драк и насилия к супергероям).

И, наконец, комикс – это не только текст или изображение, но, в первую очередь, виртуальное пространство и визуальный язык, выполняющий функцию социализации и межкультурного общения. А, соответственно, культурной миссией историй и героев комиксов через их виртуальное пространство является поддержание связей между разными слоями общества, разными поколениями, разными нациями.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Seldes G. The Seven Lively Arts. New York: Sagamore Press, 1957. 306 p.
2. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика / сост., ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. С. 297–319.
3. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М. ; Жуковский : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
4. Почепцов Г. Г. Комиксы как медиакоммуникации. URL: <https://psyfactor.org/lib/media-communication-8.htm> (дата обращения: 20.10.2023).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Токарев Г. В.</i> Стереотипы о Туле в контексте повседневности начала XXI века: опыт словарной статьи	3
--	---

СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

<i>Акуленко Е. А., Леонтьева В. В.</i> Связанная сочетаемость экзотизмов в иноязычном коммуникативном пространстве (на примере синтагматики лексемы <i>джунгли</i>)	6
<i>Алексушин Г. В.</i> Карабонимика как функциональное направление ономастики и семиотики	13
<i>Васильева Ю. А.</i> Семиотика названий жилых комплексов как поликодовых ойкодомонимов	17
<i>Вильданова Г. А.</i> Национальные символы в современной массовой культуре	23
<i>Грищенко Н. М.</i> Мифологический универсум испанского поэтического текста	28
<i>Дмитриева А. В.</i> Прецедентность в официальной и неофициальной урбанонимии Екатеринбурга	32
<i>Ковалева Т. Г.</i> Семиотические аспекты дискурса сферы безопасности жизнедеятельности	37
<i>Лобань Н. П.</i> Назвы хвароб у структуры беларускіх добразычлівых і зламоўных пажаданняў	42
<i>Масютина Г. С.</i> Проблемы перевода названий кинофильмов	48
<i>Неборская Л. Н.</i> Жанрово-структурные особенности протокола допроса «ведьм» XVII века (на материале архивных документов региона <i>Курмайнци</i> , Германия)	53
<i>Полежаева С. С.</i> Телесная метафора в пословицах русского народа как вербализованное представление жадности	59
<i>Ступина Е. С.</i> Пространство культурных кодов в рекламном дискурсе (на примере рекламных текстов газеты «Pro Город»)	64
<i>Трунова Н. В.</i> Политическая реальность современности в англоязычной политической публицистике: <i>modi praesentandi</i>	70
<i>Шеховцова Е. Е.</i> Английские гендерные и гендерно нейтральные неологизмы: семантический аспект	76

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

<i>Абреу-Фамлюк В. Р.</i> Специфика перевода обращения президента к нации (на материале устных публичных выступлений Э. Макрона).....	83
<i>Болдова Т. А. С. Фань. Н. Л. Ань.</i> Карикатура как социокультурная проблема перевода	89
<i>Ваишкявичус В. Ю.</i> К вопросу о лингвокультурной адаптации в аудиовизуальном переводе кинотекста.....	94
<i>Коротких Ж. А.</i> Перевод английских общественно-политических неологизмов на русский язык.....	99
<i>Курбаленко Н. В.</i> К переводу немецких каузативных конструкций с глаголом lassen на белорусский язык	104
<i>Павлова О. В.</i> Функционирование прецедентных высказываний в политическом дискурсе КНР: переводоведческий аспект	109
<i>Ревуцкая Е. А.</i> Поэтический перевод в свете концептуальной метафоры (на материале поэмы « <i>Les feux de Paris</i> » Луи Арагона).....	116
<i>Хрисонопуло Е. Ю.</i> Детерминация предикативного отношения в высказывании и употребление конструкций с английским предлогом <i>by</i>	119
<i>Шевченко Е. В.</i> Особенности передачи культурной специфики текста переводчиком-носителем языка оригинала.....	126

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Гибкий П. В.</i> Использование технологии «Обучение в сотрудничестве» в ходе изучения синтаксиса китайского языка (на примере занятия «Эффект прошедшего времени»).....	131
<i>Дементьева Т. Г.</i> Опыт разработки учебно-программной документации по дисциплине «Семиотика культуры»	135
<i>Исмаилова Х. Э.</i> Социокультурный аспект при обучении РКИ мусульманскими студентами.....	140
<i>Комарова М. А.</i> Этнокультурный компонент профессионально ориентированного лингвистического образования	145
<i>Конева Е. А.</i> Дидактический потенциал цифрового коллажа на занятиях по немецкому языку в ВУЗе	148
<i>Лобеева П. И.</i> Использование ChatGPT для разработки учебных материалов при обучении фразовым глаголам.....	153

<i>Луцинская О. В.</i> Средства массовой коммуникации в преподавании иностранного языка в учреждениях высшего образования	157
<i>Рахмонов А. Б.</i> Рефлексивные методы в обучении иностранному языку: осознанное усвоение и эффективное развитие языковых навыков.....	161
<i>Рыбак М. В.</i> Основные аспекты реализации интегративного подхода в обучении иностранным языкам в высшей школе	166
<i>Степанова И. В.</i> Опыт преподавания стилистики на языковом факультете ВУЗа.....	172
<i>Тучкова И. Г.</i> Способы организации ситуативно-ролевых игр.....	178
<i>Фридерикс А. В.</i> Влияние образовательной среды военного ВУЗа при обучении курсантов иностранному языку.....	183

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Бурдун Е. А., Кравченко О. В.</i> Особенности работы с терминологией французского языка в процессе обучения профессионально-специализированному чтению в классах профильной направленности.....	189
<i>Велис Л. А.</i> Языковая картина мира и проблема перевода ольфакторной лексики	193
<i>Глушкова А. И.</i> Итальянский язык как средство международной коммуникации в сфере культуры.....	198
<i>Гирчева А. О.</i> Реализация здоровьесберегающих технологий в общеобразовательной школе на примере УМК «Английский в фокусе»	204
<i>Грищенко Р. О., Дудина А. М.</i> Трансформации прецедентных феноменов как вариант языковой нормы (на материале французского и русского языков)	210
<i>Дун С., Дементьева Т. Г.</i> Речевой этикет в русской и китайской лингвокультурах	214
<i>Ланских Д. А., Акимова Н. В.</i> Использование технологии дополненной реальности при обучении иностранным языкам	220
<i>Ларцина С. В.</i> Динамика изменений удобочитаемости текстов выступлений главы государства (на примере русского языка в сопоставлении с английским языком)	223
<i>Матвейчук А. А.</i> Презентация стереотипов русскости в франшизе «Три богатыря»	229
<i>Разина Е. Ю.</i> Комикс как средство межкультурной коммуникации	233

Научное издание

ЯЗЫК–СЕМИОТИКА–КУЛЬТУРА

Сборник научных статей
по итогам международной научной конференции

Минск, 20–21 ноября 2023 года

В двух частях

Часть вторая

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. М. Дудина*

Компьютерная верстка *Е. А. Запеко*

Подписано в печать. 04.11.2024. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 16,11. Тираж 50 экз. Заказ 40.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск